

Александр Михайловский
Александр Харников

ОДНАЖДЫ В ОКТЯБРЕ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

В 2012 году к берегам Сирии, охваченной пламенем войны, вышла российская эскадра под командованием контр-адмирала Ларионова. Но вместо Средиземного моря она оказалась в море Балтийском, а из 2012 года попала в год 1917-й. В октябрь, десять дней которого, как потом писал Джон Рид, «потрясли весь мир». С кем быть, чью сторону принять? Как сделать так, чтобы пролетарская революция не переросла в гражданскую войну, и не раскрутился маховик той страшной бойни, когда брат шел против брата, а сын против отца? Герои этой книги не колебались ни минуты. Разбив германскую эскадру у Моонзунда, они направились в Петроград, где большевики еще не взяли в свои руки власть, но Керенский ее из своих рук уже выпустил. И все последующие события мировой истории пошли совсем по другому пути...

Александр Михайловский
Александр Харников
Однажды в Октябре

Часть 1. Крах «Альбиона»!

Нигде и никогда, вне времени и пространства.

ГОЛОС звучал, перекачиваясь в головах людей громовыми волнами.

— Службе Обеспечения Эксперимента приступить к созданию темпоральной матрицы!

— Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента, сканирующая линза создана процесс обнаружения, и локализации объектов запущен. — После длящейся вечность паузы, заполненной стуком метронома ГОЛОС продолжил, — Обнаружено и локализовано шестнадцать надводных и два подводных объекта, объекты в воздухе отсутствуют. Приступаю к процессу сканирования. Десять... двадцать... пятьдесят... восемьдесят... сто... Сканирование завершено, матрица сформирована.

— Службе Обеспечения Эксперимента приступить к трассировке темпоральных узлов-реципиентов.

— Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента, трассировка темпоральных узлов инициирована. Первый доступный узел-реципиент — 4 января 1942 года от рождества Христова, координаты сорок четыре дробь тридцать один в Гринвичской системе координат. Второй доступный узел-реципиент — 11 октября 1917 года, координаты пятьдесят девять дробь двадцать. Третий доступный узел-реципиент — 9 февраля 1904 года, координаты тридцать семь дробь сто двадцать пять. Четвертый доступный узел-реципиент — 5 июня 1877 года, координаты тридцать девять дробь двадцать пять. Пятый доступный узел-реципиент — 4 ноября 1854 года, координаты сорок два дробь тридцать... Остальные энергетически доступные темпоральные узлы-реципиенты заблокированы логическими запретами первого и второго уровней.

— Выявленные темпоральные узлы-реципиенты санкционированы, Службе Обеспечения Эксперимента приступить к процессу копирования матрицы.

— Служба Обеспечения Эксперимента к процессу копирования матрицы приступила. Первая копия — готово, копирование успешно! Вторая копия — готово, копирование успешно! — потом ГОЛОС посуровел и в манере диктора еще того, советского, телевидения произнес, — Дорогие товарищи, наш рейс прибыл в 1917 год, за бортом 11 октября означенного года по Григорианскому календарю, позиция в самом центре Балтийского моря. Местное время восемнадцать часов. Командир корабля и экипаж прощаются с вами и просят сохранять спокойствие и мужество. О своих семьях не беспокойтесь, о них позаботятся ваши Оригиналы. — ГОЛОС посуровел, — Делайте, что должно и да свершится, что суждено! — Аминь!

Узел второй, 11 октября (28 сентября) 1917 года, Балтийское море.

Серый мрачный осенний балтийский закат, над волнами Балтики, смешиваясь с туманом и низкими дождевыми облаками, медленно расплывается линзообразное облако грязно-желтого тумана. Его медленно сносит на восток упорным, сырым, как все вокруг, западным ветром. Тут не было посторонних глаз, которые могли бы увидеть, как на только

что пустой глади моря, из тумана появились невесть откуда взявшиеся корабли под андреевскими флагами. Много кораблей, эскадра, или даже флот.

18:01 ТАКР «Адмирал Кузнецов», каюта контр-адмирала Ларионова

Контр-адмирал Ларионов сидел как оглушенный ударом молнии. В глазах фиолетовые и розовые пятна, в ушах звон, во рту сухость. Двадцать восьмое сентября — по старому, одиннадцатое октября — по новому стилю. Ровно за четыре недели до того момента, который потряс мир. Рука адмирала протянулась к селектору, — Капитана 1-го ранга Иванцова.

— Слушаю, товарищ контр-адмирал, — донесся в ответ чуть хриплый голос.

Адмирал помолчал, — Значит так, Сергей Петрович, как нам только что сообщили свыше, здесь и сейчас у нас тут война. Первая мировая, если кто в школе учился. От моего имени объяви готовность № 1. Приказ — по всему, что несет опознавательные знаки Германской империи открывать огонь на поражение без всякого предупреждения. И пусть запишут в журнал.

С «Москвы» поднять воздух вертолет ДРЛО, с «Кузнецова» Су-33 в комплектации разведчика. Истребительного барража не надо — нам тут пока воевать в воздухе не с кем. Доставь сюда со «Смольного» команды ГРУшников и СВРовцев, — адмирал сделал паузу, — журналистов, пожалуй, тоже. Пусть тоже будут под рукой — время такое. Через час Военный Совет, собери командиров кораблей, Бережного с Антоновой, и этого, — контр-адмирал заглянул в список, — спецкора Тамбовцев. Меня о нем предупреждали, что в истории хорошо разбирается, а нам сейчас такой позарез нужен.

— Так точно, товарищ контр-адмирал, сейчас дам задание — все будет сделано... — начальник штаба соединения помедлил, — Что еще?

Адмирал на мгновение задумался, — Сергей Петрович, как все сделаешь, зайди ко мне минут на пять, есть разговор.

— Хорошо, товарищ контр-адмирал, — Иванцов кашлянул, — Это все?

— Да, все, спасибо, — адмирал Ларионов отключил селектор. Потом немного подумал и потянулся к личному ноутбуку. Он прекрасно понимал, что имел в виду тот, кто их сюда заслал. Завтра утром, германская армия и флот начнут операцию «Альбион» цель которой — захват Моонзундского архипелага. Вон на книжной полке стоит затрепанный томик Пикуля, «Моонзунд» — книга которая, можно сказать, и привела его во флот. Адмирал встал и прошелся по каюте. Он думал.

Минут через пятнадцать оглушительный грохот, пронизавший весь корабль, возвестил, что самолет разведчик стартовал. Еще некоторое время спустя в каюту вошел, капитан 1-го ранга Иванцов, — Разрешите, Виктор Сергеевич?

— Заходи и садись, — кивнул Ларионов, — разговор у нас с тобой будет не совсем обычный.

— Слушаю вас, товарищ контр-адмирал? — с некоторым недоумением переспросил начальник штаба.

— Ты ведь, Сергей Петрович, у нас коммунист?! — вопрос адмирала выглядел скорее утверждением.

— Коммунист, товарищ контр-адмирал, — ответил Иванцов, — но беспартийный.

— Это как?! — не понял Ларионов.

Иванцов вздохнул и устроился на стуле поудобнее, — Убеждения у меня, стопроцентно

коммунистические. Но тот цирк-шапито, в который превратил партию товарищ Зю, мне категорически противен. Можете считать меня убежденным сталинистом.

— Это хорошо, — адмирал кивнул, — потому, что вон там, — он указал туда, где, как он считал находится восток, — в пятистах километрах отсюда, в славном городе Петрограде сейчас находится товарищ Сталин в самом расцвете своих тридцати девяти лет. Сидит, наверное, и готовит к печати очередной номер газеты «Рабочий путь» — так сейчас после многих запретов и закрытий называется газета «Правда».

— Я это помню, товарищ контр-адмирал, — кивнул Иванцов, — Что-нибудь еще?

— Да нет, спасибо, Сергей Петрович, можете быть свободны... — адмирал встал, — просто теперь я уверен, что полностью могу на вас рассчитывать. Будьте добры, к началу Военного совета подготовьте краткую справку, того что сейчас происходит в России и в мире.

Журналист Александр Васильевич Тамбовцев.

«Он шел на Одессу, а вышел к Херсону...» — почему-то вспомнилась мне строчка из старой героической песни про «матроса-партизана Железняка». Как и он, оправились мы в Сирию начала XXI века, а угодили прямиком на Балтику образца осени 1917 года.

Кстати, если верить тому, что вещал этот загадочный голос, то у меня есть вполне реальный шанс встретиться с героем вдруг вспомнившейся мне песни, матросом-анархистом Анатолием Григорьевичем Железняковым. Личность, кстати, легендарная. Сей кадр отлично владел французским языком, рисовал, хорошо играл на фортепиано. Это вам не пьяный «жорик» с двумя классами ЦПШ, семечками, клешами, метущими улицу и жаргоном гопника с Лиговки.

6 сентября 1917 года Железняков сумел удрать из «Крестов», где он тянул 14-летний срок. Сейчас он уже в Кронштадте, заседает в Центробалте. Так что, даст Бог, увидимся с человеком, который в 1918 году прикрыл говорильню, именуемую Учредительным собранием.

А пока меня срочно затребовали на «Кузю». Сам адмирал Ларионов захотел меня увидеть. Похоже, что мне придется снова заниматься делами, которыми я уже давно не занимаюсь. Я встрепенулся, словно старый боевой конь, услышавший звук горна. Значит, повоюем еще!

— Товарищи офицеры! — мы собрались здесь, чтобы определиться, что нам делать дальше, и чего от нас хочет та сила, что забросила нас в это время. Вы все уже знаете, что через несколько часов германский флот начнет операцию «Альбион», а еще через четыре недели будет Великий Октябрь. И если у нас хватит сил и средств запросто похерить все планы германского командования на Балтике, то я не вижу ни возможности, ни необходимости как-то мешать приходу большевиков к власти...

Невысокий, худощавый начавший уже седеть мужчина в полевой форме с полковничьими погонами поднял руку, — Полковник Бережной, куратор спецгруппы ГРУ. — Товарищ контр-адмирал. Я думаю, что все тут разделяют мнение о том, что Временное правительство, которое уже развалило все, что можно развалить, и предало все, что можно предать, обречено, и чем быстрее его вынесут на лопате, тем лучше.

Что же должны делать мы? Как сказал классик, — Если не можешь предотвратить, то возглавь. Здесь есть работа по нашей нам специальности. Телефон, телеграф, почта, вокзалы, госбанк, и на сладкое — Зимний. Но, считал бы необходимым, предварительно провести доразведку на местности. Живая реальность может значительно отличаться от общепринятой истории. Сами знаете — как часто у нас из черного делали белое, и, наоборот. Кроме того было бы неплохо завязать контакты с нужными людьми...

— Товарищ полковник, с кем именно вы хотите контактировать? — переспросил капитан 1-го ранга Иванцов, — Случайно не с Троцким ли?

— Если надо будет, то и с Троцким, — ответил Бережной, — но в первую очередь нас интересует тот, кто уже один раз принял нашу страну с сохой, а оставил ее с ядерным оружием. Слова «товарищ Сталин» вам о чем-нибудь говорят?

— Говорят, товарищ полковник, — кивнул Иванцов, — Но почему, в таком случае, не Владимир Ильич Ленин?

— Так он сейчас не у дел, товарищ капитан 1-го ранга, — ответил Бережной, — находится в Выборге, на территории Великого княжества Финляндского, и руководит подготовкой к вооруженному восстанию виртуально. Впрочем, его фигура заслуживает внимания. Это теоретик и тактик, которых еще надо поискать. К тому же он пользуется в партии огромным авторитетом. Но, — полковник помедлил, — очень хотелось бы знать, как Ильич поведет себя в новых условиях...

— Понятно, — сказал Ларионов и переглянулся с Иванцовым, — Кого думаете послать в Петроград?

— Кх-м, — прокашлялась полковник Антонова Нина Викторовна, — Мы, тут этот вопрос между собой уже обсуждали. И с Вячеславом Николаевичем пришли к общему мнению, что в случае необходимости на встречу со Сталиным должен идти Александр Васильевич Тамбовцев. Он и журналист (коллега поймет коллегу), и офицер запаса по нашему ведомству, и вообще человек с большим жизненным опытом. Я считаю, что он найдет для товарища Сталина нужные слова. Для сопровождения и маскировки вместе с ним в Петроград осени 1917 года пойдет молодая журналистка с телеканала «Звезда» Ирина Андреева. Подобная пара — молодая девушка и пожилой мужчина, хороша тем, что общим вниманием будет пользоваться именно девушка. Кроме того, она сама по себе уже достаточно опытный военный журналист. Пойдут они туда, где можно найти редактора

газеты «Рабочий путь», в типографию «Труд» на Кавалергардской улице — это недалеко от Смольного. Кроме того, дадим им на всякий случай двух-трех крепких ребят для прикрытия.

— Хорошо, — кивнул адмирал, — ваш план пока принимается. — Что еще? У кого есть другие мнения?

— Товарищ контр-адмирал, — поднял руку командир сторожевика «Ярослав Мудрый», — а что если мы, по указанию тех, кто нас сюда забросил, должны переиграть Первую мировую войну?

Адмирал тяжело вздохнул, и посмотрел на своего начальника штаба.

— Нет, товарищи, — покачал головой капитан 1-го ранга Иванцов, — не сходится. Тогда нас должны были бы забросить в август четырнадцатого, а не в октябрь семнадцатого. Ведь всего делов-то — высадить десант под Данцигом, захватить мосты, и перерезать железную дорогу на Кенигсберг. С современным вооружением наши морпехи могли бы целую вечность удерживать позиции против полевых пушек немцев и винтовок Маузера. А тем временем Самсонов с Реннекампом, таки заняли бы Восточную Пруссию, и уничтожили обороняющую ее 8-ю армию. Ну, и конечно, бомбить с воздуха в немецком тылу все, что шевелится, не без этого. А сейчас уже поздно, что выросло, то выросло.

— Это понятно, — кивнул контр-адмирал Ларионов, — Хотя чувствую, что побомбить немцев нам еще придется. Еще вопросы будут? — офицеры напряженно молчали, — тогда закончим с демократией, и перейдем к приказам.

Первое — операции по свержению Временного правительства, присвоить кодовое наименование «Фестиваль». Ответственный за разведку и планирование — полковник Антонова Нина Викторовна, ответственный за силовую часть — полковник Бережной. Для обеспечения силовой части операции «Фестиваль», полковнику Бережному подчиняются: БПК «Североморск», БДК «Саратов», «Новочеркасск», «Калининград», «Александр Шабалин», учебные корабли «Смольный» и «Перекоп», военный транспорт «Колхида», танкер «Дубна». Рота спецназа ГРУ и отдельная вертолетная группа специального назначения уже находятся в его подчинении.

Второе — операцией «по принуждению Германской империи к миру» командовать буду лично я. Принуждать немцев к приличному поведению будут: ТАКР «Адмирал Кузнецов», ракетный крейсер «Москва», эсминец «Адмирал Ушаков», сторожевики «Ярослав Мудрый» и «Сметливый». Подводные лодки «Алроса» и «Северодвинск» останутся пока в резерве, вместе с небоевыми судами соединения. «Северодвинску» на Балтике тесно, как крокодилу в ванной, а работу «Алросе» мы пока на придумали... Можно конечно послать лодку для блокирования восточного конца Кильского канала, но авиация, разбомбив шлюзы, сделает это и быстрее и эффективнее.

— Товарищ контр-адмирал, — поднял руку командир «Алросы» капитан 2-го ранга Павленко, — моя лодка может занять позицию с балтийской стороны датских проливов, напротив Копенгагена. Я думаю, что англичане могут договориться с Данией, и после разгрома на Балтике германского флота и блокирования Кильского канала, попробуют проникнуть в Финский залив. Тогда мы могли бы наглядно, после потопления пары-тройки дредноутов, объяснить адмиралам Его Величества, что «посторонним вход воспрещен».

— Хорошо, подойдите сюда, — адмирал Ларионов указал точку на карте, — займете позицию вот здесь. Задача — не пропустить на Балтику ни одного корабля Антанты. Ни военного, ни торгового. Топите без предупреждения, здесь так принято. — Он обвел взглядом собравшихся, — Что-нибудь еще?

Капитан 1-го ранга Иванцов посмотрел на полковника Бережного, — Вячеслав Николаевич, у меня к вам есть одна просьба.

— Говорите, Сергей Петрович, — кивнул Бережной.

— Поскольку вам подчиняются и рота спецназначения ГРУ и отдельная вертолетная группа специального назначения, то не могли бы вы поделиться специалистами. Возможно, что в ходе операции нам придется проводить точечные операции на побережье, а у вас в Питере, для ударных вертолетов пока совершенно нет никаких задач...

Бережной посмотрел на контр-адмирала, — Виктор Сергеевич, во время скрытой фазы «Фестиваля», нам понадобится максимум два взвода спецназа и четыре вертолета Ка-29. Когда речь пойдет о взятии власти, то будет необходимо сосредоточить на выполнении главной задачи все силы.

— Вы правы, — кивнул адмирал, — Питер, это главное. Первый же ваш сигнал, и мы все поставим на место. — Что еще?

Полковник Бережной пожал плечами, — Все, товарищ контр-адмирал. Командовать полуротой спецназа прикомандированной к флоту будет майор Гордин. Кроме всего прочего, на «Североморске» надо освободить ангар. Пусть его Ка-27 перелетит пока на «Адмирал Кузнецов». На этом точно все. Разрешите приступать?

— Приступайте, товарищ полковник, — адмирал обвел взглядом собравшихся, — Так, корабельная группа «Питер», заместитель полковника Бережного по военно-морской части капитан 1-го ранга Перов. Соблюдая маскировку, выдвигаетесь в Финский залив. Будьте осторожны, возможны минные поля. Я вас Алексей Викторович, для того и посылаю, что вы сможете провести корабли даже в этом «супе с клецками». Первая промежуточная точка — остров Гогланд. Остальные корабли получают конкретные приказы по мере разработки операции. Все, все свободны.

Офицеры молча покидали военный совет. Слишком грандиозна была задача, слишком неопределенными были начальные условия. Все что они знали об этом времени — это мифы. Советские мифы, антисоветские мифы, постсоветские мифы... И вот теперь им предстоит узнать, каков он был, Октябрь 1917 года, и мало того принять в этих событиях участие. Встретить многих очень интересных людей. Есть шанс сделать все, чтобы история России пошла другим путем.

Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Закончился Военный совет и офицеры разошлись, чтобы заняться подготовкой к тому, что случится завтра утром. На горе немецкого командования, спланировавшего операцию «Альбион», наше соединение полностью боеготово, да к тому же вооружено так, что никто в этом мире не может с ним потягаться. Я не имею в виду ядерное оружие, хотя на этой войне ничего нельзя исключить. Оружие массового поражения в виде ядовитых газов здесь применяется вовсю. Если немцы еще раз применят газы против русской армии, то я прикажу нанести удар спецбоеприпасами по объектам их тыловой инфраструктуры.

Но главное не в этом. Немцы и война с ними — это всего лишь разминка перед большой дракой. Оказывается, нам судьбою предначертано совершить то, что «потрясет мир», так, кажется, назвал события осени 1917 года американский журналист Джон Рид. Интересную книгу он написал, кстати. Перед началом совещания я быстренько пролистал ее, чтобы вспомнить основные события сентября-октября 1917 года. Ох, и веселое было времечко!

Правда, в отличие от того варианта событий, нам надо не только Временное правительство свергнуть, но и разгромить германский флот у Моонзунда таким образом, чтобы победа в морском сражении отозвалась победой в Петрограде и пошла в зачет уже новой власти. — Сложно это все, товарищи!

Человек я военный, всю жизнь посвятил флоту, от политики же старался держаться подальше. Считал, что мое дело — содержать вверенный мне корабль (а потом, и корабли) в таком состоянии, чтобы друзья уважали наш флот и страну, а враги боялись. И когда 6-й американский флот драпанул от нас до самого Норфолка, для меня это было, как золотая медаль для спортсмена, причем олимпийская. Высшая оценка способностей и заслуг. Но оказывается, нас высоко оценили не только американцы... И потому мы здесь и сейчас. А главная задача в этом времени все таки больше политическая, чем военная, и для нас надо не особо увлекаться игрой «Охота на немцев»

Но, сирийские дела в XXI веке тоже были завязаны на политику, поэтому на эскадре есть люди, которые лучше меня разбираются во всех этих хитросплетениях. Буду советоваться с ними, надеюсь, подскажут, если что не так. Главное, что мы знаем чего хотим, и то, как этого можно добиться.

К Военному Совету со «Смольного» на «Адмирал Кузнецов», вместе с ГРУшниками и СВРовцами, был доставлен и спецкор ИТАР-ТАСС, Александр Васильевич Тамбовцев. Это именно его полковник Антонова предложила для выполнения основной миссии в городе Петрограде. На совещании он стоял в задних рядах, молчал и внимательно слушал. В сопроводилке, которая с самого начала похода лежала в моем сейфе, было написано, что Тамбовцев в доперестроечных времен работал в одной тихой конторе с трехбуквенной аббревиатурой и связанной с «глубинным бурением». После 91-го года вышел в отставку в невысоком чине капитана, и подался в журналистику. Неплохо знает историю, рассудителен, не трус, имеет принципы (в наше время это довольно редко встречается), к тому родился и вырос в Питере, и отлично знает все его закоулки.

Хорошее досье, вызывающее уважение. Познакомимся с Александром Васильевичем

поближе. Я щелкнул клавишей селектора, вызывая своего адъютанта, — Миша, срочно найди мне, пожалуйста, Александра Васильевича Тамбовцева. Он может быть у журналистов или СВРовцев. И передай Иванцову, пусть начинают без меня..

20:15. ТАКР «Адмирал Кузнецов», Александр Васильевич Тамбовцев

Когда подтянутый вежливый лейтенант сообщил мне, что со мной хочет увидеться контр-адмирал Ларионов, я был в большой каюте, которую командир «Кузнецова» капитан 1-го ранга Антон Иванович Андреев любезно отвел переведенным сюда со «Смольного» журналистам. Авиагруппа «Адмирала Кузнецова» была примерно втрое меньше, чем рассчитывали, так что в его недрах свободных помещений хватало.

В данный момент в этой каюте бушевал смерч, ураган и землетрясение в одной экономичной упаковке. «Упаковкой» являлся директор съемочной группы телеканала «Звезда» господин Лосев. Завзятый либерал, он просто выходил из себя от злости, узнав что мы собираемся поучаствовать в Великой Октябрьской революции, причем, на стороне большевиков. Вопли о «демократии», «законном правительстве», «европейской семье народов», «верности союзническому долгу» вылетали из его ротика вперемешку со слюной.

Ирочка Андреева, стояла перед ним взъерошенная, как кошка, и было видно, что она готова своими острыми коготками сделать мгновенный «макияж» на небритом хохотальнике своего шефа. Дорогу в адмиральский салон я запомнил, и поэтому шепнул лейтенанту, что нужно вызвать наряд для того, чтобы завтра на доске объявлений не появился некролог с фамилией «жертвы тоталитаризма и сталинизма». Лейтенант ответил мне, что на «Кузнецове» военной полиции, слава Богу, нет, и он даже не знает, что делать в подобной ситуации. Тогда я посоветовал ему, зайти в соседнюю каюту и официально обратиться к полковнику Бережному. Для его ребят успокоить разбушевавшегося «хомячка» — проще пареной репы. А поскольку у нас свобода слова, то для содержания этого организма нужно подобрать такое место, где бы он мог продолжить общение со своими братьями по разуму — корабельными крысами.

Закончив инструктаж политически наивного юноши, я направился в сторону адмиральского салона. Мне было ясно, что Виктор Сергеевич Ларионов хочет лично переговорить со мной еще до начала планирования операции, чтобы получить информацию из первых рук, и составить обо мне личное мнение. Мое досье он наверняка читал, и теперь хочет посмотреть, что называется, «товар лицом». А я вот возьму, и соглашусь! Прямо с ходу, не торгуясь...

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич, — сказал я, — догадываюсь, что вы хотите мне поручить. Итак, с чего начнем?

— Да, Александр Васильевич, — сказал контр-адмирал, — именно вы и нужны нам в качестве доверенного лица. Отправляться вам придется не мешкая, в самое ближайшее время. Куда — вы уже знаете, а вот к кому? Как вы считаете, с кем в нынешнем Петрограде можно о чем либо говорить серьезно?

Я задумчиво потер переносицу. Действительно, с кем? Временное правительство отпадает — «Главноуправляющий» Александр Федорович Керенский власти фактически лишен. Его юрисдикция не распространяется далее территории Зимнего дворца. Ну, а другие политические деятели пока эту власть, которая валяется на земле, поднимать не спешат. Ведь вместе с властью придется брать на себя и ответственность за огромную страну, которая дергается в конвульсиях, словно курица с отрубленной головой. Только такие, в конец отмороженные ребята, как большевики, эту власть решаться поднять.

— Виктор Сергеевич, — сказал я, — других вариантов нет, и не может быть. Из серьезных деятелей РСДРП(б) сейчас в Питере всего несколько человек. И реальную работу по подготовке вооруженного восстания ведет один лишь Сталин. Помимо того, что он является редактором большевистской газеты «Рабочий путь», она же «Правда», он входит еще в узкий круг тех, кто занимается реальными делами. Помимо Сталина немалый вес имеют Яков Свердлов, Андрей Бубнов, Феликс Дзержинский и Моисей Урицкий.

— А Ленин и Троцкий? — спросил адмирал Ларионов. — Они что, по вашему, не имеют вес среди вождей большевиков?

— Имеют, конечно. Но Ленин сейчас отсутствует. Он скрывается от ареста по обвинению в шпионаже в Финляндии. В данное время, если мне память не изменяет, он находится в Выборге. А Троцкий проявит себя, как талантливый агитатор уже в ходе революции. Да и среди большевиков у него авторитет еще мизерный, ведь лишь в августе 1917 года на VI съезде партии он и Урицкий, в составе так называемых «межрайонцев», вошли в РСДРП(б). Кстати, как вы думаете, кто на этом съезде читал два основных доклада: отчетный и о политическом положении?

Виктор Сергеевич хитро улыбнулся, и посмотрел на меня. Я понял, что в своем военно-морском училище он не только изучал навигацию и тактику. Похоже, что и с «Кратким курсом истории ВКП(б)» ему приходилось иметь дело.

— Вот к товарищу Сталину вы, Александр Васильевич, и отправитесь, — стал серьезным, заявил мне адмирал Ларионов. — тем более что сейчас он ваш коллега — главный редактор главной большевистской газеты. Как его найти, вы знаете?

— Найти товарища Сталина будет непросто, — задумчиво сказал я — редакция «Правды» на Мойке в июле 1917 года была разгромлена. Потом часть персонала работала на Ивановской улице, неподалеку от Загородного проспекта. Но вероятнее всего встретить Сталина в типографии Санкт-Петербургского товарищество печатного и издательского дела «Труд» на Кавалергардской улице — это в пятнадцати минутах ходьбы от Смольного. Ежедневные газеты всегда сдаются в типографию за полночь, и выпускающий редактор не уходит из типографии до тех пор, пока печатный станок не начнет свою работу. Так что искать надо Сталина именно там.

Ну, и остается еще один вариант. Иосиф Виссарионович с августа месяца живет в квартире своего старого друга и однопартийца Сергея Яковлевича Аллилуева на 10-й Рождественской улице в доме 17. Бывает он там редко, но все же бывает. И вы знаете — почему?

— Знаю, Александр Васильевич, знаю, — опять улыбнулся адмирал Ларионов, — любовь, она даже таких твердокаменных большевиков, как товарищ Сталин, не щадит. Наденька Аллилуева его там ждет. К сожалению, семейная жизнь у них закончится трагически. Но пока они об этом, слава Богу, не догадываются. Вижу, что вы темой владеете прекрасно, и выйти на след товарища Сталина сумеете.

— Да уж постараюсь, — сказал я. — Хотя товарищ Коба и хороший конспиратор, но нам все же легче, чем филерам Департамента полиции. Мы знаем, где и когда он должен быть. А как мы попадем в Питер?

— Мы отправим с «Кузнецова» вертолет, который доставит вас в то место которое вы укажете. Как местный житель, прикиньте, где вас вместе с сопровождающими лучше высадить, чтобы не привлечь излишнего внимания к вашим персонам. Кстати, — сказал адмирал, я кое-что читал о тех порядках, что царят сейчас в граде Петра, но я буду вам

благодарен, если вы расскажете мне о них по-подробнее.

— Хорошо, — ответил я, доставая свою записную книжку, — слушайте. Итак, 6 марта 1917 года тогдашний министр юстиции Александр Керенский по случаю падения самодержавия объявил в России всеобщую политическую амнистию, согласно которой на свободу выпускались все политзаключенные. Тем же указом Керенский наполовину сократил сроки лицам, содержащимся под стражей за уголовные преступления. Вскоре из тюрем на свободу вышло около 90 тысяч заключенных, среди которых было немало самых отпетых уголовников — воров, убийц, налетчиков и бандитов. Именно их в те дни в народе и стали называть «птенцами Керенского».

«Новый государственный порядок открывает путь к обновлению и к светлой жизни для тех людей, которые впали в уголовные преступления!» — вещал с трибун Керенский. А уже к середине марта 1917 года для многих российских городов стала обычной картина, когда по улицам ходили пестро одетые компании уголовников, успевших к тому моменту пограбить магазины, и теперь щеголявших в пальто и шубах с чужого плеча. Словом, началась настоящая Содом и Гоморра. К тому же правоохранительные органы были уничтожены, как класс. А мальчишки-гимназисты со ржавыми трофейными винтовками вызывали у местных «бродяг» и «жиганов» смех. Только в Москве в первый месяц после мартовской амнистии «птенцами Керенского» было совершено почти 7 тысяч краж, около 2 тысяч грабежей и разбоев и не менее 100 убийств. В Питере дела обстояли не лучше.

— Да, — задумчиво сказал Виктор Сергеевич, — одних вас в Питер отпускать нельзя. Поэтому, как вы уже знаете, для вашего сопровождения и охраны отправятся четверо бойцов спецназа под командой толкового офицера. Идемте, и обсудим подготовку к предстоящему путешествию в более широком кругу. Ведь нам надо не только аккуратно доставить вас в Питер, но и спланировать наши дальнейшие действия. А потом, уже перед самым вылетом, мы обсудим с вами — с чем вы придете к Сталину.

— Товарищи, перед нами стоят две задачи, одна — главная, другая — основная, — начальник штаба соединения капитан 1-го ранга Иванцов обвел собравшихся внимательным взглядом, — причем, выполнить обе эти задачи надо одновременно. Главная задача — это разгром немецкого флота на Балтике, и срыв операции «Альбион» — высадку немецкого десанта на острова Моонзундского архипелага. Основной же для нас является задача, форсировав Передовую и Центральную минную позиции, и провести в Финский залив нашу десантную группировку. Начнем с последнего. Как все вы уже знаете, обеспечивать форсирование Центральной минной позиции будет БПК «Североморск» под командованием капитана 1-го ранга Перова. Алексей Викторович, доложите обстановку?

Подтянутый каперанг встал, и начал свой доклад, — В настоящий момент сформирован походный ордер, состоящий из следующих кораблей: БПК «Североморск», БДК «Калининград», БДК «Александр Шабалин», учебного судна «Смольный», БДК «Новочеркасск», БДК «Саратов», транспорта «Колхида», учебного судна «Перекоп». После получения команды отряд готов двинуться в район форсирования минных заграждений. На «Североморске» готовы к работе по поиску минных полей два противолодочных вертолета Ка-27ПЛ. Опускаемые гидроакустические станции на вертолетах перед походом прошли проверку и тестирование.

— Очень хорошо, — кивнул Иванцов, — значит, мы можете приступать к выполнению операции. Как только завершите форсирование минной позиции, отправите противолодочные вертолеты на «Кузнецов», взамен к вам вылетят транспортные Ка-29 со спецназом. Да, — начальник штаба соединения вопросительно посмотрел на командира «Североморска», — какие-нибудь еще дополнительные вопросы?

— Да, Сергей Петрович, один вопрос есть, — кивнул Перов, — Какие действия мы должны предпринять при обнаружении подводной лодки? В настоящий момент мы не имеем записанных акустических портретов, чтобы отличить друг от друга русские, английские и немецкие лодки.

— Дальность прицельного выстрела нынешними пневматическими торпедами не превышает 10 кабельтовых. Любая подлодка, подошедшая к вам на эту дистанцию, должна быть немедленно уничтожена, — жестко ответил начальник штаба соединения, — Мы не имеем права рисковать повреждением или гибелью хоть одного нашего корабля. Любой (вычеркнуто цензурой) командир, вышедший в атаку на корабль под андреевским флагом, вне зависимости от своей национальной принадлежности, должен понимать, что он сам кладет свою голову на плаху. Запомните это сами и передайте командирам учебных кораблей, и пусть запишут приказ в журналы. Можете делать одиночные предупредительные выстрелы, но на дистанцию выстрела к кораблям не должна подойти ни одна подлодка. К тому же, по данным историков, ни одна русская подводная лодка в Моонзунд не направлялась. Британские были, а наших, не было. Еще вопросы?

Капитан 1-го ранга Перов встал, — Нет, Сергей Петрович, вопросов больше нет разрешите приступать?

— Приступайте, Алексей Викторович, — кивнул Иванцов, — и с богом. На палубе разбездной Ка-27 с номером «013», скажите командиру, что я приказал доставить вас на «Североморск» немедленно.

Когда командир «Североморска» вышел, начальник штаба перевел дух, — А теперь, товарищи, приступим к нашей главной задаче — противодействию германской операции «Альбион». Для захвата Моозундских островов немецкое командование выделило десять линкоров, один линейный крейсер, используемый как флагманский корабль соединения, пять легких крейсеров, один из которых «Эмден» находится при линейных силах, а четыре других крейсера: «Франкфурт», «Кенигсберг», «Карлсруе» и «Нюрнберг» идут в сопровождении транспортов с десантом. Все четыре крейсера принадлежат к одному типу — «Кенигсберг II», имеют водоизмещение до 7.000 тонн, сбалансированное бронирование, и вооружены восемью 15 см орудиями с длинной ствола в 45 калибров. Максимальная скорость 28 узлов, экипаж 475 человек. Как только мы атакуем нашу главную цель — транспорты с десантом, то именно эта свора вместе с двумя десятками миноносцев бросится на нас...

— Сергей Петрович, а как же линейные корабли? — спросил командир «Адмирала Ушакова» капитан 1-го ранга Иванов, — Разве не с них будем начинать?

— Михаил Владимирович, а что будут делать немецкие линкоры, если мы угрожим десант, который они должны поддерживать? — вопросом на вопрос ответил начальник штаба. — С линкорами, кидающимися четырехсоткилограммовыми болванками на расстояние двадцать километров как то не особо хочется вступать в прямое столкновение. Тем более, что это настоящие толстокожие, забронированные по полной программе дредноуты. И я не уверен, что против них будут эффективны даже наши «Вулканы», которых у нас всего шестнадцать штук. Противобункерные КАБ-500 будут в этом смысле куда эффективней, но это уже вторая фаза операции. — Капитан 1-го ранга Иванцов посмотрел на собравшихся, — Значит так, подводная лодка «Алроса» пока не уходит к Копенгагену, а занимает позиции северо-западнее точки сбора десантной флотилии «Вейс». Это наш засадный полк. Ее задача — заранее выбить легкие крейсера, сопровождающие транспорты с десантом. Остальные наши корабли будут располагаться в 20–30 милях северо-западнее точки «Вейс». Давайте сверим часы — на моих сейчас 21:05. Ровно в 04:00, когда линкоры будут уже на месте, а транспорты будут еще идти к точке сбора, «Алроса» выпускает торпеды по крейсерам, а «Ярослав Мудрый», и «Сметливый» запускают по транспортным пароходам все свои «Ураны».

В первую очередь уничтожению подлежат транспортные суда авангарда, и те три грузовых парохода, что следуют вместе с передовой группой тральщиков. Судя по воспоминаниям очевидцев, в своем большинстве суда довольно ветхие, даже без внутренних переборок, так что тонуть будут прямо вместе с десантом весело и быстро. Когда до цели долетит последний «Уран», начнется вторая фаза операции. Место побоища посетят ударные вертолеты. Это произойдет примерно в 04:15. На «Кузнецове» имеется восемь ударных машин типа Ка-52 и Ми-28. Их задача — добить в транспортном флоте все, что еще держится на воде. Кроме пароходов, там еще есть моторные лодки, баркасы и прочая мелкая шелупонь. После их налета должны остаться только щепки и трупы. На этом этапе линкоры все еще следует игнорировать. Да, Александр Владимирович, не геройствуйте, по возможности торпедировав крейсера, тут же отходите на глубокую воду...

— А что они мне сделают? — удивился командир подлодки, капитан 2-го ранга Павленко, — торпеды у меня электрические, бесшумные и бесследные. Срабатывание неконтактного взрывателя будет воспринято, как подрыв на mine. Скорость движения семнадцать узлов. Пока догадаются, я отстрелявшись, скроюсь.

— Вот именно, что бесследно, Александр Владимирович, — вздохнул Иванцов, — не забывайте про минное поле, там есть и мины против подлодок. К тому же много мин, сорванных с якорей. Еще раз говорю, без нужды не рискуйте, выпустили торпеды по крейсерам, и обратно на глубину. Считайте, что это приказ.

— Так, точно, Сергей Петрович, выстрели — и на глубину, — кивнул капитан 2-го ранга Павленко, — приказ надо выполнять...

— Вот и хорошо, Александр Владимирович, — ответил начштаба, и продолжил, — Третий этап, начнется, когда ударные вертолеты вернутся из налета, и будут убраны в ангар. В воздух поднимутся две пары Миг-29, каждый из которых возьмет восемь КАБ-500. В принципе, этого одного вылета хватит, чтобы вбомбить германские линейные силы в морское дно. Если линкоры окажутся крепче чем мы рассчитывали... Хотя, какой, к черту, «крепче», даже одно попадание КАБа ставит на корабле отметку «небоееспособен» и «нетранспортабелен». А если бомбу загонят в район артиллерийского погреба, то это однозначно катастрофа.

Пока Миги занимаются линкорами, в воздух поднимутся три тройки Су-33 и бомбами ОДАБ-500. Они разнесут порт Либавы, известной нам как Лиепая.

Там сейчас готовится к погрузке второй эшелон десанта. Когда к утру будет покончено с десантом и крупными кораблями, тогда подойдем поближе, и не залезая на мелководье, где возможны минные поля, будем добивать тральщики, миноносцы и прочую мелочь при помощи артиллерии. В общем, кажется, все. А там, как говорил Наполеон — бой покажет.

— Сергей Петрович, а нам с «Москвой», какая задача? — снова испросил командир «Адмирала Ушакова», капитан 1-го ранга Иванов.

— А вас адмирал приказал оставить в резерве. Если бой покажет пойдет не так, как было запланировано, и немецкие линкоры двинутся в нашем направлении, тогда вы с Василием Васильевичем должны будете быстро выбить их из игры. А пока ваш боезапас нужно экономить. Еще неизвестно, с кем придется иметь дело в следующий раз, может с англичанами. Еще вопросы будут?

Командир «Москвы», капитан 1-го ранга Остапенко, только молча кивнул, а вот командир «Адмирала Ушакова» все таки ответил, — Никак нет, Сергей Петрович, вопросов больше не имеется.

— Тогда, на сегодня все. «Москве» регулярно поднимать вертолет «ДРЛО» для контроля обстановки. Обо всех изменениях докладывать немедленно. Выход в точку сосредоточения в 03:00.

— Сергей Петрович, — спросил неугомонный командир «Ушакова», — а откуда вам так хорошо известны немецкие планы этой операции?

Иванцов погладил рукой лежащий на столе толстый томик в серой невзрачной обложке, — Фон Чишвиц, прошу любить и жаловать. «Захват балтийских островов Германией в 1917 г.», писал начальник штаба десантного корпуса. Сейчас идет в нашу сторону на линейном крейсере «Мольтке». Выживет, зараза, от себя ящик водки поставлю, так все подробно описал. Недаром говорят — болтун находка для шпиона.

Командиры кораблей напоследок дружно захохотали. Жить немцам, приближающимся к Моозунду, оставалось все меньше и меньше.

21:15. ТАКР «Адмирал Кузнецов», Александр Васильевич Тамбовцев

Ну, что ж, начнем, помолясь... В помещении, отведенном для «рыцарей плаща и кинжала», мы проведем совещание о том, как мы будем действовать в предреволюционном Петрограде. Кроме меня и адмирала Ларионова на совещании присутствовали мои старые знакомые: полковник Нина Викторовна Антонова, полковник же Вячеслав Николаевич Бережной, и подполковник Ильин Николай Викторович. В общем я, как старый журналюга, уже придумал название все этой честной компании — «заговор черных полковников», гм, или с учетом политической обстановки, можно перекрасить «черных» полковников в «красных». А что, «заговор красных полковников» — это тоже звучит.

Перво-наперво надо было обеспечить нас приемлемой одеждой, в которой мы на улицах Петрограда не вызывали бы повышенный интерес у окружающих. К нашему счастью в те времена в моде был стиль, который бы сегодня назвали «милитари». Чуть ли не половина мужского населения Питера носила полувоенную форму. Я пометил в блокноте: надо раздобыть у наших каптеров хорошие хромовые сапоги, портянки (когда я их последний раз наматывал?!) бриджи, гимнастерку, и какую-нибудь куртку, лучше кожаную. Они здесь уже вошли в моду. На голову — какой-нибудь картуз. Примерно так же можно приодеть и моих сопровождающих, для разнообразия дав некоторым из них старые шинели. Правда, пуговицы со звездочками надо спороть, обшить их материей, и снова пришить. Хотя можно взять бушлаты, спороть с них погоны, и получится подобие ватников. На крайний случай любопытным можно будет сказать, что это обмундирование, полученное от союзников по Антанте.

А вот с Ириной было сложнее. Подходящей к тому времени женской одежды мы раздобыть не могли. Пришлось импровизировать. Остановились мы на платье девушки в стиле «революционная эмансипэ». Длинная юбка, опять же кожаная куртка, гимнастерка (где ж нам ее размерчик найти-то!?) красная косынка на голову. В общем и целом сойдет для начала. Потом надо будет попросить у товарища Сталина помочь нам экипироваться более правдоподобно, конечно, если это будет еще актуально.

Оружие решили брать с собой обязательно — на случай встречи с местной шантрапой или патрулями «временных». Хотя последнее — маловероятно — юнкера к Смольному приближаться побаиваются. Но, как говорится, береженого и Бог бережет.

Из многочисленного арсенала я выбрал себе «Гюрзу» СР1МП, Ирине, Нина Викторовна дала «напрокат» свой ПСМ, с приказом использовать его только в самом крайнем случае. Конечно, останавливающее действие его пули калибра 5,45x18 было слабенькое. Но зато пистолет был маленький, аккуратный, как раз под изящную девичью ручку нашей тележурналистки. Бойцы из отряда СПН ГРУ и их командир старший лейтенант Бесоел вооружились куда серьезней. Бронежилет, пистолет Стечкина с глушителем в плечевой кобуре с левой стороны, АКСУ на отпущенном ремне с правой, в разгрузке запасные магазины и пистолету и автомату, гранаты осколочные, гранаты светошумовые, аптечка, рация, ПНВ. Прямо не люди, а шагающие арсеналы. Мы с Ириной тоже одели легкие бронежилеты и сунули во внутренние карманы курток по многоканальной носимой радиостанции.

Теперь будем прикидывать — как нам лучше добраться до Питера. Самое подходящее

время для десантирования — после часа ночи. К этому времени все, даже страдающие бессоннице, похрапывают в своих кроватях. Самые подходящие для высадки места, расположенные поблизости от типографии «Труд» — это Громовская лесная биржа или Таврический сад. Я лично бы предпочел бы Таврический сад, потому что биржа наверняка охраняется сторожами с собаками, да и в темноте среди штабелей бревен и досок можно легко переломать ноги. В Таврическом саду есть площадка, на которой занимаются любители конного спорта. На нее можно и приземлиться. Возможен сторож, но наши ангелы-хранители, как мне кажется, легко погрузят его в крепкий и здоровый сон без летального исхода.

— В общем, план хороший, и должен сработать, — сказал адмирал Ларионов. — А вы, Нина Викторовна, как считаете?

— Я думаю, Виктор Сергеевич, что всего на сто процентов предусмотреть нельзя, но вроде бы особых огрехов я в нем не вижу. Да и время сейчас в Петрограде такое, что обыватели лишний раз стараются не высовывать носа на улицу. Особенно по ночам. К тому же ни милиции, ни полиции, ни жандармерии нет и в помине.

Бережной и Ильин, сидевшие, и внимательно слушавшие меня и Антонову, переглянулись, и кивнули головами. Действительно, в любой, даже самый прекрасный план, лишь только начнется его реализация, сразу же начнут вноситься поправки, и тут главное — не растеряться, и уметь импровизировать исходя из текущей обстановки.

— Примем ваш план за основу, Александр Васильевич, — подвел черту адмирал Ларионов, — к тому же связь с эскадрой будем поддерживать постоянно, и в случае каких-либо осложнений мы постараемся помочь вам.

— Сергей Викторович, — продолжил я, позвольте теперь поговорить о чисто политических моментах. Насколько мы знаем, узкий круг руководителей РСДРП(б) принял окончательное решение о вооруженном восстании. Через две недели будет сформирован Военно-Революционный комитет, в состав которого войдут представители ЦК, и петроградских организаций партий левых эсеров и большевиков, делегаты президиума и солдатской секции Петросовета, представители штаба Красной гвардии, Центробалта и крупнейших профсоюзов. Во главе ВРК формально стоял левый эсер бывший фельдшер Павел Лазимир и большевики: Лев Троцкий — его представлять не надо, Николай Подвойский — старый боевик, отличившийся еще в 1905 году в Москве, и офицер-дезертир, сбежавший из эшелона, следовавшего на Дальний Восток во время Русско-японской войны подпоручик Владимир Антонов-Овсеенко. Но это люди, которые много шумели и ничего не решали.

Всем же заправлял Военно-революционный центр, который формально входил в ВРК, но занимался делами, о которых и сейчас мало кто знает. В него входили совсем другие люди. А именно: Андрей Бубнов, Феликс Дзержинский, Яков Свердлов, Иосиф Сталин и Моисей Урицкий. О каждом из них можно много рассказывать. Скажу только, что реальным влиянием в партии обладали всего лишь двое — Яков Свердлов и Иосиф Сталин. Оба они были членами Русского Бюро ЦК РСДРП(б) еще первого состава. То есть, они осуществляли руководство практической работой местных партийных организаций.

Ну, о Сталине вы все знаете немало, а вот Свердлов... Это личность во многом загадочная и непонятная. В революцию 1905 года на Урале организовывал отряды боевиков, а сейчас он занимается кадрами партии, и умело расставляет своих людей на руководящие посты. Вот, что позднее о нем писал Троцкий. Я раскрыл свой неразлучный блокнот, и

прочитал: «Это был прирожденный организатор и комбинатор. Каждый политический вопрос предстал перед ним прежде всего в своей организационной конкретности, как вопрос взаимоотношений отдельных лиц и группировок внутри партийной организации и взаимоотношения между организацией в целом и массами. В алгебраические формулы он немедленно и почти автоматически подставлял числовые значения. Этим самым он давал важнейшую проверку политических формул, поскольку дело шло о революционном действии». В общем, типичный «серый кардинал».

А вот Сталин Свердлова не любил. Можно сказать даже, ненавидел. Их взаимная неприязнь началась еще во время ссылки в Туруханском крае. Оба они угодили в поселок Курейка Енисейской губернии. Даже жили в одном доме. Но недолго — разъехались, по причине, межличностной неприязни, или, как сейчас пишут, «из-за невозможности совместного проживания».

Загадочна и смерть Свердлова — по официальной версии он умер от гриппа-«испанки» в марте 1919 года. По неофициальной — был избит до смерти на митинге в Орле местными рабочими.

Ну, а сейчас, из всех будущих советских лидеров самым вменяемым и толковым, бесспорно, является Иосиф Сталин. К нему-то мы и пойдем.

— А с чем вы к нему пойдете? — поинтересовался полковник Бережной.

— Естественно, Вячеслав Николаевич, не с пустыми руками. — ответил я, — как мы уже прикинули с Виктором Сергеевичем, — адмирал Ларионов кивнул мне головой, — в типографии, где Сталин выпускает газету «Рабочий путь» мы появимся около полвторого ночи, какое-то время уйдет на представление, и доказательство нашего инновременного происхождения... Когда же беседа вступит в кульминационную фазу, а будет это около пяти часов утра, наша эскадра уже успеет обломать немецкий «Альбион», и изрядно намять бока германскому флоту у Моонзунда. И эту сенсацию первой растиражирует большевистская газета. Причем, второй, вечерний ее номер, выйдет «толстушкой», с кучей фотографий потопленных кайзеровских дредноутов и крейсеров, и пленных германских десантников. В статье, повествующей о блистательной победе русского флота, будет сказано, что сие произошло при участии Центробалта, который, кстати, девять дней назад принял решение не признавать власть Временного правительства.

Ну, а далее, будем думать с товарищем Сталиным, как половчее и без всякой пиротехники вынести на лопате «временных» и взять власть. К тому же после Моонзунда, как мне кажется, легче будет разговаривать с Германией по поводу заключения почетного мира без аннексий и контрибуций. А если ребята из ставки кайзера будут упираться, но наши авиаторы смогут быстро провести им «закрытый массаж печени», показав, что для нас нет в Германии неуязвимых мест.

Впрочем, многое будет зависеть от того, насколько мы сможем установить доверительные взаимоотношения со Сталиным. Чувствую я, что Керенский со товарищи создадут нам меньше проблем, чем многие «пламенные революционеры». Уж больно многое поставлено на карту, и антантовские кураторы этих «революционеров» сделают все, чтобы наделать нам как можно больше гадостей.

— Вы не исключаете возможность физического устранения кое-кого из этих «пламенных революционеров»? — полковник Бережной задал мне вопрос, что называется в лоб.

— Все будет зависеть от конкретных обстоятельств, — я уклончиво ответил на его

нескромный вопрос. — К тому же более важным я считаю устранить влияние их антантовских кураторов. Список я вам потом предоставлю.

— Ну, хорошо, — адмирал Ларионов подвел черту над нашим «производственным совещанием», — далее каждый из присутствующих будет работать в определенном для него направлении. Полковник Бережной отвечает за силовое обеспечение операции на втором этапе, и назначается командиром сводного усиленного батальона особого назначения в составе роты спецназначения ГРУ, четырех механизированных рот морской пехоты при двух самоходных батареях, роты спецназа, комендантской роты на БТР-80 и танковой роты на Т-72. Тяжелые самоходные орудия и реактивные системы залпового огня считаю вводить в город избыточным. Даже того, что будет задействовано, вполне достаточно, чтобы лояльные временному правительству части с пискom разбежались бы по углам, как грызуны в Цхинвале в 2008-м. Подполковник Ильин будет исполнять обязанности начальника штаба операции, а полковник Антонова во второй фазе внедрения присоединится к товарищу Тамбовцеву, и будет руководить всей нашей работой в городе.

Возможен вариант, при котором мы первоначально возьмем под контроль Кронштадт, Гельсингфорс и Выборг. В плане слишком много неизвестных величин, так что при малейших изменениях в оперативной обстановке я прошу немедленно ставить меня в известность. Все, все свободны. К началу операции приступить немедленно.

Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Выслушав доклад начальника штаба, я подошел в висящему на стене оперативного отдела большому плазменному дисплею. На нем была отображена обстановка, сложившаяся к настоящему моменту на восточно-балтийском ТВД. Черными линиями были обозначены предполагаемые пути немецких кораблей, известные нам по книге фон Чишвица. Синий цвет обозначал их фактически наблюдаемое положение. В настоящий момент расхождения исторических сведений с реальностью не наблюдалось. Как и было описано, два линкора уже отделились от общей колонны, и направились к полуострову Сворбе. По данным фон Чишвица, они были помечены, как «Фридрих дер Гросе» и «Кёниг Альберт». Остальные немецкие корабли соблюдали походный ордер. До начала операции в четыре часа утра оставалось пять с половиной часов... Пойдите, фон Чишвиц писал используя среднеевропейское или берлинское время, раз движение кораблей у нас «в колее», значит, оно и выставлено нам «Голосом». Для синхронизации действий надо помнить, что в Петрограде на один час больше. Надо предупредить товарища Тамбовцева, пусть после вылета переведет часы.

Отдельно, красным цветом, были обозначены позиции наших кораблей. Что-то не лежит у меня душа к лихим торпедным атакам. Лучше потратить лишние ракеты, чем потерять лодку

— Сергей Петрович, — говорю я — есть у меня сомнение по твоему решению с «Алросой». Слишком близко к краю минного поля она должна подойти. Край — это он карте край, а черт его знает, что там на местности. Наши мины сыпали, немцы сыпали, и у тех и у других никакого JPSa, навигация плюс-минус лапоть, там такая каша, что хрен поймешь. Безопасно только на больших глубинах. Вот пусть там и остается. Так что, давай переиграем диспозицию — ударим по «Кенигсбергам» «Москитами» с «Адмирала Ушакова». — Я присел на край стола, — Давай мы с тобой не будем жадничать. Пусть лучше потратим четыре ракеты, но избежим риска потерять лодку. Если и не утопим их крейсера — по такой мишени «Москиты» никогда не работали, то бегать они у нас не будут — это уже точно. И добавьте в этот список линейный крейсер «Мольтке», будь он неладен. На нем штаб десантного корпуса, так что давай тоже не будем экономить — показательно ударим по нему «Вулканами» по высокой траектории. В остальном, товарищ капитан 1-го ранга, ваш план операции утвержден! Исполняйте.

23:05.

Принесли только что полученное с «Североморска» сообщение, — Приступили к форсированию передовой минной позиции. Вертолетами гидроакустической разведки обнаружены проходы. Кап-1. Перов.

Коротко и со вкусом. Уважаю. Хотел послать ему патетическую радиogramму типа «Судьба революции в ваших руках», но устыдился. Написал на бланке только две буквы латинского алфавита «ОК».

23:45. Прошел по кораблю. В воздухе словно пахнет озоном. От людей буквально бьет

током, так все напряжены. Обстановка далека от самых крутых учений, пусть даже и с участием Президента. Для меня лично было бы лучше, если бы сейчас ко мне вдруг каким-то чудом заглянул Владимир Владимирович, быстро спросил бы тихим голосом, — «Ну что у нас нового?» И честное слово, я как мальчишка, свалил бы на него эту политику. Ему по должности положено. И удрал бить немцев. Не мое это, ну не мое. Но он там, а мы здесь, и поэтому, будем делать все, что можем.

Успокоил себя, понемногу успокоил и офицеров. Немцев-то мы обязательно побьем, ничего тут хитрого нет. Деды наши их били, не имея, между прочим, такой техники. А уж нам-то и сам Бог велел их бить. А потом втянемся в процесс, и побьем англичан с французами, и американцев тоже. Ибо, нефиг, несправедливо получится — немцы битые, а они нет.

На дисплее в оперативном отделе обстановка развивается согласно графика фон Чишвица. Высотный разведчик нарезает круги над Балтикой, и все и всех видит, даже сквозь низкие тучи и мелкий дождь. В окрестностях Виндавы обнаружены три боевых корабля, а на берегу — база дирижаблей. Ничего не укроется от наших зорких глаз, а вот немцы в своих жестянках в такую погоду, да еще и ночью, наверное, совсем слепые.

К полуночи занимаем исходные позиции и ждем. Время ползет медленней улитки. До начала операции осталось четыре часа. Немцы движутся, как по расписанию. Линкоры вот-вот наедут на хвост авангарда с тральщиками. Остается только получать информацию с нашего самолета разведчика, и ставить галочки. Одно плохо, кажется, что сейчас кофе просто польется из ушей.

12 октября (29 сентября) 1917 года, 02:35, Балтийское море. ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Поднятый в воздух с ракетного крейсера Москва вертолет ДРЛО, обнаружил немецкую эскадру. Теперь эта машина, зависшая на высоте 3500 метров, будет постоянно следить за немецкими кораблями. Время ее патрулирования 2,5 часа, а до ракетной атаки осталось на час меньше.

Для обеспечения второй фазы операции, на смену ей поднимется такой же вертолет с борта «Адмирала Кузнецова». «Адмирал Ушаков», «Сметливый» и «Ярослав Мудрый» параллельным курсом сопровождают немецкую эскадру на дистанции в семьдесят миль, постоянно удерживая ее в пределах досягаемости своих ракет. «Москва», «Адмирал Кузнецов» и танкеры с буксирами находятся на исходной позиции в точке инвазии. Их «главный калибр» простреливает ТВД насквозь, вдоль и поперек. Теперь если что-то пойдет не по плану, мы готовы нанести удар в любой момент. Фигурально говоря, «палец застыл на кнопке».

Сообщение с «Североморска»: Отряд форсировал Передовую минную позицию, и теперь вертолеты ищут проходы, оставленные для линкоров в минных полях горла Финского залива. Так называемая Центральная минная позиция заминирована куда гуще, но выходы в Балтику для собственных линкоров все равно оставлены.

Александр Васильевич Тамбовцев.

Итак, как перелетная птица, я опять возвращаюсь домой. Сердце немного щемит от грусти, и предчувствия встречи с родным городом, каким он был за 38 лет до моего рождения. Городом, который еще не знал ни «красного террора», ни голодных революционных лет и холодных зим. Города, в котором еще живы, и никуда не уехали певцы «серебряного века». Не было еще ни строек первых Пятилеток, ни страшной, почти 900-дневной Блокады. Да, Петроград 1917 года — это не Петербург 2012 года. Но все же... Все же... Как ни крути, а это мой город, в котором я родился и вырос...

В 02.45 по берлинскому времени Ка-27 ПС с нашей командой на борту оторвался от палубы «Адмирала Кузнецова». В Петрограде в это время уже было почти четыре часа ночи, или утра — кому как нравится. Мы задержались, готовя для встречи с товарищем Сталиным необходимые «методические материалы». Следом за мной на «Североморск» должны были вылететь и Бережной с Антоновой. Вертолет поднялся почти на максимальные для себя четыре километра и, пробив верхний край облачности, понесся освещаемый яркой и полной луной. Лететь нам до Петрограда около часа с небольшим. Штурману приходится ориентироваться только на звезды, компас и приводные радиомаяки «Адмирала Кузнецова» и «Североморска». О прочей роскоши, вроде спутниковой навигации, здесь и слыхом не слыхивали. Впрочем, Питер и тогда был большим городом — так что не промахнутся.

Ночь была, как по заказу, лунная, но облачная. Время от времени я заглядывал в иллюминатор, наблюдая в разрывах облаков Балтийское море. Иногда вертолет на несколько минут нырял в вязкий туман, в котором, казалось не было ни верха ни низа. Ногам было непривычно в сапогах — отвык от них за несколько десятков лет. Китель с чужого плеча немного жал под мышками. Ирина, похожая на молодую работницу с фабрики, смотрелась очень живописно. Она тоже еще не могла никак привыкнуть к новой одежде, и то и дело поправляла на голове косынку и одергивала подол длинной суконной юбки.

Ну, а старший лейтенант Бесоев вместе со своими бойцами были одеты совершенно одинаково. Расстегнутые до пояса, камуфлированные, форменные бушлаты, со споротыми погонами. Камуфлированные кепи без эмблем. Под бушлатом забитая оружием разгрузка, под разгрузкой тельник. Сначала «ксюхи» думали спрятать под бушлаты, но потом решили нести их открыто — на плече стволом вниз. Перед самым вылетом мы переиграли, решили взять обычные АКСУ. Время такое, теперь и с фронта дезертиры бегут с оружием.

Время тянулось медленно. Меня мучила одна мысль — успеем ли застать Сталина в типографии, а если нет, то куда он оттуда направится — к Аллилуевым или в Смольный.

Вертолет, завывая турбинами, летел все дальше и дальше на восток, прямо к цели нашего путешествия. Сейчас мы где-то над Финским заливом. Скоро на горизонте должен показаться Кронштадт. Вертолет начал снижаться еще над Финским заливом, пробивая облака. В Питер мы рассчитывали попасть, обогнув его с севера, чтобы не тарыхтеть над самим городом. С штурманом, моим земляком, мы прикинули, что зайдя к месту высадки со стороны Пороховых, мы пройдем над дачей Кушелева-Безбородко, и выйдем к Таврическому

саду со стороны Водопроводной станции. Ее высокая кирпичная башня была хорошим ориентиром.

Еще до отправки экспедиции, мы с полковником Бережным и старшим лейтенантом Бесоевым обсуждали опасность нашей высадки с вертолета в Таврическом саду. И пришли к единодушному мнению, что риск минимальный. Ночное появление над городом грохочущий машины, конечно, не останется без внимания. Но самой высадке, которая по нашим расчетам займет не более пяти минут, никто не успеет помешать. В саду возможен сторож, но он вряд ли сунется к нам, издали наблюдая за непонятным для него явлением. А жители домов на Таврической улице, запуганные уголовным беспределом, вряд ли захотят выйти на улицу — жизнь дороже. Звонить в милицию-полицию никто не станет, из-за отсутствия таковых. Ну, а после высадки мы бесследно растворимся в темных улицах спящего города. К тому же я знаю все тамошние проходные дворы, в которых можно мгновенно исчезнуть, и вынырнуть уже на другой улице. Хорошо быть местным, хотя и родившимся через тридцать восемь лет после октябрьских событий.

Вот, остались позади черные форты Кронштадта, вытянувшиеся цепочкой поперек залива. Где-то там бузят и агитируют «за свободу» балтийские «братишки». С ними нам еще придется помучиться, приводя их к общему знаменателю, но это все впереди. До Кронштадта руки дойдут еще не скоро.

Вертолет, выйдя в район Полюстрово, начал снижаться. Борттехник махнул рукой, показывая, чтобы мы были готовы к десантированию. Впереди высились громада башни Водопроводной станции и шатер Таврического дворца, а слева виднелись купола Смольного собора.

Высота пятьдесят метров, за раскрытым люком ревет разорванный вертолетными винтами сырой питерский воздух. Перемахнув Неву, мы зависли над Таврическим садом. Высаживаться мы должны были на площадке, где любители конного спорта занимались выездкой своих лошадей. Это место мне было хорошо знакомо — при советской власти здесь играли в футбол. За забором сада на другой стороне Кирочной высился шпиль Музея Суворова.

Первыми по фалу вниз через открытый люк вертолета соскользнули две «мышки» с ПНВ. Приземлившись, они резво разбежались в разные стороны, и убедившись, что все в порядке, подали нам сигнал инфракрасным фонариком. Вертолет стал снижаться. Вот его шасси коснулись земли. Мы быстро выпрыгнули из винтокрылой машины, и отбежали в сторону. Взревев двигателями, Ка-27ПС взмыл в воздух, и отправился в обратный путь. А мы, подхватив свои вещи, резво пошагали по пахнущему конским навозом плацу в сторону деревянного мостика через одну из протоков декоративного пруда.

Местное время 04:55, Петроград. Таврическая улица. Александр Васильевич Тамбовцев.

Перебежав через мостик, мы подошли к воротам сада, выходящим на Таврическую улицу. Постояли, прислушались. Было тихо. Никаких сигналов по рации не поступало, значит, «мышки», обеспечивающие нашу безопасность, ничего подозрительного не обнаружили. Бесоев подошел к воротам, отодвинул засов, и приоткрыл одну из створок. Мы протиснулись в образовавшуюся щель. На улице, вместо привычного асфальта под ногами оказалась булыжная мостовая. Мы дождались, когда прикрывавшие нас бойцы Бесоева

перемахнут через ограду сада, и отправились в сторону Тверской улицы. В руках у меня был деревянный чемодан-сундучок, в котором лежал ноутбук и прочие нужные для работы вещи. На углу Таврической и Тверской мы полюбовались домом со знаменитой «башней из слоновой кости» поэта-символиста Вячеслава Иванова.

С Таврической мы свернули на Тверскую, а с Тверской на Кавалергардскую. Идти нам было меньше километра. На пустынных улицах не было видно ни одной живой души. Лишь на пересечении Кавалергардской и Шпалерной нам навстречу попался припозднившийся прохожий, но увидев нас, он испуганно шарахнулся в подворотню. На афишных тумбах болтались обрывки каких-то плакатов, улицы освещались редкими фонарями, лампы которых горели в полнакала. Было сыро, темно и неудобно.

На углу Шпалерной, там, где в мое время стоял памятник Дзержинскому, виднелись одноэтажные корпуса Аракчеевских казарм. До начала войны в них находилась Офицерская кавалерийская школа, которой одно время командовал генерал Брусилов. Сейчас здание казарм было бесхозным, и частично разграблено местными жителями. А вот и цель нашего путешествия!

В конце улице стоял массивный пятиэтажный дом, построенный в стиле модерн. Именно в нем и располагалось Товарищество печатного и издательского дела «Труд». В этой типографии сегодня печатался очередной номер большевистской газеты «Рабочий путь».

Мы остановились и стали совещаться. В типографию я решил отправиться вместе с Бесоевым. Ирину пока брать с собой не стали. Женщина, тем более, красивая — это отвлекающий фактор. А беседа со Сталиным предстояла серьезная.

Найдя нужную вывеску, я с моим спутником вошел в темный, пахнущий сыростью и кошками подъезд. Там впотьмах я столкнулся с невысоким плотным мужчиной, выходящим из дверей типографии. Он ударился коленом о мой сундучок, и сквозь зубы выругался: «Шени деда...». Я понял, что это никто иной, как сам товарищ Сталин, собственной персоной.

— Гамэ мшвидобиса, генацвале (Добрый вечер, дружище), — поприветствовал я его по-грузински. Изумленный Сталин машинально ответил мне — гагимарджос, — после чего, справившись с удивлением, спросил уже по-русски, — Товарищ, а мы разве с вами где-нибудь уже встречались? Я не могу в темноте разглядеть ваше лицо.

— Товарищ Сталин, мы к вам пришли по важному делу, — сказал я, — информация, которую мы вам хотим сообщить, еще не известна никому в Петрограде. Вы можете опередить всех, опубликовав ее на первой полосе вашей газеты. Завтра, точнее, уже сегодня «Рабочий путь» будут рвать из рук мальчишек-газетчиков.

Заинтригованный Сталин задумался. После недолгих размышлений в нем сработал инстинкт журналиста, и он пригласил нас в типографию, где для редактора большевистской газеты был сделан небольшой закуток. На небольшом столе стоял чайник и несколько стаканов в подстаканниках. Тут же присутствовал заправленный серым одеялом топчан. Я подумал, что порой Сталину приходится есть и ночевать прямо на своем рабочем месте.

В помещении пахло знакомым мне запахом типографской краски, в центре комнаты стоял линотип, рабочий пронес мимо меня набранную полосу, и положил ее на верстак.

При свете десятилинейной керосиновой лампы мы более тщательно разглядели друг друга. Сталин сейчас не был тем монументальным вождем Страны Советов, которого мы привыкли видеть в фильмах о войне или послевоенном времени. Ему было всего сорок лет, и похож он был на обычного кавказца. Одет Сталин был просто — в солдатскую гимнастерку,

брюки заправленные в солдатские сапоги, и поношенную серую куртку. С не меньшим любопытством и настороженностью Сталин разглядывал и нас.

— Давайте представимся друг другу, — сказал Сталин. — как меня зовут, и кем я работаю, вы, похоже, уже знаете. А вот я не знаю — с кем имею честь беседовать.

— Тамбовцев Александр Васильевич, — ответил я, — некогда специальный корреспондент одного из информационных агентств. Можно сказать, ваш коллега.

— Старший лейтенант Бесоев Николай Арсентьевич, — представился мой спутник.

Сталин с интересом посмотрел на него. То ли ему показалась знакомым эта осетинская фамилия, то ли он удивился тому, что вроде бы сухопутный офицер носит военно-морское звание.

— Как к вам обращаться, — спросил Сталин после небольшой паузы, — «господа» или «товарищи»?

— Обращение «товарищи» для нас более привычное, — ответил я.

Сталин понимающе усмехнулся. — Итак, товарищ Тамбовцев, и товарищ Бесоев, что же такого важного вы хотели мне сообщить?

— Речь идет о судьбе революции, — сказал я. — Вы, наверное знаете, что некоторые деятели Временного правительства очень бы хотели, чтобы германцы начали наступление на Петроград?

Сталин кивнул, и достав из кармана портсигар, закурил папиросу.

— Германское командование планирует провести десантную операцию, по прорыву немецких кораблей в Рижский залив и захват Моонзундских островов, — сказал я и обратился я к Бесоеву, — Николай Арсентьевич, дайте, пожалуйста, карту. — Тот достал из планшетки сложенную в восемь раз карту с планом немецкой операции.

Я развернул ее на столе перед Сталиным, который с любопытством смотрел на мои манипуляции, и продолжил, водя по карте карандашом, как указкой,

— Вот смотрите — в случае успеха немцы обойдут приморский фланг русской армии, и высадят десант, который беспрепятственно двинется на Петроград. Не факт, что они смогут взять его. Но Временное правительство, а точнее, те, кто выступает за военную диктатуру, объявят столицу на военном положении. Правительство сбежит в Москву, а в Питер введут нераспропагандированные части, которые начнут в городе резню. В первую очередь, будут уничтожены руководители советов всех уровней и лидеры большевиков. Петроград залиют кровью. Вспомните, что нечто подобное произошло в 1871 году в Париже, где французские войска под командованием Тьера, и при поддержке немцев уничтожили Парижскую Коммуну.

Сталин нахмурился. Он долго смотрел на карту, потом посмотрел на нас, и неожиданно спросил, — Товарищи, вы случайно не из ведомства генерала Потапова?

Я улыбнулся. Генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов, был начальником военной разведки Русской армии. С июля 1917 года он тесно сотрудничал с большевиками.

— Нет, Иосиф Виссарионович, сейчас мы не из этого ведомства, хотя некоторые из нас, и имеют к нему прямое отношение. Особенно, Николай Арсентьевич. — Я жестом указал на Бесоева.

И в этот момент у меня в кармане запищала рация. Достав ее (Бесоев потом сказал мне, что в этот момент глаза у Сталина «стали по девять копеек»), я включил прием, и услышал голос Вадима Свиридова, одного из бойцов обеспечения, отвечавшего за нашу связь с адмиралом Ларионовым.

— «Дед», я «Пегий». Только что вышел на связь «Первый». Публика прибыла, «Большая Музыка» началась. Как понял меня, прием?

— «Пегий», я «Дед», понял тебя. Оставайся на связи, — ответил я.

— Что все это значит, товарищи? — несколько изумленно спросил у нас Сталин.

— Это значит, товарищ Сталин, что германский флот сосредоточился на исходных позициях для осуществления операции по прорыву русских минно-артиллерийских позиций в Рижском заливе...

Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

До рассвета еще полтора часа. Все вокруг укутывает непроницаемая тьма. Ночь. «Час Быка». Время отведенное нам на раздумье почти вышло. До начала «операции по принуждению Германской империи к миру» осталось всего ничего, меньше пяти минут. Только что поступило сообщение от капитана 1-го ранга Перова. Его отряд последовательно форсировал и Передовую и Центральную минную позиции, и теперь на максимальной скорости движется к месту временной стоянки у острова Гельголанд. Как это и было предусмотрено планом, получив сообщение, что два противолодочных вертолета Ка-27-ПЛ вылетели на «Кузнецов», отправил им взвод СПН ГРУ на двух транспортно-ударных Ка-29.

Немецкий флот тоже прибыл в зону своего сосредоточения к точке «Вейс». Группы тральщиков с авангардом десанта на борту уже начали прорыв минных заграждений у входа в бухту Тагалахт. Артиллеристы двух русских батарей на мысах Хунденсорт и Ниннаст, которые должны были бы прикрывать это минное заграждение, сейчас спят сном младенца. Да и что могли бы поделать против тяжело бронированных германских линкоров береговые батареи калибром в 120-152-мм, предназначенные для борьбы с эсминцами и легкими крейсерами. Хотя десанту проблем они могли бы доставить предостаточно, но все дело в том, что в те времена, если цель была не видна невооруженным глазом, или в бинокль, означало, что она вообще не видна.

Для своей операции немцы всю использовали подготовку своих моряков к действиям в условиях плохой видимости. Отметки, соответствующие немецким кораблям на планшете, почти совпадают с данными фон Чишвица. Новейший германский линкор «Баерн» уже на подходе к своей позиции напротив Серро. Еще два линкора бросили якорь в виду Церельской батареи. Двадцать 12-дюймовых стволов против двух. Если верить старой схеме, то церельцы не смогут им даже ответить, ибо немецкие линкоры стоят вне сектора их обстрела. Адмирал Шмидт, командующий операцией, осторожен, и немцы не рискуют ничем. Десантный же флот на планшете напоминает стаю лососей, идущих на нерест в устье реки.

Быстро поднимаюсь в башню управления полетами. Хочется все видеть своими глазами. На ярко освещенной палубе почти праздничная суeta. Экипажи и технический персонал готовят к вылету ударные вертолеты. Три МиГ-29К и один МиГ-29КУБ, стоят со свернутыми консолями крыльев в специальном кармане перед «островом». Под каждым из них подвешено четыре управляемых высокоточных противобункерных бомбы. Задача простая, как апельсин — максимальный шоковый эффект при минимальных затратах боеприпасов и моторесурса. Не до жиру. Глубины под линкорами небольшие, и впоследствии мы позволим немцам забрать свой металлолом. Но, это исключительно после заключения мирного договора, а пока пусть побудет у нас в заачке.

Я уже в башне. Время без одной минуты до начала операции. «Москва», «Адмирал Ушаков», «Ярослав Мудрый», «Сметливый» готовятся к ракетной атаке. Они легли на курс ост. На палубе «Кузнецова» четыре Ка-52 и четыре Ми-28Н, уже установлены на стартовые позиции, раскручивают винты роторов. Шесть Ка-29, находящиеся на кормовой стоянке с

еще сложенными винтами, готовы занять их место на старте. Планшет на башне показывает воздушную обстановку. Пока в воздухе один вертолет ДРЛО Ка-31 с «Москвы», и разъездной вертолет КА-27ПС с «Кузнецова», на котором оператор с телеканала «Звезда» готовится снимать свой самый забойный документальный фильм, под названием «Крах Альбиона». Кстати это идея Тамбовцева. Журналисты захвалили с собой в Сирию даже принтер, печатающий на киноплёнке. Собирались они, как на необитаемый остров. И правильно, лучше ни от кого, и ни в чем не зависеть.

Время «Ноль», чуть в стороне от нас два раза полыхнуло багрово-розовое пламя, и две огненные кометы косо пролетев по небу, скрылись в облаках. Это «Москва» нанесла удар двумя «Вулканами» по линейному крейсеру «Молотке», на котором находится штаб десантного корпуса. Мгновение спустя «Адмирал Ушаков» начал выпускать во тьму свои «Москиты». Их цели — легкие крейсера «Эмден», «Франкфурт», «Кенигсберг», «Карлсруэ», «Нюрнберг». И «Москиты» и «Базальты» каждую секунду полета преодолевают по 830 метров, до их целей 110–115 километров, это всего 135 секунд полета ракет. Когда они истекнут, немецким морякам придется взглянуть прямо в глаза Большому Полярному Лису.

Стартовавшим одновременно с ними «Уранам», нацеленным в транспорты с десантом, добираться до цели втрое дольше — больше шести минут. Как только последний «Уран» покинул свою пусковую установку, и направился к цели, я перевел дух. Как говорил Темуджин Есугеевич Борджигин, больше известный, как Чингисхан: «Пущенную стрелу не остановишь». А головной «Вулкан», между прочим, уже преодолел половину расстояния до цели.

Ракеты ушли вперед, и четко, в соответствии с графиком, от палубы «Кузнецова» начали взлетать ударные вертолеты. Когда все идет согласно заранее составленным планам, то с одной стороны, по сердцу разливается мед, от осознания хорошо выполненной работы. С другой — возникает тревога, ибо накапливающаяся энтропия, вылившись в крупный сбой или аварию, способна так дать копытом по зубам, что мало не покажется никому. Поэтому не будем говорить гоп, пока не поймем, во что впрыгнули.

Минус тридцать секунд. Странная сложилась ситуация. Русские моряки и солдаты на берегу ничего не подозревают о нацеленных на них германских орудиях. В свою очередь, немецкие моряки на боевых и транспортных кораблях, солдаты на пароходах и десантных баржах, ничего не подозревают о приближающейся к ним крылатой смерти.

Минус десять секунд. Вспоминаю строчку из труда фон Чишвица: «Всего в двух эшелонах надо было переправить около: 24.600 офицеров и нижних чинов, 3.500 лошадей, 2.500 повозок, 40 орудий, 220 пулеметов, 80 минометов и сверх того большое количество боеприпасов, инженерного имущества и запас продовольствия на 30 дней; только одно продовольствие весило 2 300 т».

Думаю, — А вот лошадок жалко, это вам не «дойчен зольдатен унден официрен», это действительно божьи твари, которые не ведают что творят...

Ноль — Время вышло! Позднее я много раз просматривал отснятый Андреем Владимировичем Романовым фильм. Оба «Вулкана» наводились на центр ЛК «Молотке», который находился в районе второй трубы. Всего лишь 50-мм бронепалубы прикрывали сверху 3-е и 4-е котельные отделения, а также пороховые и бомбовые погреба башен «В» и «С». И вся эта роскошь в радиусе пятнадцати метров от точки прицеливания.

Ракеты ударили в палубу почти одновременно, под углом примерно семьдесят градусов. Ослепительная вспышка расколола темноту. Боевая часть первой ракеты весом в тонну

пробила бронепалубу, прошла через котельное отделение, и взорвалась под снарядным погребом башни «С». Кумулятивная струя разрушила внутренние перегородки и пробила в правом борту ниже ватерлинии дыру диаметром в 7–8 метров, в которую хлынула вода. «Мольтке» — корабль с кочегарками, работавшими на угле. Взрыв котлов выбросил в небо облако раскаленного докрасна шлака. В принципе, вторая ракета была уже не нужна — немецкий крейсер был уже смертельно ранен. Но, что сделано, то сделано. Вторая ракета ударила в его середину, между трубами, повредив паропроводы, и добавив еще одну пробоину по правому борту. Дело в том, что вся конструкция подводной части боевого корабля была рассчитана на то, что мина или торпеда взорвутся у борта с наружной части корпуса, и придется оказывать сопротивление ударной волне идущей внутрь. Но кумулятивная струя, порожденная взрывом полутонны взрывчатки ударила изнутри. На это немецкие конструктора не рассчитывали. Примерно через три минуты после первого попадания «Мольтке» сел на грунт, имея крен в тридцать градусов. Корма ушла под воду по верхнюю башню, полубак частично остался над водой. Получив доклад о попадании в «Мольтке», я приказал отправить группе Тамбовцева сообщение о начале «Большой музыки».

Почти одновременно с «Мольтке» взорвался легкий крейсер «Франкфурт», который шел вслед за тральщиками, сопровождая авангард десанта в бухту Тагалахт. «Москит» не умеет бить в палубу. Высокий профиль полета у него не предусмотрен. Он бьет исключительно в борт. Куда попала злосчастному «Франкфурту» осколочно-фугасная боевая часть, вызвавшая такой эффект, я не знаю. Но факт остается фактом — крейсер был уничтожен почти мгновенно. Правда, это был единственный легкий крейсер пораженный «Москитом» насмерть. Крейсер «Эмден», получивший семидесяти сантиметровую надводную пробоину в левом борту, и трехметровую подводную в правом, сумел выброситься на отмель у Памерорт. При этом, из-за возникшего крена пользоваться артиллерией он не мог.

Через полтора часа, когда рассвело, сидящий на мели крейсер стала обстреливать русская батарея у Серро, что вынудило команду сойти на берег. «Кенигсберг» горел в ночи, как факел, освещая все вокруг. «Карлсруэ» оказался прошитым насквозь по диагонали. Взрыватель сработал со слишком большой задержкой. Но даже так, его скорость после попадания «Москита» не превышала двенадцати узлов.

Еще один крейсер, «Нюрнберг», получив попадание в носовую часть, и подводную пробоину, с сильным дифферентом на нос потерял ход, но остался на плаву. Некоторое время спустя, во время спасательных работ, он все же напоролся на русскую мину, сорванную с якоря, и затонул.

Отгремел последний взрыв и наступила тишина. Но у немецкого экспедиционного корпуса все было еще впереди. Смерть приближалась к ним тремя волнами. В первой шли ракеты «Уран», нацеленные на самые крупные транспорты. Во второй, восемь ударных вертолетов были готовы устранить недоделки, оставшиеся от крылатых ракет. В третьей волне шесть транспортно-ударных вертолетов должны были завершить разгром десанта. Прилетать потом МиГам, или нет, я решу, когда мне станет ясна вся картина происходящего.

Линкоры кайзеру было бы неплохо вернуть потом обратно. Но все будет зависеть от того, как поведут себя их командиры. Если они, поджав хвосты, уползут в свой Данциг, то скатертью им дорога. А если попробуют с ослиным упрямством выполнить полученный приказ, и начнут обстреливать русские береговые батареи, то... В общем, выбор за ними — и жизни, и смерти. А пока будем гонять вертолеты на уничтожение транспортного флота.

04:57 СЕ. Все, до рассвета еще полчаса. Германского десанта, считай, что уже и нет на этой грешной земле. Сначала по самым крупным пароходам ударили «Ураны», рассекая темноту вспышками взрывов. Большая часть транспортов имела водоизмещение от двух до трех тысяч тонн, при полном отсутствии герметичных внутренних переборок. Тонули они, как утюги. Кроме них море было забито деревянными посудинами самого разного назначения и водоизмещения. Баркасы, баржи, плашкоуты... Примерно полпятого этот «суп с клецками» атаковали подоспевшие ударные вертолеты. Они же добились несколько крупных пароходов, не желающих тонуть после попадания «Урана». Подоспевшие Ка-29 занялись тральным флотом, прорывающимся к месту высадки.

Все море заполнилось немецкими солдатами, офицерами и моряками в спасательных жилетах, пытающимися добраться до берега вплавь. Но балтийская вода в октябре — это вам не Ницца в июле, и немцы быстро замерзали насмерть в ледяной воде. Сейчас вернувшиеся с вылета вертолеты дозаправляются и перевооружаются.

Глянув на часы, я понял, что все закончилось в течение часа. Десантной армады больше нет, и в любой момент я могу отдать приказ, обрекающий на ту же участь и немецкие линкоры. Сейчас все зависит только от их командиров, и высшего командования. Эфир забит морзянкой. Все, теперь, при любом изменении обстановки, меня немедленно поставят об этом в известность.

А мне сейчас надо спуститься к себе, и оттуда попробовать выйти на связь с Тамбовцевым по закрытому каналу. Надо узнать, как там у них идут дела с величайшим человеком XX века.

**12 октября (29 сентября) 1917 года, 05:05, Петроград.
Кавалергардская улица дом 40, типография газеты «Рабочий
путь»**

Александр Васильевич Тамбовцев.

После моего заявления Сталин, что называется, слегка и ненадолго впал в ступор. Он минуты две молчал, не отрывая взгляда от пламени на конце фитиля керосиновой лампы. Потом он востропел, и внимательно посмотрев на Бесоева, спросил у него (он, видимо, считал Николая Арсеньевича морским офицером, несмотря на сухопутную форму),

— Товарищ старший лейтенант, какими силами германцы намереваются прорваться в Рижский залив?

— Товарищ Сталин, — четко рапортовал Бесоев, — командование германскими вооруженными силами задействовало для осуществления операции «Альбион»: десять линкоров, один линейный крейсер, девять легких крейсеров, пятьдесят восемь эсминцев, семь миноносцев, шесть подводных лодок, двадцать семь тральщиков, четыре прорывателя минных заграждений, пятьдесят девять патрульных судов, один минный, два сетевых и два боновых заградителя, пять плавучих баз, тридцать два транспорта, и ряд других кораблей — в общей сложности триста пятьдесят одну единицу. Для захвата островов немцы выделили десантный корпус генерала фон Катена — около двадцати шести тысяч человек, двести двадцать пулеметов и сорок орудий. Операция по высадке десанта должна начаться сегодня на рассвете ровно в шесть тридцать по петроградскому времени.

— А какие силы у русских войск, защищающих Рижский залив? — спросил Сталин, — я слышал, что подступы к заливу заминированы и прикрыты огнем мощных береговых батарей.

— Товарищ Сталин, — вмешался в разговор я, — В настоящий момент, русский флот имеет в районе боев: два броненосца времен русско-японской войны, два броненосных крейсера, один бронепалубный крейсер, три канонерки, двадцать шесть эсминцев, семь миноносцев, три подводные лодки, три минных заградителя и другие корабли, всего сто двадцать пять единиц. Наиболее мощные береговые батареи, это: 305-мм батареи на мысе Церель и на мысе Тахкона. Ну, и еще одиннадцать тысяч якорных мин, выставленных в этом районе. А о сухопутных войсках, защищающих острова, можно сказать, только то, что они деморализованы и практически небоеспособны. Гарнизон острова состоит из мобилизованных третьей очереди, почти полностью разложившихся, и готовых, скорее сдаться, чем оказать сопротивление врагу. В лучшем случае эти части способны на организованное отступление. Подчиняющиеся Центробалту отряды матросов-большевиков конечно боеспособны, но в случае высадки десанта не смогут повлиять на ситуацию из-за своей малочисленности. Вся операция спланирована для того чтобы организовать захват со стороны суши Церельской батареи.

— Да, положение действительно серьезное, — Сталин озабоченно прошелся по комнате, — немцы могут прорваться в Рижский залив и выйти к Ревелю. А там и до Петрограда рукой подать. Товарищи, вы точно уверены в своих сведениях?

— Товарищ Сталин, — сказал я, глядя прямо в глаза будущему генералиссимусу, — мы

совершенно точно осведомлены о планах германского командования. Но у нас есть твердые основания считать, что сейчас в нескольких милях западнее залива Тагалахт на острове Эзель происходят события, которые поставят жирный крест на немецких планах прорыва в Рижский залив, и их десантная операция закончится полным провалом. Германские войска и флот понесут такие значительные потери, что после этого поражения утратят наступательный потенциал, и начнут искать возможность заключить с Россией сепаратный мир.

Вы помните, что немцы уже закидывали удочки на эту тему — через фрейлину императрицы Марию Васильчикову в декабре 1915 года, и через члена Государственной думы Александра Протопопова в Стокгольме в 1916 году. За мир с Россией выступают такие влиятельные персоны в Германии, как адмирал фон Тирпиц, дипломаты Ульрих Брокдорф-Рантцау и Хельмут Люциус фон Штедтен. Стать посредником в переговорах между Россией и Германией вызвался племянник вдовствующей императрицы Марии Федоровны датский король Кристиан X.

— И какие условия мира предлагали германцы? — заинтересованно спросил у меня Сталин.

— Речь шла о территории Польши и части Прибалтики, — ответил я, — Взамен немцы предлагали России приращение ее территорий за счет... своей союзницы, Австро-Венгрии...

Сталин рассмеялся, — конечно, чужое отдавать не жалко... — потом он стал серьезным, — в общем, условия мира не такие уж тяжелые. Об этом стоит подумать. К тому же в ходе переговоров возможен торг — не так ли, товарищ Тамбовцев?

— Все зависит от обстановки на момент переговоров. — ответил я, — Если дела на фронте у немцев будут идти не очень хорошо, то можно добиться и более существенных уступок.

Сталин опять замолчал, о чем-то задумавшись. Потом он потер руками воспаленные от бессонницы глаза, и спросил, — Товарищи, как вы насчет того, чтобы сообразить выпить чаю?

— Мы совершенно не против, — ответил я за себя и Бесоева, — Честно говоря, эта ночь выдалась для нас очень бурной, и мы тоже ни минуты не спали.

Сталин взял чайник и пошел куда-то вглубь типографии. Мы с Бесоевым переглянулись. Похоже, что Коба отправился не только за кипятком. Я знал, что практически весь центр Петрограда был телефонизирован. Интересно, кому сейчас звонит Иосиф Виссарионович? Понятно, что не Ленину в Выборг. Дзержинский сейчас в Москве. Интересно, все же, кому?

Сталин вернулся минут через десять и уже не выглядел таким озабоченным. Поставив на стол большой медный чайник, он открыл в тумбочку в поисках заварки. В жестяной банке было пусто. Для верности Виссарионович поковырялся в ней пальцем, а потом развел руками, — Прошу прощения, товарищи, чаю не осталось. Весь кончился. Можно, конечно, выпить просто кипятка. У меня есть немного сахара.

Я приоткрыл свой сундучок, и достал оттуда свой походный набор — пластиковую коробку, в которой лежали с десятков чайных пакетиков и столько же кусочков сахара. Выложив все на стол, я повернулся к Сталину, и увидел его изумленные глаза.

— Это заварка, — сказал я, показывая Сталину пакетик с желтеньким ярлычком, — надо положить его в стакан и залить кипятком. Хвостик с бумажкой оставляем снаружи. А это натуральный сахар — кладите его себе по вкусу. Для меня вполне достаточно двух кусочков.

Сталин с удивлением покрутил в руках пакетик, потом, глядя на нас, заварил чай и добавил в стакан сахар, — Как все удивительно и просто, — пробормотал он себе под нос, — никогда в жизни не видел ничего подобного.

Пока мы не спеша пили по первому стакану чая. Сталин с интересом нас разглядывал. Потом видимо сделав какие-то свои выводы, сказал,

— Товарищи, я уже почти час общаюсь с вами, но так и не смог понять, кто вы и откуда. Не могли бы вы раскрыть мне свое инкогнито?

— Иосиф Виссарионович, мы ведь уже представились вам, — ответил я, — поверьте, мы назвали вам свои настоящие имена и фамилии и род занятий. А вот ту информацию, которая вас так интересует, мы раскроем вам в самое ближайшее время. Сейчас наш рассказ может прозвучать для вас слишком невероятным. Потерпите немного. Иногда не надо спешить — вы ведь помните кавказскую пословицу: «Быстрая река до моря не добежит».

Сталин молча усмехнулся и пригладил усы. Он с удовольствием прихлебывал горячий чай, продолжая внимательно разглядывать нас. Коба явно чего-то ждал. Чего-то или кого-то? Интересно?!

Все выяснилось через несколько минут. Снова у меня в кармане запищала рация. Включив ее на прием, я услышал спокойный, немного замедленный, голос еще одного бойца из группы Бесоева — Максима Турдибекова: «Дед», я «Алтай». К дому подъехал тарантас с мотором, — в наушниках раздалось сдавленное хихиканье, — и колеса, как у велосипеда — со спицами. В авто два человека — водитель в коже, и пассажир в офицерской форме. Пассажир вышел из машины, и идет в редакцию. Нам его брать его, или как? Прием.

— Отставить... — ответил я, искоса посмотрев сначала на Бесоева, потом на Сталина, — Пусть идет, а вы еще усилийте наблюдение. До связи.

— Ну, товарищ Сталин, и кого нам ждать? — спросил я, нашего гостеприимного хозяина, — С кем мы будем иметь честь познакомиться через несколько минут?

Ответить мне Сталин не успел. В помещение вошел высокий худошавый офицер лет пятидесяти, с небольшими усиками и в пенсне. Я его узнал, хотя качественных фотографий этого человека мне видеть не довелось. И немудрено — люди его профессии не любили, когда их фотографировали.

— Доброй ночи, Николай Михайлович, — вежливо поздоровался я с вошедшим, чем привел его в состояние легкого обалдения, — точнее, доброе утро. — глянув на часы, я добавил, — Наверное, скоро уже начнет светать?

Офицер, точнее, генерал — об этом говорили его золотые погоны с зигзагом и красная подкладка шинели, — удивленно посмотрел на меня и на Бесоева. Но, как человек воспитанный, генерал вежливо поздоровался с нами, и присел в углу на топчанчик.

— Ну, удивительно как он похож на полковника Бережного, — подумал я — прямо родной брат, интересно будет посмотреть на их знакомство?

— Вот это те самые люди, о которых я и сообщил вам, Николай Михайлович, — сказал Коба, — Похоже, что это ваши коллеги. Они обладают совершенно секретной информацией о замыслах германцев, но с ней почему-то пришли не к вам, а ко мне.

— Представьтесь, пожалуйста, господа, — твердым и властным голосом обратился к нам генерал-лейтенант Потапов — начальник военной разведки Русской армии.

— Николай Михайлович, — ответил я, — мы ваши коллеги, только пришедшие издалека. Я, Тамбовцев Александр Васильевич, в настоящее время журналист и военный корреспондент, но в свое время работал в одной разведывательной структуре, название

которой вам точно незнакомо. Ведь слова «Первое главное управление» вам ничего не говорят? А вот мой коллега, старший лейтенант Бесоев Николай Арсентьевич, действительно служит в ГРУ — военной разведке, нынче пока именуемой разведуправлением главного штаба, а, точнее, в одном из ее специальных силовых подразделений.

— Я ничего не понимаю, — Потапов снял фуражку и вытер пот со лба, — Александр Васильевич, какое первое главное управление? Что это за структура, о которой я ничего не знаю? А про ГРУ, Николай Арсентьевич, я тоже до сегодняшнего дня не имел никаких сведений. Будьте любезны, может быть, вы мне скажете прямо — кто вы и откуда.

Мы с Бесоевым переглянулись. Видимо, подошло время приоткрыть карты.

— Иосиф Виссарионович, Николай Михайлович, — обратился я к Сталину и Потапову. — Мы из вашего будущего, из конца 2012 года. Не считайте нас сумасшедшими или шарлатанами. Мы говорим вам правду...

В этот момент у меня в кармане снова запищала радия.

— «Дед», я «Пегий». «Первый» сообщил — «Первое отделение концерта окончено. Антракт. Публика довольна». Как поняли меня, прием?

— «Пегий», я «Дед», понял тебя. До связи, — ответил я и посмотрел на часы — шесть ноль пять. Похоже на правду.

На недоуменное молчание Сталина и Потапова я коротко ответил, — Товарищи, командующий нашей эскадрой контр-адмирал Ларионов только сообщил нам, что германская операция «Альбион» полностью и окончательно провалилась. Десантный корпус, и часть флота кайзера Вильгельма уничтожены.

Увидев, как вздрогнул генерал Потапов, я добавил, — Да, Николай Михайлович, именно так. Мы сюда попали не втроем и не вдесятером. Там, в ста верстах западнее острова Эзель, находится русская боевая эскадра из нашего времени. И то, что она сделала — это только начало.

Сталин и Потапов изумленно переглянулись. И тут в нашу загородку просунулась вихрастая голова мальчишки-разносчика, — Товарищ Сталин, — вам юзограмма из Центробалта...

Сталин взял переданную ему юзограмму, так в то время назывались телеграммы, передаваемые с помощью электромеханического буквопечатающего телеграфного аппарата системы Юза, клавиатура которого напоминала клавиши аккордеона, и стал внимательно ее читать. Потом он хмыкнул, перечитал снова и протянул бланк генералу Потапову.

— Извините, товарищи, — усталым голосом сказал Сталин, — только теперь я могу поверить в то что вы мне рассказали. Слишком уж фантастически все это звучало. Как вы там сказали, — «Мы люди из будущего, с русской военной эскадры, прибывшей к нам из 2012 года...» А вот теперь, после этого сообщения Центробалта я даже не знаю что и думать, — он прошелся по выгородке взад-вперед, потом повернулся в нашу сторону и посмотрел эдаким своим пронзительным «тигриным» взглядом, — мне ничего не остается, как поверить вам.

В ответ на это заявление я только слегка улыбнулся. Ведь доказательств нашей «нездешности» было у нас достаточно. Тем временем, генерал Потапов, в свою очередь два раза перечитал сообщение, крикнул, снял с носа пенсне, и тщательно его протер белоснежным носовым платком.

— Да, как все просто, — сказал он, — и как все страшно. Еще в середине августа мы

получили от наших агентов информацию о том, что германцы готовятся к прорыву в Рижский залив. Сказать честно, никто из нас даже и не рассчитывал, что армия и флот, находящиеся в сильнейшей степени разложения, смогут отразить немецкий удар.

Но, сейчас, наблюдатели на Эзеле сообщают, что в море горят и взрываются немецкие транспортные и боевые корабли, в заливе Тагалахт волны выносят на берег трупы немецких солдат и моряков. — генерал вздохнул, — Южнее селения Памерорт на берег выбросился поврежденный германский крейсер. Батареи Балтфлота открыли огонь по освещенным пожаром немецким кораблям. На ноги поднят Разведотдел Балтфлота, служба радиоперехвата каперанга Ивана Ивановича Рейнгартена пытается перехватить вражеские радиogramмы и определить уровень немецких потерь.

— Наши определяют быстрее, — машинально сказал я, потом вспомнил, про самое главное, и повернулся к иосифу Виссарионовичу и спросил, — Товарищ Сталин, сегодняшний номер «Рабочего пути» уже печатают?

— Ай, бодиши! — воскликнул будущий «вождь и учитель», быстро ухватив мою мысль, от волнения у него на мгновение прорезался резкий кавказский акцент, — Адын момент, таварищи, — и главред «Рабочего Пути» почти бегом отправился куда-то вглубь типографии.

А генерал Потапов, еще раз пробежав послание Центробалта, задумчиво посмотрел на меня и спросил, — Не знаю, как к вам и обращаться-то...

— Николай Михайлович, — ответил я, — у нас принято обращение «товарищ», но если вам оно непривычно или неприятно, то можете называть нас по имени и отчеству.

— Хорошо, Александр Васильевич, — кивнул генерал Потапов, — В силу моих должностных обязанностей сейчас меня интересует каковы дальнейшие планы вашего командования? Дело вот в чем... — генерал в раздумьях снова начал протирать пенсне. — Германцев вы разбили. Этот фигляр и болтун Керенский, естественно, завтра же объявит себя великим полководцем, и припишет себе все заслуги в поражении немецкого флота. А это плохо — лавры победителя могут хоть и ненадолго прибавить ему популярности...

Я с интересом посмотрел на генерала, — Это проблема вполне решаемая, Николай Михайлович. Подумайте сами, не остановить германцев мы не могли. Мы же все таки русские. Дело еще в том, что десант во время транспортировки его по морю весьма уязвим, выбивать же потом высадившийся там германский корпус было бы трудно и связано с большими потерями.

Для того чтобы окончательно свергнуть всеми презиаемого Временного правительства, теперь остается лишь уговорить товарища Сталина официально возглавить партию большевиков, и взять власть в стране в свои руки. Причем, сделать это надо как можно быстрее. Первым шагом к этого будет сегодняшний выпуск «Рабочего Пути», утренний — с аносом, и вечерний — с подробным репортажем с места сражения. К завтрашнему утру газета «Рабочий путь» станет самой популярной газетой в Петрограде, а партия большевиков самой популярной партией в России. Уже сегодня вечером не мальчишки-газетчики будут бегать за читателями, предлагая ее купить, а читатели будут бегать за этими мальчишками в надежде найти газету с описанием разгрома германцев. А что именно будет в вечернем номере — о том особый разговор...

В этот момент в закуток вернулся донельзя довольный Сталин. Он залпом допил уже остывший чай, лихо разгладил свои усы, и с улыбкой сказал, — О чем шушукаемся, господа — товарищи? А я едва успел, буквально в последнюю минуту остановил выход номера. Если бы вы слышали, какими словами меня крыл метранпаж? Таких загибов я не слышал даже от

уголовников в Баиловской тюрьме. Но я все же уговорил его срочно переверстать первую полосу. И наша большевистская газета первая и единственная сегодня сообщит о славной победе НАШЕЙ большевистской эскадры, — Сталин вопросительно посмотрел на меня, и дождавшись моей легкой улыбки и короткого кивка головой, продолжил, — над германским флотом, рвавшимся к Красному Петрограду.

— Все правильно, товарищ Сталин, — еще раз кивнул я, — мы там, у себя на эскадре, готовясь к сегодняшней миссии, решили вам немного помочь. Во время боя наш кинооператор вел съемку всего на месте событий, и мы решили на своем полиграфическом оборудовании напечатать примерно полторы сотни цветных плакатов-афиш, которые неплохо бы сегодня же расклеить на афишных тумбах города. В них будут самые эффектные кадры взрывающихся и горящих германских судов, пленных немецких солдат и офицеров, в мокрой и грязной форме. А также сообщение о том, что все подробности о сражении в Рижском заливе можно будет прочесть в вечернем выпуске газеты «Рабочий путь». Сейчас как раз заканчивают печатать эти плакаты. Кроме того, к завтрашнему утру материал будет переведен на кинопленку привычного вам формата, и было бы неплохо организовать просмотр фильма для всех желающих.

В придачу к этому вы получите в самое ближайшее время, — я посмотрел на часы, — где-то к полудню, целую пачку фотографий с места сражения, и репортаж, написанный нашими журналистами. Товарищ Сталин, вы успеете сделать цинковки к вечернему номеру, и набрать тексты? Учтите, что номер получится раза в три-четыре толще, чем обычно.

— Сделаем, в лепешку разобьемся, но сделаем, — Сталин от азарта даже вскочил с места. Глаза его горели, весь он был готов тут же сорваться, и помчаться делать номер, который будет информационной бомбой огромной силы.

— А вы успеете к полудню доставить с Моонзунда фото? — скептически спросил генерал Потапов. — Ведь расстояние от Эзеля до Петрограда немаленькое...

— Успеем, Николай Михайлович, — успокоил я Потапова. — Летательному аппарату, который доставил нас в Петроград, понадобился всего один час двадцать минут чтобы преодолеть расстояние от местоположения нашей эскадры. Как только материалы будут готовы — вертолет вышлют немедленно. О его вылете нас предупредят заранее по радио.

Увидев изумленный взгляд генерала, я пояснил, — Николай Михайлович, вертолет это такая винтокрылая машина, которая может подниматься и опускаться вертикально, и передвигаться по воздуху со скоростью 250 верст в час. Вот только, это очень шумная и заметная машина... Мы-то прилетели ночью, когда никто лишнего носа на улицу не высунет. А вот как быть днем? Могут возникнуть сложности, в связи с тем, что посадка вертолета привлечет внимание множества зевак. Николай Михайлович, видимо, придется сажать ее где-нибудь подальше от города. Может быть, вы предложите подходящее место для этого?

В разговор неожиданно вмешался Сталин, — Не вижу проблемы товарищи. Мы все равно во всеуслышание заявим, что немцев разбила наша большевистская эскадра, построенная на деньги партии, к примеру, в Америке. Вы сказали, что ваш вертолет может опускаться вертикально. Так вот, товарищи, если он опустится во дворе этого здания, то это только еще больше убедит людей в нашей правоте.

Я побарабанил пальцами по столу, — Тогда, товарищ Сталин, как говорят на Востоке: «Если вскочил на спину бешеного тигра, то скажи, а то он тебя разорвет...»

— Что вы имеете в виду, товарищ Тамбовцев? — Сталин присел напротив меня, — Я вас

не совсем понимаю.

Я вздохнул, — Товарищ Сталин, давайте я буду говорить откровенно... — Сталин задумчиво кивнул, — Мне кажется, что это будет непростой разговор.

— А кто вам обещал, что все будет легко и просто? — парировал я.

— Тоже верно, — кивнул мне Сталин, — но нет таких крепостей на свете, которые не смогли бы взять большевики. Говорите, товарищ Тамбовцев, я вас внимательно слушаю?

— Примерно через сутки в Петрограде высадятся примерно пять сотен бойцов, прекрасно обученных, вооруженных и экипированных. С учетом их подготовки, вооружения, техники, боевого духа и решимости, их можно было бы приравнять к нынешнему армейскому корпусу. Теперь вы понимаете, что «бешеный тигр», о котором говорится в пословице, уже на подходе.

Попав в город, наши люди пинком вышвырнут правительство Керенского, и власть можно будет передать в руки тех, кто остановит распад страны и превращение ее в колонию европейских государств. И не только европейских. Вакуум власти надо заполнить немедленно. Мы, с Николаем Михайловичем несмотря на то, что нас разделяет без малого век, единогласно сошлись в одном — той силой, которая будет способна остановить распад страны и иностранную интервенцию, могут стать только большевики. Только вот вопрос — согласна ли партия большевиков вообще, и товарищ Сталин в частности, взять на себя этот страшный груз ответственности? Скажу сразу, в наше время большевики взяли власть, и спасли страну. Но каких жертв и крови это все стоило... Мы хотим, чтобы те муки страдания в этот раз не повторились.

По ходу моего рассказа Сталин то краснел, то бледнел. На его лице явственно обозначились оспинки, обычно незаметные. Потом он вытянул из кармана коробку с папиросами и закурил. Я ему не мешал, и не торопил с ответом. Такую информацию нужно переварить не спеша.

Наконец, раздавив в пепельнице окурок, Иосиф Виссарионович пристально посмотрел на меня. За эти пять минут он будто постарел на десять лет,

— Непростую задачу, товарищ Тамбовцев, вы поставили передо мной. Мне приходилось бежать с каторги, участвовать в «эксах», не бояться ни бога, ни черта. Но каждый раз, что-то приходилось делать впервые. Как вы правильно заметили, товарищ Тамбовцев, нам — большевикам, никто не обещал, что будет легко. Могу ли я переговорить с адмиралом Ларионовым?

— Можете, товарищ Сталин, только я бы посоветовал вам побеседовать, с Виктором Сергеевичем вживую, с глазу на глаз. Вы прекрасно понимаете — почему именно так, и никак иначе...

А вот радиостанция нам сейчас понадобится. Надо согласовать время и место передачи «посылки» из будущего.

По рации я вызвал в типографию Вадима Свиридова с его «мобильным радиоузлом» за спиной. Зайдя в закуток, он быстро, по-деловому, скинул рацию с плеч и стал разворачивать свою бандуру, что-то бормоча себе под нос. Минуту спустя, включив питание, Вадим стал настраивать рацию, перебирая каналы. Генерал Потапов с изумлением смотрел на нашего «маркони». Ведь полевые радиостанции в это время — представляли из себя кучу ящиков и сундуков, перевозимых на двух пароконных повозках.

Наконец, видимо добившись приемлемого результата, он быстро проговорил, — «Гнездо», я «Пегий», как меня слышите, прием? — Вадим вызывал флагмана нашей

эскадры. — Среди шороха и потрескивания мы услышали голос радиста с «Кузнецова», — «Пегий», я «Гнездо», слышу вас на четверку, прием...

— Я взял у нашего радиста микрофон, — «Гнездо», я «Дед», дайте «Третьего».

Некоторое время пришлось подождать и вот в динамике прозвучал вполне узнаваемый знакомый голос Коли Ильина, моего бывшего коллеги,

— «Дед», я «Третий», слушаю тебя, прием.

— «Третий», я «Дед», — сказал я, — когда будет отправлена посылка для товарища Сталина? Мы готовы принять ее в любое время, прием.

После короткой паузы Ильин ответил, — «Дед», посылку вам отправим через минут сорок, у нас возникли небольшие трудности при печати. Но, уверен, картинка всем очень понравится. Все что называется в цвете, снимали с подсветкой от горящих германских кораблей.

— «Третий» я «Дед», будем ждать вашего сигнала...

— Александр Владимирович, — обратился ко мне генерал Потапов, — я предлагаю место приземления вашей летающей машины — ипподром в Коломягах. Бегов там сейчас, считай что нет, место практически безлюдное. Я возьму в гарнизонном гараже грузовичок с охраной, и можно будет доставить, как вы говорите, «посылку» хоть в Смольный, хоть куда, не более, чем за час.

— Спасибо, Николай Михайлович, — поблагодарил я генерала, — но товарищ Сталин уже решил не скрывать своей связи с нами, поэтому вертолет мы приземлим... — я повернулся к товарищу Сталину, — в этом дворе пожалуй маловато места — размах винтов этой машины семь с половиной саженой, да еще воздушные потоки во дворе-колодце... пилот просто не возьмется сажать машину. Лучше использовать то же место в Таврическом саду, в котором мы и высадились этой ночью, когда мы прибыли сюда.

Сталин утвердительно кивнул, соглашаясь с моими доводами, и я снова вызвал по рации Ильина, — «Третий», место посадки прежнее, Таврический сад. Экипаж в курсе!

— «Дед», все понял, — сказал Ильин, — время прибытия откорректируем позднее.

— Вот и все, — сказал я, — передав трубку радисту. Будем ждать посылку. Посмотрев на изумленные лица Сталина и генерала Потапова, я улыбнулся, — вижу, что у вас появилось много вопросов к нам. Я готов на них ответить.

— Вопросы есть, как же без них, — генерал Потапов достал из кармана записную книжку, полистал ее, что-то прикинул, а потом сказал, — Александр Васильевич, а что, если я пошлю с вашим, как вы его называете, «вертолетом», моего представителя. Нам желательно установить и поддерживать связь с вашим командованием, — он вздохнул, — у нас, это называется делегат связи.

— У нас тоже, Николай Михайлович, — сказал я, и добавил, — Я думаю, что это будет наилучшим вариантом, в преддверии так сказать предстоящих важных событий.

Генерал Потапов кивнул, — Вот именно. К сожалению, мне самому нет возможности отлучиться из Петрограда, лично познакомиться с вашей эскадрой и адмиралом Ларионовым. Но я готов созвониться с генерал-майором Михаилом Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, который несколько дней назад по приказу Керенского отстранен от командования Северным фронтом. Обстановка в районе Рижского залива ему достаточно хорошо известна. Я думаю, что общение вашего командующего с Михаилом Дмитриевичем будет полезно для обеих сторон.

Я вопросительно посмотрел на товарища Сталина. Тот прошелся по выгородке взд-

вперед и задумчиво проговорил, — Я бы, со своей стороны, попросил бы, отправить на вашу эскадру представителя от нашей партии. В качестве такового я хочу предложить товарища Дзержинского, Феликса Эдмундовича. Он недавно приехал из Москвы для участия во Всероссийском Демократическом совещании, которое закончилось неделю назад. — неожиданно Сталин хитро прищурился, — Скажите, а у вас, в будущем, помнят товарища Дзержинского?

Я только молча развел руками в ответ на этот вопрос Сталина. Фотографии «Железного Феликса» до сих пор украшают кабинеты высокопоставленных чинов ФСБ. Поговаривают что оно есть и в кабинете САМОГО...,

— Товарищ Сталин, — сказал я, — мы прекрасно помним всех вас. Только многих наши современники знают лишь по фамилиям. К сожалению, как сказал классик: «Мы ленивы и нелюбопытны...». Но, в данном случае вы угадали, товарищ Дзержинский — воистину великий человек.

Сталин устало потянулся, и, извинившись, вышел из закутка. Через несколько минут он вернулся, гордо демонстрируя свежий оттиск первой полосы газеты «Рабочий путь». Больше половины ее занимало экстренное сообщение о разгроме германской эскадры у берегов архипелага Моонзунд. На самом видном месте огромным кеглем — почти санспарелью, был набран заголовок: «Историческая победа Революционного Красного Балтийского флота! Вражеское нашествие на Петроград с целью удушения революции, завершилось полным разгромом неприятеля!».

Я прикинул, как этот выкрик будет звучать в устах мальчишек, распространяющих большевистскую газету. А если к делу добавить еще и баннеры. Впечатлило даже меня...

В конце сообщения жирным шрифтом было набрано: «Подробности этой великой битвы на Балтике читайте в вечернем выпуске нашей газеты! Корреспонденты газеты „Рабочий путь“ пишут с места событий»

Сталин был горд, как именинник, и заслужено, — Да, Иосиф Виссарионович, — в тему пошутил я, — вас можно номинировать на Пулитцеровскую премию в категории «За выдающуюся подачу сенсационного материала». Вы имеете вполне реальный шанс стать лауреатом. Только вот в этом году премия сия уже вручена. Да и вряд ли американские империалисты вручат ее редактору-большевику.

Сталин довольно усмехнулся, — Товарищ Тамбовцев, мы, знаете ли, тут не за доллары работаем. А вот взрывной силы у этой газеты хватит, чтобы взбудоражить сначала весь Петроград и а потом и всю Россию. Я надеюсь, что многие, кто распинается про то, что «большевики развалили армию и флот», после этого приумолкнут.

Однако, товарищи, прошу меня извинить — мне надо созвониться с распространителями, и сообщить, что сегодня «Рабочий путь» выйдет увеличенным тиражом (и с возможной допечаткой), и будет еще вечерний спецвыпуск. Да и товарища Дзержинского надо предупредить о предстоящем «специальном задании партии»...

Иосиф Виссарионович отправился решать все свои партийные дела, ну а мы с генералом Потаповым стали беседовать на наши, чисто житейские темы.

— Николай Михайлович, — сказал я, — пока идет предварительная подготовка к окончательному решению вопроса о власти, нам с товарищами необходимо место, где мы бы могли развернуть свою штаб-квартиру. Один-два, максимум три дня, и все будет закончено. Но на эти дни, нам нужно будет место, где бы мы могли развернуть свою радиостанцию. Там так же необходим телефон, ибо возможно до вас, или товарища Сталина потребуется

довести срочную информацию...

Генерал начал опять усиленно протирать свое пенсне, — Я подумаю, Александр Васильевич, — задумчиво проговорил он, — Ведь вам надо помещение где-нибудь в центре, поблизости и от Генштаба и от Смольного. Кажется, у нас есть одна такая пустующая квартира. Мы ее время от времени используем, как явочную. Кстати, а как насчет охраны?

— Охрана у нас, Николай Михайлович, лучше не бывает, — я кивнул в сторону нашего радиста, вы думаете сержант Свиридов обычный «телеграфист Ять»? Глубоко ошибаетесь. Вадим — боец специального воинского формирования, в наше время подчиненного вашему коллеге, начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба. Вадим прошел полный курс диверсионной и контртеррористической подготовки, участвовал в боевых действиях. В нынешних условиях он стоит, как минимум, десяти фронтовиков или полусотни новобранцев. Вон, старший лейтенант Бесоев, тот служит все в том спецформировании, да еще и в офицерской группе особого назначения. В бою стоит двоих-троих сержантов Свиридовых. Внешний периметр издательства сейчас прикрывают еще трое бойцов того же отряда... — тут я остановился, вспомнив, что за всеми этими разговорами о спасении России, я забыл про мерзнущую на улице Ирочку.

— Скажите, — в ответ на мои словасо скепсисом в голосе произнес генерал Потапов, — а ваших «великих и ужасных» бойцов можно как-нибудь увидеть в деле? А то знаете ли рассказы — это одно...

— Одну минутку, — сказал я генералу, и повернулся к старшему лейтенанту Бесоеву, — Николай Арсентьевич, приведите сюда нашу Ирочку, а то мы совсем о ней забыли, — игнорируя недоуменный взгляд генерала, я снова продолжил, — Николай Михайлович, там где им приходится действовать, посторонним желательно не присутствовать. Там, где они выживут и победят, другие не продержатся и пяти минут. А насчет дела... Вам не надо командующий 8-й германской армией генерала Гутье? Можно доставить его живьем, для душевной беседы на Дворцовой...

Какое-то время генерал молча смотрел на меня, потом сказал, — Ну и шуточки у вас, Александр Васильевич. А кайзера вы случайно выкрасть не сможете?

— Кайзер далеко, — сказал я, — а генерал Гутье здесь, рядом, в Риге. И при некоторой подготовке захватить его в плен и вывезти за линию фронта вполне возможно... Вот только зачем и кому он нужен?

Тут произошло сразу два события. Точнее, даже три — но наступивший рассвет никак от нас не зависел. Во-первых, старший лейтенант Бесоев ввел в типографию немного продрогшую и уставшую Ирочку, а, во-вторых, рация у Вадима высветила сигнал вызова. В принципе, это мог быть только контр-адмирал Ларионов. Этот вызов отвлек наше внимание от Ирочки. Ничего, она свою долю комплиментов получит позже, когда вернется ИВС. И кстати, если сравнить ее с Наденькой Аллилуевой, то еще неизвестно, кто из них красивше.

Сержант Свиридов взял в руку микрофон, — «Гнездо», я «Пегий», прием.

— «Пегий», — отозвалась рация, — я «Гнездо», здесь «Первый», спрашивает «Деда». Прием.

Вадим бросил взгляд в мою сторону, — «Гнездо», даю «Деда». — передав мне микрофон.

— «Гнездо», «Дед» на связи, — сказал я, — Прием.

— «Дед», на связи «Первый», — услышал я голос Виктора Сергеевича, — Мы решили нанести удар по штабу 8-й армии в Риге и по Либаве. Там вроде еще должен оставаться

второй эшелон и тыловые подразделения десантного корпуса. Да и надо показать нашим оппонентам, что и на сухопутье мы кое-что стоим. Прием.

— «Первый», вас понял, — я прокашлялся, — когда вы пришлете нам материалы по операции «Альбион», с обратным рейсом к вам вылетят делегаты связи: генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич от Генштаба, и Феликс Эдмундович Дзержинский от ЦК партии большевиков.

— «Дед», я «Первый», — ответил Ларионов, — вас понял. Прилетят как раз к обеду. Встретим, как полагается. У вас все? Прием.

— «Первый» я «Дед», — ответил я, — у нас все, Прием.

— Тогда конец связи. — отозвалась рация и умолкла. Я задумался, да так, что генерал Потапов с тревогой окликнул меня,

— Александр Васильевич, с вами все в порядке?

— Спасибо, Николай Михайлович, — отозвался я, — извините, задумался... А вот у немцев скоро будут проблемы. — я, вкратце рассказал суть моей беседы с адмиралом Ларионовым.

— Да, если бомбежка будет результативной, то давление на наши войска на Северном фронте уменьшится, — сказал генерал Потапов, — кстати, — он посмотрел на Ирочку, — Александр Васильевич, — вы не представьте меня вашей прелестной спутнице?

— Буду рад, — откликнулся я, — Ирина Владимировна, позвольте вам представить начальника военной разведки русской армии, Генерального штаба генерал-лейтенанта Потапова Николая Михайловича, — генерал лихо щелкнул каблуками и склонил голову.

— А я вам, генерал, я хочу представить Ирину Владимировну Андрееву, военного корреспондента армейского издания «Красная звезда». Ирочка смелая девушка, спортсменка и, наконец, просто красавица.

— Очень приятно, — сказал генерал Потапов и, повернувшись к Ирине, разразился целой серией «гвардейских» комплиментов по поводу свежести и красоты нашей журналистки.

В этот момент в выгородку вернулся товарищ Сталин, и с некоторым удивлением уставился на нашу Ирину, которая опустив глаза, с удовольствием выслушивала генеральские комплименты.

— Это что за прекрасное дитя? — шутливо заявил он, оглаживая усы, — Товарищ Тамбовцев, признайтесь, в будущем наука достигла таких небесных высот, что вы сумели пронести сюда эту прекрасную пэри в своем кармане?

— Нет, товарищ Сталин, — ответил я, — это Ирина Андреева, журналист, литератор и военный корреспондент. В общем, ваш коллега. А еще она предана делу революции, как его понимаем мы с вами. Одним словом не только прекрасная девушка, но и верный боевой товарищ. Просто она ожидала на улице завершения «нулевого цикла» наших с вами переговоров. Ну, а мы, недостойные, немножко увлеклись, и про нее забыли. Надо бы извиниться перед Ириной Владимировной...

— Вай, товарищ Андреева, — воскликнул Сталин, — мапатиэт, ту шейдзлэб, Ирина Владимировна. На языке моей родины это означает — «простите, пожалуйста». Могу ли я познакомиться с образцом вашего творчества? Интересно, как пишут журналисты в XXI веке...

— Конечно можно, — сказала Ирина, доставая из висящего на ремне планшета распечатку черновика своей статьи о подготовке нашей эскадры к отражению немецкого

нападения, и протянула его Сталину, — Только учтите, у нас в ходу новая орфография, предупредила она.

Сталин подошел к тусклой керосиновой лампе, и углубился в чтение. Было видно, что он прочитал статью несколько раз, хмыкая в самых интересных местах. Потом он вернул листок Ирине и заявил, — Хорошо, товарищ Андреева, это пошло бы прямо в наш сегодняшний вечерний номер. Особенно мне понравилось то, как вы пишете о чувствах ваших людей, об их желании защитить свою Родину от германских захватчиков, а революцию — от примазавшихся к ней попутчиков-паразитов. Но, — поднял он вверх палец, — у вас все написано хорошо, но мало. У этой статьи должна быть вторая часть, а именно — о разгроме немецкого флота. А так, — Иосиф Виссарионович, хитро улыбнулся, — я бы с большим удовольствием принял на работу в редакцию нашей газеты такую симпатичную и талантливую сотрудницу.

— Вы обещаете, товарищ Сталин? — Ира лукаво улыбнулась, скидывая с плеч свой спортивный рюкзачок черного цвета, — Я буду иметь в виду ваше предложение...

Из рюкзачка на стол были выложены ноутбук, внешняя батарея и портативный принтер «Epson». Сталин с интересом следил за ее манипуляциями.

Тем временем, генерал Потапов вышел позвонить по телефону, чтобы решить вопрос с конспиративной квартирой, транспортом и генералом Бонч-Бруевичем. Товарищ Сталин уже послал в Смольный за Феликсом Эдмундовичем мальчишку-рассыльного.

— Итак, товарищи, — сказала Ирина, развернув свою технику, — у меня тут есть «болванка» статьи. Александр Васильевич, — обратилась она ко мне, — были ли какие-нибудь изменения в реальной операции по сравнению с планом?

Я встал у Ирины за спиной, и начал пересказывать ей то, что нам передали с «Кузнецова». Вадим из своего угла тоже время от времени вставлял свои пять копеек, пересказывая то, о чем разговаривал с радистами «Кузнецова» пока сидел в кустах. Минуты через две товарищ Сталин не выдержал, и присоединился к моей позиции за спиной Ирины, наблюдая, как летают над клавиатурой ее тонкие изящные пальцы.

Время от времени в выгородку заглядывали пришедшие на работу сотрудники редакции, но видя, что двое мужчин, один из которых их главред, что-то диктуют девушке, которая быстро-быстро печатает на чем-то вроде пишущей машинке, исчезали. Они понимали, что люди работают над экстренным выпуском, и мешать им не следует.

Подобная идиллия продолжалась минут сорок. Успел вернуть и тихонько присесть в уголке генерал Потапов, а мы все азартно наблюдали за рождением «нетленки». Наконец, творческий процесс был закончен. Прожужжав, принтер выбросил несколько листов бумаги А4 с готовым текстом. Эта большая статья должна было стать «гвоздем» вечернего спецномера. Прочие материалы должны были подвести с эскадры — этим вопросом занимался мой ученик и коллега подполковник Ильин. Он, в отличие от меня, закончил журфак. Так что дело он свое знал. Коля подготовил ряд интервью с офицерами и рядовыми моряками эскадры, протоколы допроса пленных, которые наши Ка-27ПС выловили из воды. Высадившийся на мостик полузатонувшего «Молтке» отряд «мышек» повязал уцелевших чинов штаба во главе с адмиралом Шмидтом, и командиром 23-горезервного корпуса генералом от инфантерии фон Катеном. Был среди пленных и небезызвестный оберст фон Чишвиц, начальник штаба десантного корпуса. Товарищи офицеры уже отделили его от прочих немцев и, ничего не объясняя, приступили к спаиванию. Все это, присланное Ильиным, должно потянуть даже не на газету-«толстушку», а на документальный роман,

«Как мы угробили „Альбион“»

Перечитав готовый текст, Сталин понес его к редакторам. Вообще, все поступающие от нас письменные материалы, пока нуждались в переводе с русского на русский. Стилистика и орфография начала века ХХІ сильно отличалась от стилистики и орфографии начала ХХ века.

Пока он ходил, генерал Потапов рассказал нам, что ему удалось уладить наши бытовые проблемы. Явочная квартира находилась в доходном доме на углу Кавалергардской улицы и Суворовского проспекта, дворник — свой человек. В квартире есть электричество, холодная вода, канализация и телефон. Номера, по которым мы сможем найти генерала Потапова или товарища Сталина нам скажут. Для обеспечения наших потребностей в транспорте из гаража Академии Генерального штаба — это в трех сотнях метров от нашего дома, за нами зарезервирован грузовик, который будет в нашем распоряжении до самого вечера. В первую очередь он должен будет доставить сюда генерала Бонч-Бруевича, а потом мы, все вместе, включая и товарища Сталина, отправимся на встречу с вертолетом к тому месту на Таврическую улицу, где мы приземлились сегодня ночью. Там мы примем ценный груз, который торжественно вручим товарищу Сталину, и отправим делегатов — посланцев в будущее. А уже затем мы все, с закрепленным за нами офицером связи, направимся на конспиративную квартиру. Насчет нашей безопасности у меня голова не болела — огневой мощи наших «мышек» хватило бы вполне на отражение нападения, как минимум, роты нынешних пехотинцев. Но мы надеялись, что до этого дело не дойдет.

Тем временем из недр типографии вернулся донельзя довольный товарищ Сталин, — Успех, товарищи, — сказал он, — можно сказать даже — триумф! Ирина Владимировна, все редактора и наборщики захлеб читают ваш материал. Сбежалась чуть ли не половина издательства. Мне пришлось даже употребить власть, чтобы вернуть людей к работе. Такое здесь у нас происходит впервые.

— Товарищ Сталин, — Ирочка скромно опустила долу свои прекрасные глазки — ну, прямо пай-девочка, — это не только мой материал. Это труд нашего коллективного творчества. Ведь мне помогали вы, Александр Васильевич, и вот даже товарищи старший лейтенант и сержант, которые щедро поделились своим личным опытом.

— Хорошо, товарищ Андреева, пусть это будет ваша общая статья, — Сталин огладил усы,

— а вот вас с этой минуты я считаю внештатным корреспондентом газеты «Рабочий путь». Мне нравится ваш стиль. Скажите, товарищ Андреева, а как вас называют друзья?

— Друзья, вообще-то, называют меня Ирочкой, — строго сказала наша красавица, — но с вами, Иосиф Виссарионович, я еще недостаточно хорошо знакома.

— Ирочка, — галантно сказал Сталин, — я постараюсь сделать все, чтобы оказаться в числе ваших друзей!

Ирина покраснела, а я подумал, — Оба на! Такого эффекта мы и не предвидели. Если Ирочка поднажмет еще немного, то юная Наденька Аллилуева пролетит над Парижем волшебной птицей Обломинго. Правда, зная из мемуаров о ее порывистом и непредсказуемом характере, надо присматривать за тем, чтобы барышни zenки друг другу не повыщарапали из-за перспективного жениха кавказской национальности...

А Сталин тем временем присел на краешек стола, и уже серьезным, немного усталым голосом заговорил о совершенно другом, о главном.

— Мы, вообще-то планировали взять власть немного позднее, в день открытия 2-го

Съезда Советов, — задумчиво сказал он. — Тем самым процесс передачи власти нам, большевикам, выглядел бы вполне законным. Но с учетом появления вас, как некоей «третьей силы», все придется переигрывать. Не знаю, лучше это будет, или хуже?

— Фактор силы, как способа взятия власти — это основное в политике, — ответил я, — Как говорил один коммунист в далеком Китае — пока еще никому не известный: «Винтовка рождает власть!». А этих винтовок сейчас на руках огромное количество.

Только нужно будет сделать все, чтобы эти винтовки были направлены в нужную сторону. И не считайте нас третьей силой. Мы целиком на вашей стороне и, грубо говоря, являемся той гирей на весах истории, которая поможет вам совершить революции быстро и относительно бескровно. Только нам, в отличие от вас, известно то, что делать нужно, а что — нет...

— Поясните, пожалуйста, товарищ Тамбовцев? — тихо сказал Сталин. — что именно вы бы посоветовали сделать в первую очередь?

Я кивнул, — Например, нам известно, что сейчас в Быховской тюрьме за участие в мятеже находятся под стражей генералы Корнилов, Деникин, Алексеев. В нашей истории сразу же после октябрьских событий главковерх генерал Духонин своим приказом освободил их из тюрьмы, после чего генералы бежали на Дон, где и стали лидерами Белого движения. Позднее солдаты линчевали генерала Духонина. Потом даже такое циничное выражение появилось — «отправить в штаб Духонина», что означало — расстрелять.

— Николай Михайлович, — Сталин внимательно меня слушавший, посмотрел на генерала Потапова, — вы не могли бы распорядиться, чтобы указанных генералов срочно этапировали в Петроград. Самосудов в любом виде мы не можем допускать.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — с генералом Деникиным мне очень хотелось бы поговорить по душам. Неоднозначный человек. А с Корниловым неплохо было бы побеседовать коллегам Николая Михайловича. Уж очень из его дел торчат британские уши. Да и Духонина бы неплохо заранее заменить кем-нибудь, кому можно было бы доверять. Например, Генерального штаба генерал-майором Новицким Федором Федоровичем, командующим 82-й пехотной дивизии. А Духонин — хороший штабник, я думаю, что в Петрограде для него найдется работа.

— Хорошо, товарищ Тамбовцев, — сказал Сталин, — у вас есть еще что-нибудь?

Немного подумав, я сказал, — Сейчас, товарищ Сталин, надо срочно вызвать из Шуи в Петроград товарища Фрунзе. Поверьте мне, этот человек — настоящий полководец-самородок. После того, как большевики возьмут власть, главковерхом должен стать не генерал, а человек из народа, большевик. Фрунзе с этой ролью наверняка справится. А генерал Новицкий поможет товарищу Фрунзе побыстрее войти в курс дела. Я думаю, что они сработаются. Во всяком случае, в нашей истории они прекрасно ладили, и довольно успешно руководили боевыми действиями на Восточном и Туркестанском фронтах.

А вам, товарищ Сталин, желательно кроме премьерских обязанностей, принять на себя и обязанности военного министра. Или, лучше, комиссара. Мы знаем, вы справитесь.

— Сталин в ответ только крикнул, а я продолжил, — В день «Д» из сотысячного гарнизона Петрограда за Керенского вступятся лишь считанные единицы. По нашим данным, в той истории за неделю до начала вооруженного восстания в поддержку большевиков выступили Егерский, Гренадерский, Московский, Волынский, Павловский, Кексгольмский, Семеновский, Финляндский, Измайловский, Преображенский полки.

К тому же, насколько я помню, из Кронштадта и Гельсингфорса прибудет большой

отряд моряков, которых, как огня бояться тыловые крысы из запасных полков. Сюда же плюсуем Красную гвардию. Противостоят же большевикам лишь юнкерские училища, да, и то не все.

Проблем с нехваткой сил у большевиков нет, не было и не будет. Нашим людям в Петрограде останется быть лишь статистами, и наблюдать со стороны за свержением власти Керенского. А вот как пройдет передача власти по всей России?

Вы знаете, что по всей Руси великой уже расплодилось невероятное количество сепаратистов, которые, пользуясь тем, что «Главноуговаривающий» Керенский, как правитель, абсолютно импотентен, поспешили провозгласить на местах свои «республики», «княжества» и «ханства». Придется им прочищать мозги. И порой, весьма болезненным способом.

— Да, товарищ Тамбовацев, — сказал Сталин, — задача перед нашей партией стоит весьма сложная. Тем более что, для вас — это не секрет, — сама партия — довольно рыхлый конгломерат революционеров самых разных взглядов и течений. Пока единства мы добивались тем, что против нас был общий враг. А что произойдет, если он исчезнет?

— Иосиф Виссарионович, — сказал я, — в условиях революции и формирования новых органов власти партия на первых порах станет чем-то вроде самостоятельного органа власти. Зачастую многие вопросы будет куда проще решить внутри партийной организации. Как у нас говорили: партия стала «Коллективным руководителем». Естественно, к ней примажутся не только те, кто имеет свои взгляды на строительство социализма в России, но и откровенные карьеристы и рвачи. Вот они-то и являются самой большой опасностью для правящей партии...

В этот момент Вадим, сидевший на приеме в наушниках, поднял голову, — Сообщение «Деду» от «Третьего». «Птица» вылетела, груз с ней.

— Так, — сказал я, посмотрев на часы, — Без пятнадцати двенадцать. Товарищи, давайте пока закончим этот разговор. Вертолет уже в пути, так что Николай Михайлович, мы ждем грузовичок, потому что скоро нам надо отправляться на встречу «посылки» от адмирала Ларионова. А ведь перед этим нужно еще заехать за генералом Бонч-Бруевичем.

— Кстати, товарищ Сталин, — спросил я, — Дзержинский уже вышел из Смольного?

— Да, товарищ Тамбовцев, — ответил Сталин, — по телефону мне сообщили, что он вышел минут десять назад, так что он должен быть уже на подходе.

Генерал Потапов вышел к телефону и, вернувшись через несколько минут, сообщил, что минут через десять грузовик выедет из гаража. Время, что называется, пошло.

12.10. (29.09.) 1917 года. 07:55 Балтика. Северо-восточный берег острова Эзель. Борт русского гидросамолета М-15

Летчик 2-го авиаотряда Балтийского флота подпоручик Телепнев.

Доживу до ста лет, но никогда не забуду этот день. Хотя начинался он вроде бы как обычно. С утра, эти черти полосатые, наши командиры, опять не дали мне поспать! Прибежал дневальный, растолкал, сказав, что меня срочно требует к себе командир авиаотряда, штабс-капитан Вавилов.

А все это из-за того, что наша станция гидросамолетов на Кильконде находится на самом опасном направлении, и случись германский десант — авиаотряд со всей нашей дюжиной аппаратов окажется на пути их главных сил.

Мы все это прекрасно понимаем, и на судьбу не сетуем, да и от противника не прячемся. Летчики у нас еще те. Ведь не секрет, что когда закончились добровольцы, желавшие стать авиаторами, в летные части Российской армии и флота стали отправлять самых отчаянных офицеров, у кого были серьезные проблемы с начальством.

В общем, я быстро оделся, разбудил своего летнаба, прапорщика Сергеева, и мы быстро пошли к своему аппарату. Наша летающая лодка М-15, с надписью «Глагол» на борту, была уже спущена на воду. Механик доложил, что аппарат заправлен горючим, а диски к пулемету «Льюис» набиты патронами. Мы с летнабом заняли свои места, прижавшись друг к другу плечами, словно молодожены на свадьбе. Механик раскрутил винт, я включил зажигание, мотор «Испано-Сюиза» сначала чихнул, потом взревел, выплевывая дым из патрубков, и мы, рассекая свинцовые воды Балтики, пошли на взлет.

Лететь пришлось в низкой дымке, прямо над самой водой. Еще на подходе к бухте Тагалахт, потянуло гарью. В самом горле залива мы увидели жуткое зрелище. Весь залив был забит обломками, полузатопленными транспортами. Кое-где из воды торчали мачты, а кое-где, наоборот, ржавые днища перевернутых судов. Несколько кораблей, в том числе и один крейсер горели, выбрасывая в воздух черные клубы дыма. Особо впечатлял накренившийся и наполовину притопленный корпус дредноута, выбросившегося на мель недалеко от берега. Стволы огромных орудий уткнулись в воду.

И самое главное, трупы, трупы, трупы, они покрывали поверхность воды, словно стайка мальков салаки, всплывших после разрыва в воде бомбы. На берегу мы увидели пленных германцев, стоявших под охраной наших матросов и солдат.

Выжившие немцы на немногих уцелевших баржах и баркасах, увидев у себя над головой самолет с эмблемами русской военной авиации, в ужасе начинали метаться по палубам, потом падали ничком, закрывая голову руками. Никто и не думал о том, чтобы открыть огонь по нашему самолету, летящему на небольшой высоте. Не спеша мы сделали круг над бухтой Тагалахт, и, покачав крыльями над батареей на мысе Хунденсорт, повернули вдоль берега в сторону острова Даго. Надо было проверить береговую линию вплоть до пролива Солоозунд.

На полпути к селению Паммерорт мы увидели выбросившийся на берег германский крейсер. В его борту зияла огромная дыра. А недалеко от него из воды, словно погребальные кресты, торчали мачты нескольких затонувших германских судов. И снова обломки, и снова

трупы. И жирные радужные пятна на воде — похоже, что тут разлился бензин или мазут.

Похоже, что сегодня ночью или ранним утром здесь произошло сражение, по масштабам, пожалуй, ненамного уступающее тому, что произошло в прошлом году у побережья Ютландии. А странно то, что в наличие только побежденные, но не видно победителей. Вряд ли наши линкоры могли выйти из Гельсингфорса, и устроить германцам такой погром. Хотя бы, потому, что с самого начала войны командование флотом тряслось над ними как нищий над найденным в грязи червонцем. Ну, а прорыв британского флота в Балтику — это сказка для детишек. Во-первых, вряд ли англичане смогли бы пройти заминированные Датские проливы. Вон, взять, к примеру, их подводные лодки, которые базируются и нас в Гангэ. Так они прорывались через Зунд с большим трудом, рискуя подорваться на минах, выставленных там всеми, кому не лень. А тут эскадра дредноутов! Во-вторых, это означало бы, что Британское адмиралтейство разделило силы, и дало германскому командованию шанс уничтожить свои линкоры по частям. Нет, англичане, скорее всего, тут совсем не причем. Мне было непонятно, откуда еще в Балтике могли взяться другие линейные силы, не наши и не английские. А другие типы кораблей вряд ли могли бы устроить такой погром, и нанести германцам такие страшные потери.

Прошло уже почти два часа полета. От Солоэзунда мы развернулись, и через остров Эзель напрямую полетели к полуострову Сворбе. Это было довольно рискованно, поскольку в случае отказа мотора, было бы почти невозможно благополучно посадить аппарат. Но Господь миловал, обошлось.

Долетев почти до Ирбен, нам так и не удалось обнаружить больше никаких следов противника. Горючего в баках оставалось ровно столько, сколько хватило бы нам для возвращения на свою авиастанцию. Я уже начал разворачивать свой аппарат, чтобы лечь на нужный нам курс, когда мой напарник толкнул меня локтем в бок. Он указал рукой куда-то на зюйд. Со стороны захваченной германцами Курляндии к нам приближались четыре поплавковых биплана. По характерному хвостовому оперению и черным тевтонским крестам на крыльях, я определил, что это были двухместные германские морские разведчики «Фридрихсхафен» FF 33. Скорости у них была ненамного больше нашей, но вот вооружение...

На каждом «Фридрихсхафене» стояло по два пулемета. Один, неподвижный, стрелял вперед, а второй был установлен на вращающейся платформе в задней кабине стрелка. Получалась невеселая арифметика — восемь германских пулеметов, против одного нашего. Огромный перевес. К тому же германские самолеты были более маневренными, чем моя летающая лодка.

Я развернул свой аппарат, и на полном газу стал уходить со снижением в сторону Эзеля. Сидящий рядом со мной прапорщик крикнул мне на ухо, что он будет сражаться до последнего, и рассчитывает прихватить с собой на тот свет парочку-другую немцев. Но вот только получится ли у него это? Догнав нас, — а по моим прикидкам получалось, что это произойдет минут через двадцать, — «Фридрихсхафены» за пару заходов изрешетят нашу фанерную летающую лодку, превратив ее, а заодно и нас, в дуршлаг для откидывания макарон. И единственный пулемет прапорщика тут вряд ли чем поможет. Я прикинул, что неплохо было бы опуститься пониже, почти к самой воде, чтобы при вынужденной посадке можно было бы успеть покинуть тонущий аппарат, и суметь доплыть до берега.

И тут произошло чудо — иначе мне трудно назвать то, что случилось. Господь послал нам на выручку ангела в сияющих доспехах. Нет, про ангела, это я выразился немного

образно, а вот то, что нам помог Господь — это совершенно очевидно. Уже на подходе к берегу, на встречном курсе, мы увидели прямо перед собой странную летающую машину, похожую на геликоптер Поля Корню. Два полупрозрачных диска удерживали аппарат в воздухе. Серая, с какими-то странными разводами, машина напомнила мне рисунок доисторического хищного ящера.

— Все, мы теперь точно попались — подумал я. Но чудовищная летающая каракатица, не обратила на наш гидроплан никакого внимания. Она шла навстречу германским аэропланам. Когда геликоптер пролетел мимо нас, мы, с прапорщиком Сергеевым смогли разглядеть ее во всех деталях. Во-первых, этот аппарат был больше нас раза в два, а тяжелее, наверное, раз в десять. Под короткими крыльями было подвешено вооружение. Мы не смогли разобрать какое, но создавалось впечатление, что он вооружен до зубов. Корпус был покрыт серыми разводами. На хвосте аппарата была нарисована красная звезда, а на борту в задней части корпуса — андреевский флаг. Красная звезда — это наверное, эмблема эскадрильи. У нас тоже любят рисовать разные картинки на самолетах — бубновые тузы, чертей на помеле, и прочую ерунду. Может, в сочетании с андреевским флагом эта машина имеет какое-то отношение к большевикам и Центробалту?

Пока же геликоптер с неожиданно большой для такой машины скоростью, летел навстречу германским «Фридрихсхафенам» и, похоже, собирался вступить с ними бой, и тем самым, спасти наши жизни. Ничего не понимаю. Это явно похоже на самоубийство — ведь вражеские самолеты своими восемью пулеметами быстро превратят его в решето.

Разворачиваю свою летающую лодку навстречу германцам, никогда еще подпоручик Телепнев не прятался ни за чьими спинами! Прапорщик хлопает меня по плечу — значит, одобряет мой поступок. Но, как оказалось, наш новый таинственный союзник был вооружен во много раз лучше, чем германцы.

Под брюхом винтокрылого аппарата полыхнуло пламя выстрелов. Головной «Фридрихсхафен» вдруг вспух огненным шаром. Во все стороны полетели обломки германского аппарата. Остальные прыснули во все стороны, словно стая испуганных ворон. Но возникшая из серых балтийских туч Немезида и не думала успокаиваться. Еще одна очередь, и очередной германский аэроплан перевернулся на спину и, дымя мотором, плюхнулся в воду. Два уцелевших «Фридрихсхафена» круто развернулись, и бросились наутек.

Но геликоптер не оставил им никаких шансов на спасение. Опять сбоку у него появилось несколько вспышек, и очередной германский аппарат рассыпался, словно карточный домик. Обломки его еще кружились в воздухе, когда последний из оставшихся вражеских аэропланов резко снизился и, поднимая буруны своими поплавками, попытался, словно катер, уйти от погони.

Но геликоптер явно решил не щадить германцев. На пологом снижении он догнал «Фридрихсхафен», и хладнокровно расстрелял его, словно мишень. Немецкий биплан вспыхнул как факел. Летчик, — наблюдатель был, по всей видимости, убит, — выскочил из кабины, и теперь плавал в воде, судорожно вцепившись в кусок крыла с тевтонским крестом.

Победитель же в этом удивительном воздушном бою подлетел к нам так близко, что мой самолет затрясло от потока воздуха, исходящего от его винта. Я с удивлением разглядывал этот странный аппарат. Верхняя передняя его часть была остеклена, и в ней можно было разглядеть головы пилотов в странных белых шлемах. Теперь мы в деталях смогли разглядеть вооружение, повешенное под крылышками аппарата. Но все равно ничего

не поняли. Какие-то заостренные бочонки, с множеством круглых дырок. И странная длинная труба, похожая на сигару. Интересно, что это?

Про вертолеты Поля Корню я когда-то, еще до войны, читал в журнале «Воздухоплаватель». Но тот вертолет был просто большой игрушкой, а этот... Это было настоящее чудовище. Я уже начал догадываться, кто мог устроить немцам бойню в заливе Тагалахт. Только вот одного такого аппарата было маловато. Где-то еще должно быть множество таких же вертолетов. И, возможно, их корабль-матка. Вроде нашего гидроавиакрейсера «Орлица» на Балтике. По тому, как эта машина в бою летала вперед назад и боком, а потом буквально зависла над подбитым германским гидропланом, говорило о том, что садиться и взлетать он может вертикально.

Мы, вместе с летнабом, решили поприветствовать наших спасителей. Я покачал крыльями, а прапорщик Сергеев снял шлем и помахал им, благодаря летчиков этого винтокрыла за помощь. В ответ пилот винтокрыла совершенно отчетливо показал нам поднятый вверх большой палец, а потом отдал честь. Мы ответили ему тем же.

Аппарат взял курс на восток, а мы с прапорщиком Сергеевым полетели в сторону Кильконда, чтобы сообщить всем о том, что нам довелось увидеть. Только мы не были уверены, что наш рассказ воспримут с доверием. Особенно, тогда, когда мы будем рассказывать о неизвестном боевом аппарате, похожем на вертолет, и о том, как он легко, играючи, расправился с четырьмя германскими самолетами. Так, господа, и я бы не поверил в подобное, если бы не видел все своими глазами!

Часть 2. Накануне!

12 октября (29 сентября) 1 917 года, 08:35

Петроград. Смольный

Феликс Эдмундович Дзержинский.

Пся крив, когда же мне удастся поспать хотя бы четыре часа подряд! Вот и сегодня, после того, как почти всю ночь в Смольном шло совещание «военки», где мы с Подвойским встречались в представителями солдатских комитетов Петроградского гарнизона. Все они единодушно обещали свою поддержку в случае вооруженного свержения правительства Керенского. Этот лайдак уже всем настолько осточертел, что, ни один нормальный человек не заступится за него.

Уже под утро, распрощавшись с солдатами, и с Подвойским, я решил хоть немного поспать на топчане в комнатухе под лестницей. Так вот, холера ясна, и там меня нашли! Прибежал какой-то мальчишка с запиской от Сталина, в которой он просил, нет, скорее, требовал, чтобы я срочно пришел в редакцию нашей газеты на Кавалергардскую. Причин такой срочности Коба не указал, написал лишь, что это «архиважно» и «архисрочно». Помня, что на языке Ленина, который сейчас находится в Выборге, это означает что нужно отнестись к этому сообщению со всей серьезностью.

Я быстро оделся, наскоро привел себя в порядок, и отправился в редакцию. Свернув со Шпалерной на Кавалергардскую, я заметил в конце улицы у дома в котором находилась наша газета, группу военных. То, что это были военные, я понял сразу. Форма, правда, незнакомая, выправка, оружие. Кроме Сталина среди этих людей я заметил генерала Потапова. Я знал, что Николай Михайлович с июля этого года активно помогает нашей «военке», активно снабжая ее важнейшей информацией. Его присутствие здесь стало подтверждением того, что произошло что-то, действительно, весьма важное.

Я поздоровался со Сталиным, генералом Потаповым, и поприветствовал остальных, доселе незнакомых мне людей. Потом Коба взял меня за рукав и отвел в сторону.

— Феликс, то, что я тебе сейчас скажу, является самой большой тайной, которую тебе придется узнать, и потом хранить, как зеницу ока, — сказал мне Сталин. — Видишь людей, стоящих рядом с генералом Потаповым?

Я кивнул головой. Сталин пристально посмотрел мне в глаза, после чего, почти шепотом продолжил, — Так вот, Феликс, это люди ИЗ БУДУЩЕГО?

— Иезус Мария! — воскликнул я, — Коба, ты ведь позвал меня не для того, чтобы в такое время в таком месте шутки шутить?

— Феликс, я еще раз тебе говорю серьезно, как может сказать старый большевик старому большевику, — эти люди попали к нам в год 1917 из 2012 года. И не одни они, а целая эскадра военных кораблей, которая сегодня утром разнесла в пух и прах германский флот, попытавшийся высадить десант на Эзеле и прорваться в Рижский залив.

— Матка боска Ченстоховска! — опять я воскликнул я, — Коба, это правда?!

— Правда, Феликс, истинная правда, — сказал Сталин, — я имел возможность в этом убедиться. Они сумели доказать, что пришли из будущего не только мне, но и генералу

Потапову. А ты прекрасно знаешь, кто этот человек, и как мало он верит в разную чепуху. Так вот, Феликс, мы решили послать тебя к их командованию в качестве полномочного посла от РСДРП(б). Ты полетишь на их летательном аппарате, который они называют «вертолетом». Он прилетит сюда из Рижского залива и приземлится в Таврическом саду. Это совсем рядом, ты знаешь...

Я кивнул головой. В этом саду я пору раз гулял, когда выпадал свободный час-полтора. Он был очень живописный, и находился всего в десяти-пятнадцати минутах от Смольного.

Значит, мне поручено лететь к нашим потомкам. Что ж, поручение партии надо выполнять. Полетим на вертолете, хоть на ковре-самолете.

Мы подошли со Сталиным к удивленно взирающим на нас пришельцам из будущего.

**12 октября (29 сентября) 1917 года, 09:00 Петроград.
Кавалергардская улица дом 40, типография газеты «Рабочий
путь»**

Александр Васильевич Тамбовцев.

Когда мы вышли из типографии на улицу, было уже совсем светло. С серого питерского неба моросило что-то похожее на водяную пыль. «Как через комариный член льет», — говаривал в таких случаях один мой знакомый старшина. Товарищ Сталин, генерал Потапов, сержант Свиридов со своей рацией и Ирочка, поеживаясь стояли у дома. Старший лейтенант Бесоев пошел снимать с постов своих головорезов, которые бдительно охраняли все подходы к типографии.

Генерал Потапов с интересом разглядывал вооружение и снаряжение наших «мышек». Он, видимо, очень хотел расспросить меня о набитых всякой всячиной жилетах и о карабинах необычного вида, с кривыми магазинами и насадками на конце ствола. Но улица осеннего революционного города — не самое лучшее место для изучения вооружения начала ХХI века. Потому-то Николай Михайлович и отложил до поры до времени все свои расспросы.

Вскоре, со стороны Шпалерной я заметил приближающуюся высокую худую фигуру в поношенном пальто и мятой шляпе. Высокий лоб, бородка клинышком. Я узнал Дзержинского. В то время он еще не носил свою знаменитую солдатскую шинель, гимнастерку и фуражку, и в таком прикиде был слегка похож на поменявшего свой имидж Боярского.

Заметив нас, он подошел поближе, и сначала поздоровался со Сталиным, потом, к моему удивлению, дружески пожал руку генералу Потапову, после чего с любопытством стал разглядывать нас. Ирина, старший лейтенант Бесоев и подчиненные ему «мышки», в свою очередь, с таким же любопытством разглядывали легендарного «Железного Феликса».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Известие о нашем прибытии из будущего, по всей видимости, весьма удивило будущего председателя ВЧК. Я услышал восклицания: «Матка Боска!», «Иезус Мария!», «Не можь быц!», — словом, выражения, которые не раз слышал от своей покойной бабки-полячки, когда она чему-то очень удивлялась.

Я неожиданно засмеялся. Генерал Потапов посмотрел на меня с удивлением.

— Знаете, Николай Михайлович, — сказал я, — тот район Питера, в котором мы сейчас находимся, там, будущем, более пятидесяти лет носил название «Дзержинского района». Парадокс — не правда ли?

Потапов заулыбался, оценив мою шутку. — А Сталинский район у вас был? — спросил он, рассчитывая на положительный ответ.

— Нет, такого района в Питере не было, — ответил я уже серьезно, — но был город Сталинград, нынешний Царицын, на улицах которого, и в прилегающих к нему степях во время Великой Отечественной войны произошло одно из величайших в мире сражений, прославившее нашу страну на весь мир. Брусиловский прорыв, рядом с этим сражением, покажется вам Царскосельскими маневрами. Недаром один гениальный чилийский поэт

назвал Сталинград «Орденом мужества на груди Земли».

Потапов вопросительно посмотрел на меня, — Александр Васильевич, вы найдете время, чтобы рассказать мне о той войне? Профессиональное любопытство, знаете ли. Кстати, когда и с кем мы воевали?

— Я обязательно все вам расскажу, Николай Михайлович, — сказал я, — Я отлично понимаю, что вам, как военному человеку, очень хочется узнать о величайшей войне в мировой истории. А продолжалась она, — я понизил голос, — под руководством товарища Сталина ровно 1418 дней — с июня 1941 года по май 1945 года. И воевали мы с немцами, но на самом деле, как и в ту Отечественную войну 1812 года, фактически со всей Европой... А потом, покончив с Германией и подняв на руинах рейхстага свой флаг, развернулись на 180 градусов и за два месяца одним ударом нокаутировали японцев, рассчитавшись за позор Цусимы и руины Порт-Артура. Впрочем, Николай Михайлович, я смотрю, товарищ Сталин закончил свою беседу с Феликсом Эдмундовичем.

Действительно, невозмутимый со смеющимися глазами Сталин и взъерошенный, изумленный донельзя Дзержинский, подошли к нам.

— День добрый, Александр Васильевич, — с легким польским акцентом поприветствовал меня Дзержинский.

— Дзень добжий, Феликс Эдмундович, — ответил я.

— Пан поляк? — с любопытством поинтересовался Дзержинский.

— И да и нет, товарищ Дзержинский, — усмехнувшись, ответил я, — поскольку моя бабушка была полячкой, то можете считать меня поляком ровно на одну четверть. Именно, она, Царствие ей Небесное, в детстве научила меня немного говорить по-польски. А вообще-то я русский.

— Если вы из будущего, — поправил меня Дзержинский, — то бабушка ваша сейчас должна находиться в добром здравии и весьма молодых годах...

В ответ я только кивнул, признавая его правоту. Моей бабушке сейчас было всего одиннадцать лет. А «Железный Феликс», похоже, уже что называется «включился» и теперь воспринимал все происходящее, как реальность данную ему в ощущениях.

Тем временем со Шпалерной на Кавалергардскую свернул легковой автомобиль неизвестной мне марки. Выглядел он до предела карикатурно — огромные фары, спицованные колеса, кожаный верх кузова. Наши «мышки» насторожились, и взяли оружие наизготовку.

— Все в порядке, товарищи, — успокоил их генерал Потапов, — это мой авто. Я посылаю его за генералом Бонч-Бруевичем. А вот и обещанный мне грузовик!

Вслед за легковой машиной на Кавалергардскую свернул небольшой грузовичок, с кузовом, закрытым брезентовым тентом, размером, приблизительно, с полторку ГАЗ-АА. По полукруглому переду капота я узнал машину фирмы «Рено».

Из легковой машины вышел среднего роста плотный генерал в пенсне и с лихо закрученными усами. Это был генерал-майор Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, еще один кандидат на знакомство с потомками. Но этот раз уже генерал Потапов отошел в сторону с генералом Бонч-Бруевичем, а мы терпеливо стали ждать исхода их переговоров.

Но недаром выпускников Российской Академии Генерального штаба учились излагать свои мысли емко и кратко. Не прошло и пяти минут, как оба генерала подошли к нам, и поздоровались со всеми присутствующими.

Взаимное созерцание и обмен любезностями мог бы затянуться еще на долгое время, но

тут неожиданно наш радист, сержант Свиридов, присевший на корточки у рации, и внимательно слушавший эфир, поднял вверх руку, призывая всех присутствующих к тишине.

— Александр Васильевич, — сказал он, — вертушка уже на подходе. Она будет в условленном месте через десять минут. Надо поторопиться.

Мы быстро погрузили в «Рено» свое имущество, загрузились в машины сами, и отправились в Таврический сад, встречать вертолет.

До ворот сада мы добрались без особых приключений. Да и ехать-то было всего каких-то пять минут. По дороге мы остановились на углу Кавалергардской и Суворовского, и высадили троих из пяти наших «мышек» со всем тяжелым грузом, в том числе и рацией. Пусть они обживаются пока в нашем временном штабе. Встретивший их у подъезда дворник — со слов Потапова, свой человек, — проводит их в квартиру.

Ну, а мы успели подъехать к воротам Таврического сада ровно в тот момент, когда со стороны Водопроводной станции в небе появился силуэт вертолета. Заехав на территорию сада, и выйдя из машин, вся наша компания быстрым шагом направилась на пыльный, засыпанный желтой листвой плац. В саду в это время было малоллюдно. Но, на всякий случай двое оставшихся с нами бойцов, и сам старший лейтенант Бесоев, перекрыли три небольших мостика через протоки, отделяющие небольшой островок с нашим импровизированным «аэродромом» от основной территории сада. Нам не хотелось бы, чтобы кто-то посторонний крутился здесь в момент посадки вертолета.

Вот, отбрасывая вниз ревущие потоки ветра, винтокрыл, уже завис над нашими головами, а потом, с ревом и свистом турбин начал снижаться. Сталин, Дзержинский и генералы, шурясь от пыли и держась обеими руками за головные уборы, с изумлением глядели на это чудо техники будущего. Вертолет, поднимая кучи пыли, опилок, песка и опавших листьев, мягко приземлился в самом центре плаца. Вращение винтов замедлилось, но не остановилось.

Мы подошли к вертолету. Дверь в его борту открылась, и на свет божий вылез здоровенный морпех. Увидев меня, он подошел ко мне и, лихо вскинув ладонь к берету, отрапортовал, пригнувшись от ветра и перекрикивая рев турбин,

— Товарищ капитан, сержант контрактной службы Кукушкин, и еще двое бойцов прибыли в ваше ра.... — тут увидел стоящих чуть поодаль Сталина и Дзержинского. Двое малоизвестных генералов не произвели на него особенного впечатления, но вот вожди революции... Эти легендарные личности, которые стояли перед ним, посмеиваясь, и в свою очередь с любопытством разглядывая сержанта. А там и было на что посмотреть, ведь сержант Кукушкин не косил подобно «мышкам» Бесоева под дезертиров, а был экипирован в «полном боевом».

— Тащ капитан, извините, — наконец, сумел произнести он, поворачиваясь в сторону Сталина с Дзержинским, — по уставу старшего по званию начальника приветствуют первым, — он выпрямился и снова приложил ладонь к берету, — Здравия желаю, товарищи Сталин и Дзержинский.

— Здравствуйте, товарищ Кукушкин, — ответил Сталин, подойдя к морпеху, и пожав ему руку, — Мы в ближайшее время собираемся делать Революцию... Согласны ли вы нам помочь?

— Так точно, товарищ Сталин, — четко ответил сержант, — Вы только прикажите, а уж мы сделаем так, что никто не позавидует той бабе Яге, что была против!

Сталин усмехнулся, — У вас, товарищ Кукушкин, очень простой и совершенно

правильный взгляд на жизнь.

Я демонстративно посмотрел на часы и обратился я ко всем присутствующим, — Товарищи, все это замечательно, только надо в пожарном темпе разгрузить вертолет, и отправить его в обратный путь. Время не ждет. Кстати, гляньте, сюда скоро половина района сбежится.

Действительно, из-за ограды Таврического сада на невиданное доселе зрелище с изумлением смотрели десятка полтора прохожих.

После моей реплики все зашевелились и забегали. Морпехи выгрузили из вертолета большой, тщательно упакованный брезентовый мешок с яркими цветными плакатами — анонсом вечернего спецвыпуска газеты «Рабочий путь». Сталину прямо в руки вручили папку с фото и печатными материалами для этого номера. Кроме того сноровистые парни в камуфляжах извлекли из недр вертолета два пулемета «Печенег», один «Утес», ящики с патронами, связку «Мух» и «Шмелей», какую-то аппаратуру в ящиках. Все это они быстро перетасили через мостик, и погрузили в кузов стоящего у ворот сада «Рено».

А мы тепло попрощались с Дзержинским и Бонч-Бруевичем, которые не без робости забрались в вертолет. Турбины взревели на повышенных оборотах, винты слились в белесые круги. Поток воздуха сорвал фуражку с головы Сталина, и она покатилась по усыпанному опилками плацу. Когда он ее догнал и, отряхнув, надел на голову, вертолет уже поднялся над садом, и взял курс на запад.

— Ну, что, товарищи, за работу, — сказал Сталин, — надо срочно делать номер. Александр Владимирович и Ирина Владимировна, вы поможете нам?

— Обязательно, товарищ Сталин, — ответил я, — Только давайте, сначала заеду к нашим ребятам на их штаб-квартиру, любезно предоставленную Николаем Михайловичем, и узнаю последние новости о событиях на фронте. А Ирина пока поможет вам в работе над номером. Как вы убедились, она достаточно опытный и талантливый журналист.

Сталин довольно кивнул. Было видно, что он совсем не против подобной рокировки. Ирина тоже кокетливо посмотрела на Сосо, всем своим видом показывая, что готова к совместной работе с будущим генералиссимусом.

Тут к Сталину подошел сержант Кукушкин. Его бойцы, закончив погрузку, расположились около грузовичка. Было забавно наблюдать, как праздношатающиеся обыватели с опаской поглядывают на этих крепких, до зубов вооруженных парней в лихо заломленных на ухо черных беретах.

Кукушкин снова козырнул, — Тащ Сталин, наше командование поставило перед моим отделением задачу взять под охрану и оборону здание типографии и вас лично. Адмирал сказал, что в ТОТ раз, накануне Революции, юнкера закрыли газету и уничтожили тираж. Этот вечерний номер должен выйти любой ценой.

— Сержант, а не слишком ли вас мало для такой задачи? — спросил генерал Потапов.

— Если обстановка осложнится, и нам потребуется помощь, сюда немедленно вылетят несколько боевых вертолетов с подкреплением, — ответил Кукушкин, — Наша же задача — продержаться до их подхода. А потом придет «лесник», и разгонит господ юнкеров по казармам.

Сталин кивнул, и вместе с Ириной, сержантом Кукушкиным, и прочими морпехами, на грузовичке отправился в типографию. А мы с генералом Потаповым не спеша, пошли по Таврической в сторону Музея Суворова. Можно было немного прогуляться, и не спеша поговорить о делах наших скорбных, но весьма насущных...

**12 октября (29 сентября) 1917 года, 09: 3 5. Балтика,
Моозундский пролив, Куйваст**

Флагман соединения, броненосный крейсер «Баян».

*Командующий морскими силами Рижского залива вице-адмирал Бахирев Михаил
Коронатович*

Вице-адмирал Бахирев, командующий морскими силами Российской республики в Рижском заливе, этим утром проснулся задолго до рассвета. И причиной тому была не узкая и жесткая койка в адмиральской каюте, а донесшийся откуда-то издали глухой грохот сильнейшего взрыва. За ним раздались еще несколько взрывов послабее.

— Началось, — только и смог подумать он, разлепляя глаза. Весь последний месяц к нему поступала информация о том, что германцы затевают какую-то гадость. И похоже, что разведка не подвела. Прорыв немецкого флота в Рижский залив начался. Но, как воевать с ними, господа?! Армия совершенно разложена, флот в ненамного лучшем состоянии. Все делается лишь по соизволению господ-товарищей из судовых комитетов, и никто им не указ, даже пресловутый Центробалт. Делают, что хотят, точнее не хотят ничего делать.

Иногда балтийцы сражаются как львы, а порой бегут, словно зайцы. Над офицерами и адмиралами все время дамокловым мечом висит угроза нового матросского бунта, бессмысленного и беспощадного. А тут еще во главе России болтун и фигляр, «Главноуговаривающий» Сашка Керенский. С одной стороны, матросиков можно понять — служить такому охлому просто противно. Только вот, независимо от того, как и из-за чего началась эта война, сейчас флот реально защищает Россию от германского нашествия. Керенский когда-нибудь провалится в тартарары, а Россия останется. Вот только, если немцы возьмут в придачу к Риге еще и Ревель, Гельсингфорс и Петроград, то эта Россия окажется отброшенной сразу в XVII век, ко временам царя Алексея Михайловича Тишайшего. Об этом мечтают некоторые политики в окружении Вильгельма. Ну, о на союзников надеяться не стоит, у них уже всю кроют-перекраивают наши земли, деля их на сферы влияния. Только вот Керенский ничего не видит, он трещит, словно сорока, и не видя ничего дальше собственного носа, прямым ходом ведет страну к катастрофе. Но как бы оно ни было, но надо вставать, разбираться в обстановке и воевать. Что-то делать-то надо однозначно...

— Качалов! — позвал адмирал своего верного, который остался ему верным, несмотря на все революции, — Неси мундир, быстрее.

Через полчаса, заправленный стаканом «адвоката» и застегнутый на все пуговицы, вице-адмирал поднялся на мостик «Баяна». Видно не было ни зги, низкая облачность дождик... Лишь только где-то на юго-западе, за островом Эзель, полыхало зарево, метались дальние зарницы и громыхали взрывы. Здесь же на мостике находился контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин, старый и верный друг Бахирева. Рядом с ним стоял по-немецки подтянутый и немногословный командир крейсера «Баян» капитан 1-го ранга Александр Константинович Вейс.

— Ничего не понимаю, Михаил Коронатович, — повернулся Пилкин к подходящему Бахиреву, — Кто воюет, с кем... Орудийных залпов вроде не слышно, одни взрывы. Сигнальщики сказали, что самый первый раз рвануло в пять утра с минутами, причем вспышка была такая, что зарница осветила половину неба. Явно это детонация погребов на крейсере, или даже линкоре. Несомненно, немцы начали свою операцию, но кто там с ними так сейчас воюет? Неужели англичане?

— На англичан, Владимир Константинович, где сядешь там и слезешь. Да и нет у них тут никаких крупных сил, одни подлодки. А ими много не навоюешь, пакостей разных наделать можно, а вот победить нет. Передайте нашему доблестному гидроавиатору штабс-капитану Вавилову на Папенсхольм, пусть его гидропланы, как рассветет, произведут облет района. Отправьте запросы на все батареи, в первую очередь меня интересует бухта Тагалахт. Судя по всей этой иллюминации, воюют именно там. Сейчас обсуждать просто нечего. Можно позвать цыганку и раскинуть карты, а можно попробовать погадать на кофейной гуще. Больше информации, господа! Прикажите удвоить вахты сигнальщиков, и привести корабли в боевую готовность, — помолчав, Бахирев добавил, — конечно, насколько это возможно.

Информация начала поступать позже, но обстановка от этого яснее не становилась. Сначала, около половины шестого утра, поступили юзограммы с батареей на мысах Хундсорт и Нинаст. Сведения содержащиеся в них были просто фантастическими. Германский флот вторжения, подошедший к бухте для высадки десанта, внезапно, еще в полной темноте, был атакован неизвестным оружием. Большое количество кораблей потоплено и повреждено. Десант разгромлен. Также сообщалось о ранее никому неизвестных летательных аппаратах с двумя винтами наверху, и о взорвавшемся немецком крейсере (у матросов на берегу бескозырки от взрывной волны поносило), и севшем на грунт после двух взрывов тяжело поврежденном дредноуте. Потом юзограмма с мыса Сеппо на острове Даго известила, что на противоположной стороне Солоозунда на берег выбросился тяжело поврежденный мощным взрывом германский крейсер.

Поднявшиеся на рассвете пять гидропланов отряда штабс-капитана Вавилова разлетелись во все стороны, и к восьми часам утра начали возвращаться с разведанными. Гидроплан, проводивший разведку в юго-западном направлении, обнаружил шесть германских линкоров, полным ходом уходивших от залива Тагалахт в направлении Данцига. Их сопровождали немногочисленные миноносцы. Еще два германских линкора, имеющих скорость не более десяти узлов, скорее всего, тяжело поврежденных, были обнаружены севернее. По отсутствию явно выраженных внешних разрушений, был сделан вывод, что имел место подрыв на минах. Еще один гидроплан, посланный на запад от залива Тагалахт, завернул назад уже упомянутый винтокрылый летательный аппарат. Предупредительная очередь из пулемета очень крупного калибра, и недвусмысленные жесты пилотов, ясно показали экипажу летающей лодки, что дальше им лететь не стоит. Было еще несколько сообщений об таких аппаратах. Их видели в самых разных концах Моозундского архипелага. Юзограмма капитана 1-го ранга Кньюффера с Церельской батареи сообщала о двух германских линкорах прошедших на большой скорости мимо западной стороны полуострова Сворбе. Совершенно непонятно каков был смысл этого маневра.

Чем больше скапливалось у командующего информации — тем более запутанной выглядела картина. Вернее, не совсем так, картина была довольно ясной — немцы потерпели сокрушительное поражение, их враг был настолько страшен, что линкорам,

самым ценным кораблям германского флота, был дан приказ срочно начать отход к главным базам на Балтике. Но кто суме нагнать на противника такого страха, и с помощью каких сил германцам были нанесены такие тяжелые потери?

— Марсиане, Михаил Коронатович, — посмеиваясь, сказал Пилкин, — прилетели и разгромили за нас германцев. Наверное, боевые треножники с тепловым лучом. Помните, как у английского писателя Герберта Уэллса? Самый закономерный итог этой дурацкой войны.

— Буде вам шутить, Владимир Константинович, — отмахнулся Бахирев, — с каких это пор марсиане малюют на своих аппаратах андреевские флаги? И вот, читайте, красная пятиконечная звезда. Как бы ваши марсиане не оказались родом из Центробалта.

— Пятиконечная звезда вроде бы масонский символ? — с сомнением спросил Пилкин, — Я еще слышал, что в древности красная звезда обычно именовалась «марсовой звездой» по имени древнеримского бога войны Марса. А вообще, тут сам черт ногу сломит. Не удивлюсь, если ваша догадка истинна, и наши загадочные союзники действительно связаны с Центробалтом, и стоящими за ним большевиками. Вот капитан 1-го ранга Иван Иванович Ренгартен, начальник нашей радиоразведки, путем радиоперехвата и расшифровки совершенно точно определил потери германцев. Но ему не удалось поймать ни одного сообщения кроме германских и наших. Ни морзянку, ни голос — ничего. Только на некоторых частотах странный треск и писк в эфире. Никому опознанию и расшифровке не поддающийся.

Потом аппарат Юза поднапрягся, и родил пришедший из Гельсингфорса циркуляр Центробалта. А был тот циркуляр до предела странным, и не лезущим ни в какие ворота. Вот его текст:

«Товарищи балтийцы! Революционное Отечество в опасности. Кровавые германские палачи рвутся к сердцу нашей Революции — городу Петрограду. Настоящим приказом Центробалта Балтийский флот приводится в полную боевую готовность. Всем судовым комитетам немедленно мобилизовать команды на отпор империалистической угрозе. Все на борьбу с германским нашествием. Любой, кто не подчинится боевому приказу командования, или проявит трусость, будет считаться изменником дела революции со всеми вытекающими из этого последствиями. Председатель Центробалта Дыбенко».

Не успели господа адмиралы почесать в затылках, раздумывая, — Чтобы все это значило, — как аппарат застучал снова. На этот раз депеша Центробалта была адресована непосредственно адмиралу Бахиреву, и подписана двумя фамилиями:

«Командующему морскими силами Рижского залива вице-адмиралу Михаилу Коронатовичу Бахиреву. Срочно. Чрезвычайно важно. Получением сего приказа, привести вверенные вам корабли в состояние боевой готовности. В дальнейшем вам предписывается, путем обмена офицерами связи, установить непосредственное взаимодействие с революционной эскадрой контр-адмирала Ларионова, и совместными усилиями окончательно довершить разгром германской десантной флотилии. Неподчинение сему приказу будет считаться изменой Революционному Отечеству, и караться расстрелом. Командующий Балтийским флотом адмирал Развозов. Председатель Центробалта Дыбенко»

— Ну-с, Михаил Коронатович, — контр-адмирал Пилкин энергично прошелся по маленькой каюте взад вперед, — Что вы мне на это скажете?

Бахирев провел рукой по лицу, надавив на покрасневшие глаза, — Скажу, Владимир Константинович, лишь одно: множество малых загадок сменились одной большой с

довесками. Кто такой, этот контр-адмирал Ларионов, и что это за его революционная эскадра, от которой с таким испугом драпал германский флот? Куда посылать офицеров связи, чтобы установить взаимодействие? Что вообще означает весь этот поворот в войне?

Пилкин задумчиво почесал лоб, — Михаил Коронатович, совершенно очевидно могу вам сказать лишь одно — что большевики, или уже взяли власть в Петрограде, или возьмут ее в ближайшие дни или даже часы. Однозначно, Керенскому этой победы уже не праздновать. Победителями окажутся совсем другие люди, и это уже вполне очевидный факт. Но, остается только один вопрос, главный — откуда у них взялась эта самая революционная эскадра, и из каких кораблей она состоит? Немецкие линкоры не стали бы удирать от вооруженных гражданских пароходов, или чего они там смогли набрать в свой флот сторонники господина-товарища Ульянова?

— Владимир Константинович, вы читали рапорт наблюдателя с одной из летающих лодок с авиабазы в Папенсхольме? — вопросом на вопрос, ответил ему Бахирев, — Той самой, что идентифицировала полузатопленный крупный германский корабль, как линейный крейсер «Мольтке», и несколько раз облетела его на небольшом расстоянии и малой высоте. Вот, полюбуйтесь. — адмирал достал из вороха бумаг бланк юзограммы, и начал читать вслух, — «Никаких повреждений на надводной части поврежденного германского корабля не обнаружено, за исключением двух отверстий в центральной части палубы от полубронебойных снарядов калибром примерно в тридцать дюймов. Взрыв этих двух снарядов в районе котельного отделения, очевидно, и привел к разрушению подводной части корпуса и гибели корабля» — Бахирев отбросил бланк, — Тридцать дюймов! Теперь вы поняли от чего бежали немцы?! Я не знаю, как это удалось, но судя по тому, что нынешняя позиция этой эскадры расположена в 60–70 милях от залива Тагалахт, то за рамки моего понимания выходит не только калибр этих орудий, но и их дальнобойность. Немецкие линкоры бежали от врага, который может уничтожить их одним-двумя снарядами, при этом — ничем не рискуя сам.

— Михаил Коронатович, вы забыли еще одну вещь, — улыбнулся Пилкин, — даже при самом точном накрытии, кроме прямых попаданий бывают еще и промахи. Как правило, из всего бортового залпа в цель попадает не более одного снаряда, а остальные ложатся рядом. Так вот, наблюдатели на батареях, прикрывающих бухту Тагалахт, вообще не заметили промахов, одни только попадания. Вы представляете — какой столб воды должен дать эдакий тридцатидюймовый снаряд, даже просто упавший в воду без разрыва. Такое заметит даже слепой.

— Согласен с вами, Владимир Константинович, — кивнул Бахирев, — но в принципе это ничего не меняет. Германцев прогнали отсюда, как мальчишек залезших в соседский сад, а самых нерасторопных еще и высекли. Как это было сделано — абсолютно непонятно, но к этому делу каким-то образом приложил руку Центробалт, и стоящие за ним большевики...

В этот момент адмиралы услышали слабый, почти неслышный, но явно незнакомый звук. Какой-то вой пополам со свистом и стрекотом. Почти одновременно в каюту после короткого стука ввалился весь растрепанный вестовой адмирала, Качалов, — Ваш... Превосхо... Вас капитан 1-го ранга Вейс зовет на мостик, срочно. Там, такой, такая, такое... летит!

Встревоженные адмиралы поднялись на мостик «Баяна». А там в небе на фоне серых туч к стоящим на якорях кораблям приближался, удерживаемый в воздухе двумя верхними

вращающимися огромными винтами, странный пузатый аппарат, размером с хороший сарай. Именно он и издавал тот самый свист и грохот, которые адмиралы слышали у себя в каюте. Обогнув по широкой дуге стоящие на якорях корабли, и показав всем андреевский флаг на борту, и красные пятиконечные звезды на высоких килях, аппарат направился прямо к «Баяну». Поглазеть на бесплатное зрелище вылезла почти вся команда.

Еще несколько минут, и вот он, огромный, навис над противоположной от стоящих адмиралов частью мостика крейсера, обрушивая вниз и в стороны целый ураган своими вращающимися винтами. Адмиралы и офицеры привычно, как при шторме, схватились за фуражки, а вот некоторые матросы на палубе сплеховали, и в воду кувыркаясь полетели бескозырки. Аппарат завис в саженях трех четырех от мостика, и из открытого люка вниз упал канат. По нему, как лихие матросы парусного флота, которых удалось в мичманской юности застать адмиралу Бахиреву, вниз начали соскальзывать одетые во все черное фигуры.

— Воистину марсиане! — пробормотал контр адмирал Пилкин, когда разглядел лица бойцов, покрытые устрашающей раскраской из черных полос, словно какие-то индейцы из прерий САСШ. Быстро рассредоточившись, не говоря худого слова, они взяли под контроль мостик крейсера. Последним, на чем-то, вроде подвесного кресла, опустили человека в черной флотской форме. Рыбак рыбака видит издалека. Если первые из незваных гостей походили на кубанских пластунов, или на головорезов из пехотных охотничьих команд, то этот последний, был, несомненно, морским офицером, причем, в немалых чинах. Успокоив жестом своих телохранителей, он подошел к замершим в напряжении адмиралам и, остановившись перед Бахиревым, козырнул, и отрапортовал, стараясь перекричать шум двигателя винтокрыла, — Михаил Коронатович, разрешите представиться, капитан 1-го ранга Сергей Петрович Иванцов, начальник штаба особого соединения под командованием контр-адмирала Ларионова. Виктор Сергеевич просил, чтобы вы с обратным рейсом выслали к нему своего офицера для установления связи.

— Очень приятно, Сергей Петрович, — Бахирев немного растерянно пожал Иванцову руку, — ну хоть что-то тайное станет явным. Скажите, Сергей Петрович, а что это за люди прибыли вместе с вами?

— Виктор Петрович осведомлен о том печальном падении дисциплины, произошедшем на русском флоте и, во избежание каких-либо эксцессов, снабдил меня надежной охраной. Если кто-то не захочет, во исполнение циркуляра Центробалта подчиниться вашему приказу, то эти ребята моментально разъясят ему политику партии большевиков и товарища Сталина. На пальцах.

Но, Михаил Коронатович, вертолет не может висеть в воздухе вечно. Вы уж определитесь поскорее — кто будет отправлен делегатом связи на нашу эскадру. Могу сказать сразу, на нашем большевистском флоте царит жесточайшая дисциплина, и вашему представителю совершенно нечего опасаться.

— Вертолет, ах да, значит, так это называется, запомним! — вице-адмирал Бахирев повернулся к своему давнему другу и соратнику контр-адмиралу Пилкину, — Владимир Константинович, я думаю, что именно вам нужно слетать к загадочным «марсианам», и увидеть все своими глазами. Ступайте, и да хранит вас Господь!

12 октября (29 сентября) 1917 года, 10:05. Балтика, ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин.

Я приник к квадратному иллюминатору летательного аппарата. Корабль, к которому мы приближались, выглядел весьма непривычно для меня. Я знал о попытках военно-морских офицеров САСШ совершить взлет и посадку с палубы линейного корабля «Пенсильвания», и о переоборудовании в Британии недостроенного линейного крейсера «Фьюриес» в авианосец.

Но корабль, который я увидел сегодня, просто потряс меня своими размерами и необычностью конструкции. Во-первых, он был огромен, во-вторых, палуба его, была плоской, как ипподром. Корабль лежал на серой глади Балтийского моря, а над его мачтой, вызывая мою законную гордость, развевался андреевский флаг. На палубе корабля, к которому мы подлетели на нашем странном летательном аппарате, шла какая-то малопонятная мне деятельность. Громадные самолеты, больше похожие на наконечник копья, транспортировали по палубе небольшие машины. Несколько винтокрылых стрекоз кружились в воздухе.

Еще чуть дальше, на глади моря, застыли темно-серые силуэты других кораблей эскадры. В такую погоду и при такой окраске было сложно определить их тип, но мне почему-то казалось, что это крейсера. Два корабля 1-го ранга и два корабля 2-го ранга. Входили ли в эту эскадру еще какие-нибудь корабли, понять было трудно. В первую очередь из-за ограниченной видимости, и из-за маскировочной окраски этих кораблей.

Лишь только колеса нашего аппарата коснулись палубы морского гиганта в районе кормы, рев двигателей стал стихать, а лопасти — постепенно замедлять вращение. Я вылез наружу, пригибаясь от ветра, и внимательно осмотрелся.

Картина была фантазмагорическая. Борт корабля был, как минимум, в два раза выше борта «Баяна», море плескалось где-то далеко внизу, и у меня появилось ощущение, что я стою на плоской крыше огромного дома. Тем временем мотор винтокрыла умолк. Обернувшись, я увидел как винтокрылый аппарат складывает лопасти, а подъехавшее к нему маленькое смешное авто оранжевого цвета берет его на буксир.

Я не знал, что мне делать дальше и куда идти. Но тут ко мне подошел молодой лейтенант и, козырнув, представился, — Вахтенный офицер, старший лейтенант Снегирев. Господин контр-адмирал, командующий эскадрой, контр-адмирал Ларионов ждет вас. Прошу следовать за мной.

Не успели мы сделать несколько шагов, как вдруг совсем рядом раздался оглушительный вой и грохот. Я посмотрел в сторону бака, откуда доносился этот звук. Из-за перегораживающих палубу металлических щитов, вверх поднялось мерцающее марево раскаленного воздуха. Потом из-за одного щита вперед рванулся один из тех, похожих на наконечник копья аппаратов. Быстро пробежав по короткому отрезку палубы, он подпрыгнул на задранном вверх носу, но, вместо того, чтобы упасть вниз, начал карабкаться все выше и выше в серое балтийское небо. И тут я понял, что этот аппарат — аэроплан совершенно новой конструкции. Под крыльями этого аэроплана гроздьями висели какие-то

округлые предметы, делающие его похожим на возвращающуюся с рынка хозяйку. — Это бомбы, — догадался я. — Следом за ним, стартовали еще два аэроплана.

— На Либаву пошли, — проводил аэропланы взглядом мой сопровождающий, — будет сегодня у немцев дискотека!

Я хотел было спросить у старшего лейтенанта, что такое дискотека, но не стал. По тому количеству бомб, что понесли на Либаву эти аэропланы, было и так понятно, что тамошний германский немецкий гарнизон ожидают крупные неприятности.

Контр-адмирал Ларионов встретил меня в довольно просто, пожалуй, даже аскетично обставленном адмиральском салоне, — Добрый день, Владимир Константинович, — приветствовал он меня, пожимая руку, — как долетели?

— Спасибо, Виктор Сергеевич, — ответил я, садясь в предложенное мне кресло, — долетел я нормально, если не считать того, что подобное воздушное путешествие я совершаю в первый раз в жизни. Самое главное, что все мои кишки остались при мне, ничего не вытрясло. Скажите, чем мы обязаны, столь неожиданным визитом и, признаюсь, столь своевременной помощью? Лично меня несколько беспокоит и тайна происхождения вашей эскадры, и ее э... большевистский статус. От господ Ульянова и его окружения лично я не жду ничего хорошего для России.

Мой визави какое-то время пристально смотрел прямо мне в глаза. Потом, он сделал жест, предлагая мне курить, и сказал задумчиво,

— Об окружающих Ульянова-Ленина господах-товарищах можно поспорить. Некоторые из них, например, некий Троцкий-Бронштейн, считают нашу Россию охапкой хвороста, которую необходимо бросить в огонь мировой революции. Но среди большевиков, хочу вам заметить, есть люди, для которых Россия — не пустой звук. С многими, чьи фамилии я вам позже назову, стоит, нет, просто необходимо сотрудничать...

Впрочем, давайте отложим на время все разговоры о политике. Дело в том, что из Петрограда с минуты на минуту к нам должны прибыть еще два человека. От высшего командования Российской армии мы ждем генерала Бонч-Бруевича, а от руководства партии большевиков, весьма толкового и незаурядного человека, Феликса Эдмундовича Дзержинского. Каждый из них уполномочен принимать решение от имени своего руководства.

Пока же примите как данность то, что андреевский флаг для нас не менее свят чем для вас, а сохранение России, как государства, и русских, как народа, является для нас задачей, не требующей никаких обоснований.

Я только кивнул, признавая правоту моего собеседника.

12 октября (29 сентября) 1917 года, 10:45. Балтика, ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Узнав, что к нам из Питера вылетела представительная делегация в составе генерала Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича и Феликса Эдмундовича Дзержинского, я объявил по трансляции: «Кто после выпуска купался в фонтане у Адмиралтейства и начищал до блеска причиндалы коня „Медного всадника“, в свободное от вахты время могут собраться на палубе и встретить человека, чье имя носило их училище».

А для незнающих, напомним, что основанное в конце XVIII века императором Павлом «Училище Корабельной Архитектуры» в советское время носило имя Дзержинского.

Наконец, все в сборе. От Балтийского флота присутствовал контр-адмирал Пилкин. Вице адмирал Бахирев, которого он представляет, весьма уважаем, как офицерами, так и матросами. От армии — генерал-майор Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, фактически создатель советской военной контрразведки. Наши особисты, как мухи вились вокруг генерала, стараясь хоть одним глазком глянуть на легендарную личность. Ну, а «Железный Феликс» в представлении не нуждался.

Все присутствующие по своему статусу были полномочными представителями тех военных и политических сил, которые отправили их для того, чтобы решить наконец вопрос о власти. Моим помощником во время этого исторического совещания стал подполковник СВР Николай Ильин.

На висящем на стене адмиральского салона плазменном экране была выведена карта Балтики. Собравшиеся приготовились внимать и высказывать свои мысли. И, как говорил мой старший сын — понеслась душа в рай!

— Итак, господа и товарищи, — я заметил, как при последнем слове контр-адмирал Пилкин слегка поморщился, — не буду ходить вокруг да около. Вы все уже знаете, что по произволу судьбы, Господа Бога, или каких-то других неведомых сил, наша эскадра оказалась в этой точке пространства-времени, как раз накануне начала германской операции «Альбион». В силу данной нами присяги защищать Россию, мы не задумываясь нанесли удар по германскому десанту, готовившемуся высадиться на Моонзундских островах...

— Но при этом, господин адмирал, как я понимаю, вы приказали отпустить с миром десять германских линкоров, — саркастически заметил Пилкин, — Вряд ли этот шаг можно считать дружественным по отношению к России?

— Владимир Константинович, — ответил я, — да, я приказал не обстреливать линкоры, если они в свою очередь, не откроют огонь по русским батареям или кораблям. По моему приказу, в штаб Хохзеефлотте была направлена радиограмма, в которой я предупреждал Гроссадмирала Тирпица, что уничтожив «Мольтке», я так же уничтожу и линкоры 3-го и 4-го отрядов, если он немедленно не уберет их, сначала в Путциг, а потом и в Вильгельмсхафен. Что и было незамедлительно исполнено.

Кроме того, крейсера адмирала Гопмана оставили Виндаву, и тоже ушли на запад. Господин адмирал, у нас нет желания делать легкой жизнь британскому королевскому флоту. Или вы считаете, что Россия и дальше должна воевать за чуждые ей британские и

французские интересы? В данный момент и германцы, и Антанта одинаково враждебны России. Вы знаете, что сказал Клемансо, когда узнал об отречении русского императора? Его слова были буквально следующими: «Одна из наших целей в этой войне — достигнута!»

Но, Бог с ними, с французами и англичанами. России сейчас нужен мир и немедленно. — Дзержинский одобрительно хмыкнул, — Мир почетный, не позорный и не похабный, чего бы там не говорили по этому поводу разные политические болтуны. Но для заключения такого мира немцев надо убедить в том, что в случае их дальнейшего давления на Россию, их потери в этой войне будут неприемлемы. Разгром немецкого десанта лучше всего показал противнику наши возможности. Но сухопутное командование рейхсвера, в отличие от морского, закоснело в своей гордыне, и отвергло саму возможность заключить мир по «нулевому варианту»...

Генерал Бонч-Бруевич поднял голову, — Прошу прощения, Виктор Сергеевич, а что такое «нулевой вариант»?

— Это установление временной демаркационной линии по границе бывшей Российской Империи, за минусом части Царства Польского. — Я посмотрел на Дзержинского, — вы уж извините Феликс Эдмундович, но возиться с вашими буйными соотечественниками у новой власти нет ни сил не времени. Через несколько лет они сами запросятся к нам, ибо после немецкого «орднунга» власть Советов им покажется раем. — Я снова обвел взглядом всех собравшихся,

— Но в настоящий момент все это чистая теория, поскольку немецкое командование уперлось, и не собирается идти на компромисс. Их требования абсолютно неприемлемы для любой власти, какая бы не существовала в России. Поэтому мы начинаем операцию «Принуждение к миру». По германцам будет нанесены ракетно-бомбовые удары. В основном бомбардировать мы будем места дислокации их штабов, начиная с дивизионного уровня, и кончая генеральным штабом. Исходя из опыта предыдущей подобной операции, вряд ли на это понадобится больше пяти дней. Потом можно будет начинать переговоры об отводе германских войск.

Теперь перейдем ко второму вопросу, который в наших обстоятельствах является основным. Этот вопрос о Власти. Все вы знаете, что Временное правительство Керенского довело страну до полного развала. Дальше так продолжаться не может. В нашей истории, чуть меньше месяца спустя власть Временного правительства рухнула от легкого пинка, который отвесила «Главноуправляющему» партия большевиков и их попутчиков. Правда, потом началась кровопролитная трехлетняя Гражданская война. В нашей истории, я надеюсь ничего похожего не произойдет.

Хочу вам сказать, что альтернативы власти большевиков нет. Временное правительство окончательно угробит Россию, превратив ее в колонию бывших союзников по Антанте. Военная хунта генерала Корнилова — из той же оперы. Из-за спины Лавра Георгиевича явственно торчат британские уши. Есть еще один, мало приемлемый для России вариант — чудовищных размеров «пугачевщина», и война всех против всех. Города — против деревни, сытых — против голодных, образованных — против неграмотных. Пять миллионов мужиков с винтовками, которые на протяжении трех лет умирали и убивали! Поверьте, жестокости и безумия Великой Французской революции покажутся всем легкомысленным водевилем.

К счастью, господа и товарищи, нам известен человек, который в нашем прошлом сумел вернуть России ее силу и могущество, превратив ее в Великую державу. Как вы думаете, товарищ Дзержинский, товарищ Сталин справится с теми обязанностями, с которыми не

справились Николай II, князь Львов и Керенский?

— Вы считаете, что можно, совершить революцию, и избежать эксцессов? — ответил вопросом на вопрос Дзержинский.

Неожиданно в разговор вступил до сего момента молчавший подполковник Ильин, — Да, товарищ Дзержинский, мы так считаем. Более того, у нас в будущем был соответствующий политический опыт, который завершился вполне успешно. Я вам потом при личной беседе изложу наш план.

Я поднял руку, — Позвольте представить вам подполковника Ильина Николая Викторовича, — потом кивнул Ильину, — Продолжайте, Николай Викторович.

— Позднее, когда власть перейдет к большевикам, каждый может найти себе достойное место в новой России. Для начала надо заключить с Германией мир, на условиях предложенного нами «нулевого варианта». Для мужиков, измаявшихся в безземелье, — это земля... Для рабочих — справедливое трудовое законодательство и достойную оплату за их работу. Для всех бесплатное здравоохранение и образование. Для умных и талантливых людей — возможность занять любой пост и любую должность, без оглядки на их знатность и происхождение.

Для нынешнего офицерского корпуса и чиновников мы откажемся от идеи господина Энгельса о полной ликвидации старого государственного аппарата, армии и флота. Сохранив армию и флот, пусть на первых порах и в кадрированном составе, мы предотвратим появление большого количества безработных офицеров и чиновников, которые в нашей истории и стали питательной средой для Белого движения. Кроме того, не все воинские части будут кадрированными. На окраинах Российской империи, стараниями господ из Временного правительства поднимает голову местечковый национализм, с которым в любом случае придется бороться железной рукой. К тому же вероятна интервенция англичан, французов, американцев, и даже японцев. Кроме того, в срочном порядке необходимо воссоздать органы по борьбе с уголовной преступностью, разрушенных Керенским, и принять все меры к обузданию разгула бандитизма самыми крутыми мерами, вплоть до расстрела уголовников взятых с поличным прямо на месте преступления. Работы, много, вся она нелегкая, но мы ее не боимся.

— Большевики не боятся нелегкой работы, товарищ Ильин, — сказал Дзержинский, — мы будем с вами сотрудничать, если это не потребует от нас отказа от идеи социальной справедливости.

— Не потребует, — сказал я, — если конечно не считать «социальной справедливостью» желание некоторых горячих и глупых голов перестрелять всех «бывших» — от царя, до последнего городского.

Дзержинский кивнул. Очевидно, он не хуже меня знал реальное состояние дел в России. Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич сделал свой выбор уже давно. Еще тогда, когда вместе с генералом Потаповым они сделали все, чтобы сорвать замысел Корнилова стать диктатором. Он и в нашей истории служил большевикам не за страх а за совестью. Думаю, что и в этой истории он не изменит себе.

Контр-адмирал Пилкин, молча сидит за столом, опустив голову. Ему тяжелее всего. В тот раз он примкнул к генералу Юденичу, участвовал в Гражданской войне на стороне белых, потом эмигрировал и умер в Ницце. Будем надеяться, что он все же сделает правильный выбор.

— Надо с ним побеседовать отдельно, с глазу на глаз. Как адмирал с адмиралом, —

подумал я, а вслух сказал, — Николай Викторович, проводите, пожалуйста, генерала Бонч-Бруевича в оперативный отдел. Пусть он поделится с нашими офицерами своей информацией об обстановке на фронте в Прибалтике. Чем сильнее мы будем бить немцев, тем быстрее они согласятся на мир. Потом, будьте добры, полностью введите товарища Дзержинского в курс текущих дел. А я тут поговорю с Владимиром Константиновичем, как моряк с моряком.

**12 октября (29 сентября) 1917 года, 11:00. Петроград.
Кирочная улица угол Таврической**

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Вертолет улетел, машины уехали, остались на улице лишь я да генерал Потапов. Николай Михайлович был задумчив и немного грустен.

— Пойдемте, Александр Васильевич, — сказал он, — как говорили древние: «*suus cuique*» — «каждому свое». Кому мировая революция, а кому — черная работа, про которую обывателям лучше не знать. Но ведь должен же кто-то думать о безопасности России, какой бы государственный строй в ней не был? Как я понял, вы и сами выходец из структуры, которая в вашем времени занималась чем-то подобным?

— Не совсем так. Я занимался в нашем времени не военной, а политической разведкой, но суть от этого, однако, не меняется...

Посмотрите, Николай Михайлович, — воскликнул я, — все те же мозаичные панно, какие были в моем детстве. — Я указал на музей Суворова, подобно башне какого-то старинного русского кремля возвышавшегося на другой стороне Кирочной улицы. На его фасаде по обеим сторонам от герба Суворова, размещались две мозаики: «Отъезд Суворова в поход 1799 года» и «Суворов, совершающий переход через Альпы».

— Я помню, — сказал задумчиво Потапов, — как накануне моего окончания Академии Генерального штаба шли разговоры о том, чтобы построить на территории, принадлежащей Академии, этот музей. Потом собирали деньги на него по подписке — я тоже внес свою лепту — а потом, в 1904 году музей был открыт. На открытии присутствовал Государь.

— А во время войны в него попала немецкая авиабомба, и он был разрушен. Восстановили его лишь в 1951 году. За четыре года до моего рождения. Я ведь родился и вырос на этой улице. Правда, тогда она носила имя Салтыкова-Щедрина. И в детстве часто, почти каждую неделю, я бегал в этот музей, где рассказывалось о жизни и подвигах моего великого двойного тезки.

— Так вы здешний? — с изумлением спросил меня Потапов. — То-то я и гляжу, что вы прекрасно знаете Петроград. А я вот, представьте себе, москвич. В 1888 году закончил 1-й московский кадетский корпус.

— Как же знаю такой, — ответил я, — это который в Лефортово... Сейчас в нем находится Общевойсковая Академия вооруженных сил Российской Федерации.

— Жива, значит, моя альма матер, — радостно воскликнул генерал Потапов, — а я уж грешным делом посчитал, что в революционной буре ремесло офицера станет и ненужным.

— Да нет, Николай Михайлович, — сказал я, — офицеры еще долго будут нужны России. Знаете, как хорошо было сказано в одном замечательном кинофильме: «Есть такая профессия — Родину защищать».

**12 октября (29 сентября) 1917 года, 11:30. Петроград.
Суворовский проспект, дом 48**

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

С этими разговорами мы дошли до дома на углу Кирочной и Кавалергардской. Здесь, на последнем этаже, в круглой мансарде, напоминающей крепостную башню, располагалась квартира, которая на время стала нашим пристанищем. У подъезда бородастый могучий дворник — похоже, из отставных унтеров, лихо козырнул генералу. Мы поднялись наверх и позвонили в медный звонок с фарфоровой пупочкой.

Тяжелая дубовая входная дверь открылась моментально. В дверях стоял один из бойцов спецназа с автоматом в руках. Я хотел сделать ему замечание — ведь нельзя открывать дверь, не убедившись, в том, что на лестнице нет нежелательных лиц, но боец, улыбнувшись, пальцем показал наверх. Я поднял голову, и увидел, что над дверью уже установлена видеокамера. Оперативно — ведь не прошло и часа, как наши орлы здесь обосновались. Наверху, на чердаке были слышны шаги. — Это наши ребята разворачивают на крыше антенну, — ответил спецназовец на мой немой вопрос. В общем, работа кипела.

Мы прошли с генералом в большую квадратную комнату, и там разделись. Как и обещал, я решил показать Потапову видеофильм о Великой Отечественной войне. По моей просьбе телеоператор «Звезды» Андрей Романов сделал, что называется «на коленке» документальный фильм, состоящий из нарезки фильма «Великая Отечественная» Романа Кармена и вставок из лучших художественных фильмов о войне.

Достав ноутбук, я включил его и, дождавшись, когда он загрузится, щелкнул «мышкой». Генерал Потапов, с любопытством наблюдавший за моими манипуляциями, вздрогнул, когда на экране появилось постаревшее лицо его недавнего собеседника, и чуть глуховатый знакомый голос с кавказским акцентом произнес: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!». Следом зазвучала бессмертная песня, ставшая гимном Великой Отечественной войны: «Вставай страна огромная...»

Замелькали кадры с немецкими солдатами, пересекающими границу СССР, самолетами люфтваффе, бомбящими наши города и расстреливающие колонны с беженцами. Потом пошел отрывок из фильма «Брестской крепости» и документальные кадры — огромная 60-см самоходная мортира «Карл», расстреливающая крепость. И надпись на ее стене: «Умираю, но не сдаюсь. Прощай Родина!».

Десятки тысяч людей записывались добровольцами в народное ополчение. На восток шли эшелоны с эвакуированными заводами и фабриками. И непрерывные сражения. Видеоряд: немецкие солдаты, молодые и довольные маршируют мимо горящих русских деревень. И аккуратные и ровные шеренги березовых крестов, с надетыми на них стальными шлемами.

Генерал Потапов бледный, едва дышащий от волнения, не отрывая глаз, смотрел на экран. Вот он снял запотевшее пенсне, протер его платочком, и снова надел.

Далее шли кадры сражения за Смоленск, бои на Лужском рубеже, оборона Одессы, редкие контрудары и горечь отступления. И нечеловеческое упорство красноармейцев.

Цитата из дневника начальника штаба ОКВ генерала Гальдера: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен...», «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека».

Далее шли кадры сражения осенью 1941 года на Бородинском поле 32-й стрелковой дивизии полковника Полосухина из фильма «Битва за Москву», подвиг панфиловцев, кадры военной Москвы и парад 7-го ноября 1941 года на Красной площади. Сталин, стоящий на трибуна Мавзолея и его слова, обращенные к войскам: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»...

Блокада Ленинграда, умирающие от голода женщины и дети, снаряды, рвущиеся на Невском, колонны автомашин с продовольствием идущие по льду Ладоги. Первые победы — под Тихвином, Ростовом, и наконец, наступление под Москвой. Забитые брошенной немецкой техники, трупы солдат вермахта, колонны пленных.

1942 год, успехов новые поражения. Окружение под Харьковом, взятый немцами Севастополь, колонны танков с белыми крестами на башнях, идущие по донским степям, поднимая пыль, горные стрелки с изображением цветка эдельвейса на кепи на перевалах Кавказа, флаг со свастикой над Эльбрусом.

И Сталинградская эпопея. Бои вокруг города, бой в городе, горящая нефть, стекающая в реку, разбитые, даже не дома, а целые кварталы, и слова: «За Волгой для нас земли нет». И страшный разгром армии Паулюса. Немецкий фельдмаршал, сдающийся в плен, и колонны оборванных и голодных «победителей Европы», уныло бредущих по заснеженной степи.

Прорыв Блокады Ленинграда, общее наступление. После контрудара неудача под Харьковом. Военный совет, на котором Сталин и его генералы и маршалы, уже в погонах, рассуждающие о планах летней кампании 1943 года. Курск, сражение танковых армий, когда уральская броня выдержала натиск крупновской брони. Кадры из «Освобождения», на которых день превратился в ночь от дыма горящих танков, а чудом уцелевшие танкисты сошлись в рукопашной друг с другом на поле сражения.

А потом наши победы и освобождение захваченной врагом территории. И международная конференция в Тегеране. Потомок герцога Мальборо и холеный американский аристократ внимательно слушали сына грузинского сапожника, за которым стояла огромная страна, страна-победительница.

Освобождение Европы, бои в Польше, Венгрии, на Балканах. И как апофеоз — штурм Берлина. И красное знамя, поднятое на куполе Рейхстага. Капитуляция Германии. Вильгельм Кейтель, роняющий от волнения монокль, который раскачивается на шнурке, как висельник в петле. Фельдмаршал подписывает акт, признающий поражение Третьего рейха, и сдачу германских вооруженных сил на милость победителя.

И Парад Победы на Красной площади. Голос Андрея Романова, комментирующий происходящее.

— Командует парадом маршал Константин Рокоссовский, бывший младший унтер-офицер 5-го Каргопольского драгунского полка, награжденный за храбрость двумя Георгиевскими крестами. Принимает парад маршал Георгий Жуков, унтер-офицер 10-го Новгородского драгунского полка, награжденный за храбрость двумя Георгиевскими крестами.

Вот проходят перед трибуной командующие фронтами: Ленинградского — маршал Леонид Говоров, подпоручик, младший офицер мортирной батареи; 1-го Прибалтийского — генерал армии Иван Баграмян, прапорщик 2-го пограничного пехотного полка; 3-го Белорусского — маршал Александр Василевский, штабс-капитан, командир роты 409-го Новохоперского полка; 2-го Белорусского генерал-полковник Кузьма Трубников, поручик Семеновского полка, начальник команды пеших разведчиков, полный Георгиевский кавалер; 1-го Украинского — маршал Иван Конев, младший унтер-офицер 2-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона; 4-го Украинского — генерал армии Андрей Еременко, ефрейтор 168-го Миргородского пехотного полка; 2-го Украинского — Маршал Родион Малиновский, ефрейтор пулеметной команды 1-й особой пехотной бригады Экспедиционного корпуса во Франции, награжденный двумя Георгиевскими крестами за храбрость. 3-го Украинского — генерал армии Федор Толбухин, штабс-капитан, командир роты 13-го пограничного Заамурском полка.

На трибуне Мавзолея стоит маршал Семен Буденный — старший унтер-офицер 18-го драгунского Северского полка, полный Георгиевский кавалер. И полтора месяца не дожидаясь до Победы Маршал Борис Михайлович Шапошников — Генерального штаба полковник, командира Мингрельского гренадерского полка.

Апофеоз Парада Победы — знаменосцы, бросившие к подножью Мавзолея немецкие знамена вместе с личным штандартом Адольфа Гитлера.

А потом был разгром Японии, самураи, покорно складывающие к ногам русских солдат свое оружие, колонны пленных, красные флаги и советский военно-морской флаг над Порт-Артуром. И священник русской церкви, на кладбище русских воинов, павших во время обороны Порт-Артура, целующий стволы советских пушек, и со слезами повторяющий: «Я верил, что вы вернетесь. Дождался, теперь можно и умирать...»

Такие же слезы катились по щекам генерала Потапова. И он не стеснялся их. Это были слезы гордости за свою страну и свой народ. И за того человека, который только готовился взять власть в разрушенной и разваливающейся на куски России.

— Александр Васильевич, — наконец сказал он, — какое страшное и великое будущее прожила наша страна! Я клянусь вам, и обещаю, что приложу все свои силы к служению России, пусть даже и Советской. И сделаю все, чтобы русские офицеры, сохранившие любовь к своей Родине, были на вашей стороне...

— Не на «вашей» стороне, Николай Михайлович, — ответил я, — а на «нашей». Сторона у нас всех одна, и имя ей Россия. А теперь давайте сделаем так, чтобы нам потом, всю оставшуюся жизнь, не было мучительно больно за то, что мы делали, или, наоборот, не сделали в эти роковые часы.

Ночью в город придут наши части. Необходимо подготовить для них пункт постоянной дислокации, и определить перечень объектов, которые необходимо взять под контроль в первую очередь. Владимир Ильич Ульянов оставил нам хорошую методичку по захвату власти. Вокзалы, Телеграф, Телефон, Почта, Банк... Необходимо предотвратить, как это было в нашей истории, побег Керенского из Зимнего, и его истошные крики на всю страну, что: «Большевики погубили революцию!» Добровольная отставка с последующим домашним арестом — «во избежание самосуда со стороны отдельных несознательных личностей», — будет для него самым лучшим вариантом.

А еще, и это самое главное, именно мы должны обеспечить, чтобы после часа «Ч» власть оказалась в руках ответственных людей, болеющих душой за Россию, а не разных

парламентских болтунов и политических позеров.

Генерал Потапов слушал меня, согласно кивая головой. Потом он встал, пожал мне руку, и пошел к телефону. Рабочий день начался.

12 октября (29 сентября) 1917 года, 14:00. Петроград.
Суворовский проспект, дом 48

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Позвонив куда-то по телефону, генерал Потапов снова зашел в комнату, извинился, сказав, что он вынужден ненадолго покинуть нас, после чего уехал. Ну а я не спеша принялся изучать квартиру, в которой нас предстояло провести самое интересное, с точки зрения истории, время.

Это была большая пятикомнатная квартира в доходном доме. В ней было все, что нужно было человеку для длительного в ней проживания: кухня с большой дровяной плитой, огромная, похожая на калошу медная ванна, туалет с уже забытым в наше время верхним бачком и большая прихожая. Имелось электрическое освещение, телефон в коридоре. В общем, как в объявлении об обмене: «все удобства».

Мышки уже потихоньку обжили наше жилище. В одной из комнат был установлен монитор, на который выводилось изображение с установленных на лестнице и за окнами видеокамер. В углу на столе стояла радиостанция, за которой с наушниками сидел наш бессменный радист сержант Свиридов. Судя по его довольной физиономии, связь со штабом адмирала Ларионова была устойчивой.

На кухне двое «спецов» раскошегаривали плиту, чтобы приготовить на ней обед. С непривычки дело шло со скрипом, и наши «повара» вдоволь наглотались дыма, пока печь, наконец, разгорелась.

В ванной комнате Бесоев задумчиво рассматривал смеситель, силясь понять — почему открывая вентили для горячей и холодной воды, из носика крана течет лишь одна холодная вода. Я посмотрел на его мучения, и рассмеялся.

— Николай, здесь еще нет централизованной подачи горячей воды. Если ты хочешь помыться с комфортом, то надо протопить дровяную колонку. Вон, видишь здоровенный толстый цилиндр — это и есть та самая колонка.

— Надо же, а я думал, что это обычная печка, — сконфуженно сказал Бесоев.

А через часа полтора к нам заехал генерал Потапов. Он был с незнакомым нам офицером средних лет. Судя по внешности, штабс-капитан был родом откуда-то с юга Европы. Николай Михайлович представил его нам, как своего подчиненного, с которым ему пришлось повоевать в Черногории, когда генерал Потапов был там советником штаба королевской армии. Звали нашего нового знакомого Николой Якшичем. Я напряг извилины. Фамилию эту я вроде уже где-то слышал. Ба! Да ведь это фамилия матери Елены Глинской, а, следовательно, бабки Ивана Грозного.

Я напрямую спросил у штабс-капитана — не родственник ли он царю Иоанну Васильевичу, на что черногорец, усмехнувшись, сказал, что если и родственник, то дальний.

Генерал Потапов сказал мне, что Никола Якшич — человек, которому он полностью доверяет, и что он будет решать наши повседневные вопросы и обеспечивать связь между нами и российской военной разведкой.

Потом Потапов поинтересовался, не хочу ли я совершить ознакомительную прогулку по Петрограду. Мол, мне, как коренному питерцу, будет весьма интересно посмотреть на свой

родной город, каким он был осенью 1917 года. А заодно присмотреть места, где можно будет разместить нашу боевую технику. Я согласился.

С собой я решил взять, «на всякий пожарный», старшего лейтенанта Бесоева. Спустившись вниз по лестнице, мы вышли на улицу, и уселись в легковой автомобиль, оказавшийся нашим отечественным, марки «Руссо-Балт». По Суворовскому мы отправились в центр города, на Невский.

Удивительно было видеть знакомые и незнакомые дома, улицы, так похожие на дома ХХI века, и в то же время непохожие.

На углу 8-й Рождественской и Суворовского мы увидели мальчишку-газетчика, который, размахивая над головой газетой «Рабочий путь», громко кричал: «Разгром флота кайзера у острова Эзель! Потоплены несколько германских линкоров и крейсеров! Красный революционный флот преследует противника!»

Прохожие, услышав выкрики продавца, брали газеты нарасхват. Через несколько минут сумка пацана была уже пуста, и он вприпрыжку помчался по Суворовскому в сторону Кавалергардской. Как я понял, в типографию «Труд», за новой пачкой газет.

А на углу 2-й Рождественской я увидел афишную тумбу, у которой толпилась куча народа. Отпихивая друг друга локтями, студенты и мастеровые, чиновники и купцы с ближайших складов на Мытнинской, с увлечением рассматривали красочную афишу-анонс нашего вечернего спецвыпуска.

Наши мастера от души постарались. На афише аршинными буквами было написано: «Читайте большевистскую газету „Рабочий путь!“ Только там вы узнаете все подробности блестящей победы красного Балтийского флота над грозной эскадрой кайзера Вильгельма!» А вокруг этого выкрика был размещен коллаж из цветных фото. Тут были и погружившийся в воду по самую башню линейный крейсер «Мольтке», и пленный адмирал Шмидт, больше похожий на мокрую курицу, чем на блестящего германского флотоводца. Усеянный трупами немецких солдат и матросов берег Эзеля, толпы унылых пленных, окруженных довольными русскими матросами и солдатами. А самое главное — странного вида корабли под андреевским флагом, со стартующими с них ракетами, не менее удивительные летательные аппараты с красными звездами на хвостах и крыльях.

Мы с генералом Потаповым вышли из машины, и подошли к десятку людей, обсуждающих у афишной тумбы новость, которая взбудоражила весь город.

— Я говорю вам, что это американцы... Только у них может быть такая великолепная техника! — горячо жестикулируя доказывал своему оппоненту интеллигентного вида толстяк в котелке. — Они в апреле вступили в войну, и наконец-то показали кайзеру, где раки зимуют.

Собеседник толстяка, мужчина средних лет в форме «земгусара», с сомнением качал головой, не соглашаясь с аргументами поклонника заокеанской техники. — Ну, конечно, эти американцы ваши объявили себя «красными моряками Балтики», подняли андреевские флаги, и пошли бить германцев... Нет уж, во что во что, а уж в это я ни за что не поверю...

— Так эти кайзеровские наймиты, приехавшие из Женевы в plombированном вагоне, за деньги могут все что угодно, — злобно прошипел человек в чиновничьем мундире и

фуражке, с треснутым козырьком...

— Это кто кайзеровские наймиты! — неожиданно взревел мастеровой, до этого внимательно слушавший перепалку зевак у афишной тумбы, но в спор ни с кем не вступавший, — да я тебя за это, гнида!.. У меня брательник на «Славе» там сейчас воюет, а ты — наймиты!

И мастеровой, весьма не по-парламентски, с размаху врезал своим кулаком в ухо чиновнику. Тот вскрикнул, как испуганный заяц и, подхватив слетевшую с головы фуражку, пустился наутек...

— А вот кум сегодня мне рассказывал, что поутру в Таврическом саду приземлился чудной аппарат, — сказал молодой парень, с виду, приказчик. — Дескать, еще и не рассвело, как что-то в небе страшно зашумело — загремело, а потом сверху в сад спустилась машина, ни на что не похожая. Сама, как вагон конки, а наверху крылья крутятся, как у мельницы. А из нее люди вылезли. Лица у них черными масками закрыты...

— Ахти ты! — воскликнула с испугом бабулька с кошелкой, прислушивавшаяся с любопытством к разговору мужчин. — Матерь Божья, Царица Небесная, это что ж такое на свете происходит?!

В это время с Невского на Суворовский завернул молодой морской офицер. Погон на флоте сейчас не носили, поэтому в каком он чине, сказать было затруднительно. Он подошел к афишной тумбе, и стал с изумлением рассматривать плакат-анонс. Глаза его полезли на лоб от удивления, а лицо осветила глуповато-радостная улыбка.

— Братцы! — воскликнул он, — да что ж это?! Это ж победа, братцы! Ура! Столпившиеся у тумбы с удовольствием трижды прокричали ура, а потом, от избытка чувств, бросились к мичману и стали его качать. Не привыкший к такому выражению восторга, юный офицер, взлетал над головами людей, испуганно прижимая к груди фуражку...

Вдоволь налюбовавшись на проявление народных чувств, мы снова сели в автомобиль, и поехали дальше. Свернув на Невский, мы добрались до Караванной улице, свернули на нее и выехали к Михайловскому манежу. Я знал, что во время 1-й мировой войны в нем располагался запасной бронедивизион. Впрочем, часть броневигов сейчас была в ремонте, часть охраняла Смольный. Личный состав бронедивизиона большей частью сочувствовал большевикам, поэтому Сталин предложил расположить нашу технику в Манеже, благо размеры здания это позволяли сделать. Да и место было выбрано удачно — центр города, рукой подать до важнейших государственных объектов.

Сделав соответствующие пометки на карте города, мы поехали дальше. К вечеру надо все закончить, чтобы прибывшие ночью части знали куда и каким путем им выдвигаться на исходную. Времени у нас было не так уж и много...

12 октября (29 сентября) 1917 года, 15:35. Финский залив, на траверзе Гельсингфорса.

Германский разведывательный дирижабль L-30 совершал свой обычный полет над акваторией Финского залива. Шесть ДВС фирмы «Maybach», каждый по 250 лошадиных сил тянули вперед жесткую 198-ми метровую сигару с черными тевтонскими крестами на боках. Пройдя над якорными стоянками Гельсингфорса, фрегаттен-капитан Ганс Венд убедился, что в главной военно-морской базе русского Балтийского флота все спокойно. Русские линкоры и крейсера не разводят пары, и не собираются сниматься с якорей. Презрительно

усмехнувшись фрегаттен-капитан приказал передать результаты разведки на базу. Радиостанция, произведенная компанией «Telefunken», и состоящая из трех частей 120 метровая антенна обеспечивали связь на дальности 1500 км. Как ни странно, но Либава молчала. Не добившись ответа от своей базы, фрегаттен-капитан приказал выйти на связь с Главным морским штабом.

Сообщение, полученное из Вильгельмсхафена в ответ на радиограмму о ситуации в Гельсингфорсе, повергло фрегаттен-капитана в ужас.

— База в Либаве полностью уничтожена аэропланами противника. Немедленно возвращайтесь в Путциг, а если хватит запасов топлива, то и прямо в Вильгельмсхафен. Смертельная опасность в центральной части Балтики, прокладывайте маршрут избегая района к западу от Моонзундских островов.

На вопрос командира нет ли тут какой ошибки в расшифровке, радист побледнел и пожал плечами, — Герр, фрегаттен-капитан я два раза все перепроверил. Да и база в Либаве не отвечает уже больше трех часов...

— Хорошо, обер-маат, — кивнул командир L-30, — с этим мы разберемся, когда прибудем в Вильгельмсхафен. Но на всякий случай проложим курс через Либаву, посмотрим, что и как там уничтожено.

Ганс Венд не знал, что в рамках операции «по принуждению Германии к миру» по базе разведывательных дирижаблей в окрестностях Либавы был нанесен бомбовый удар. Три истребителя-бомбардировщика Су-33 в один заход равномерно засеяли летное поле и ангары мелкими осколочными бомбами из разовых бомбовых кассет РБК-250. И с ужасом и недоумением взирали на картину рукотворного апокалипсиса те из немногих немецких пилотов цеппелинов и техников, кто не был убит еще в первые секунды налета, не сгорел заживо, когда взорвались склады ГСМ и газгольдеры, кого не погребло под пылающими руинами казарм, штаба и ангаров. Сдетонировавшие бомбы, в том числе и с химической начинкой, добавляли к дымам пожарища непередаваемое амбре сгоревшего тротила, хлорциана и иприта. Всего три похожих на наконечник копья, стремительных как молния, аэроплана с красными звездами на крыльях поставили точку в существовании базы. Видимые отсюда дымы, сплошной пеленой поднимающиеся над Либавой, говорили понимающим людям о том, что и там эти «пришельцы из ада» не оставили камня на камне.

«Сушки» нанесли свой удар в том момент, когда персонал базы лихорадочно готовил все имеющиеся в наличии дирижабли к массированному ночному налету на Петербург, спланированному по образу и подобию ночных налетов на Лондон. Более того, по русской столице было приказано применить даже химические боеприпасы, которые немцы никогда не использовали при налетах на Лондон и Париж. Это необдуманное и, скорее, истеричное решение было вызвано тем, что Германский генеральный штаб был разъярен крахом «Альбиона» и жаждал крови.

Всего этого не знал фрегаттен-капитан Венд, когда командовал штурману корветтен-капитану Клаусу Функу, — Курс зюйд, скорость крейсерская. Если папа Тирпиц запрещает нам соваться в центр Балтики, то пойдем через Ригу-Либаву-Данциг. Как у нас с топливом?

— Хватит до Вильгельмсхафена даже если вы прикажете лететь туда через Новгород и Киев, — ответил штурман.

— Не прикажу, — засмеялся Венд, — пройдем над Либавой, посмотрим сверху на свою базу. А то всякое может быть, помнишь, было нечто похожее, когда старина Питер пролил пиво на свой аппарат?

Но до предела изношенной старушке L-30 (в нашей истории этот дирижабль был списан по износу 17 ноября 1917 года) не суждено было не только пролететь над Либавой, но даже над Ригой. Более того, даже на эстонский берег Финского залива германским аэронавтам не удалось полюбоваться хотя бы издали.

Со скоростью характерной скорее для городского такси конца XX века L-30 направился на юг. В разрывах облаков изредка мелькала морская гладь. Вдруг впереди, прямо по курсу дирижабля показались военные корабли под андреевским флагом, много кораблей. Это пересеклись пути германского дирижабля L-30 и десантного соединения, возглавляемым БПК «Североморск».

Там внизу, на борту «Североморска», да и других военных кораблей, радары ПВО давнѐ обнаружили приближающийся с левого траверза германский дирижабль. Какое-то время было сомнение в его государственной принадлежности, но потом в разрывах облаков мелькнул серый корпус с тевтонским крестом на борту, и все стало ясно. До самого последнего момента цель сопровождали две одноствольных 100-мм установки АК-100 на Североморске, четыре двухствольных 76-мм установки АК-726 на учебных кораблях, и семь двухствольных 57-мм установок АК-725 на БДК.

Капитан 1-го ранга Перов принял решение, и в небо ударила стена огня. Для интегрированная системы ПВО, предназначенной для отражения массированных атак низколетящих ПКР и истребителей-бомбардировщиков со штурмовиками, цеппелин стал просто летающей мишенью. Огромная сигара буквально утонула в цветах разрывов снарядов с радиовзрывателями.

— Шайзе! — только и успел выкрикнуть Курт Венд, когда идущие снизу корабли вдруг запылали частыми-частыми зенитными очередями. Про пулеметы трех-четырёхдюймового калибра фрегаттен-капитан никогда не слышал. Вокруг дирижабля во множестве стали вспыхивать разрывы зенитных снарядов, по обшивке гондолы забарабанили осколки. В памяти командира L-30 на всю жизнь отпечаталась яркая бело-голубая вспышка прямо перед носовым остеклением, ледяное крошево битого стекла, брызнувшее в рубку, и окровавленное тело рулевого, повисшее на штурвале. Пол гондолы под ногами подозрительно перекосялся, а стрелка альтиметра стремительно раскручивалась, показывая, что дирижабль падает. Это стало причиной того, что гондолу до сих пор не была охвачена пламенем. Корветтен-капитан Клаус Функ, зажимая окровавленную рану на предплечье, обернулся к своему командиру, — Уходи отсюда, Курт, немедленно уходи! Иначе ты сгоришь вместе с нами...

— Только вместе с тобой, дружище, — Курт потянул раненого боевого товарища к помещению за рубкой в котором на специальной привязи висели парашюты системы Хейнике. Быстро застегнув на штурмане ремни подвески, Курт Венд резким движением вытолкнул его из гондолы. Парашют Хейнике раскрывался принудительно, при выдергивании привязанного к корпусу летательного аппарата специального фала. Правда и раскрывался он далеко не всегда, но об этом у фрегаттен-капитана уже не было времени подумать.

Дирижабль падал, заваливаясь на левый борт, и кренясь на нос, где были разорвано большинство ячеек с водородом. Кроме того, к фрегаттен-капитану со страшным гулом приближался самый страшный враг любого дирижабля с водородной начинкой — Его Величество Пожар...

Курт Венд быстро влез в привязную систему, которой надеялся никогда не воспользоваться и, застегнув ремни, бросился за борт. И вовремя — вслед за ним из

распахнутой двери на свободу вырвалась, сначала струя дыма, а потом ревущее ярко-желтое пламя. Но этого он уже не видел, потому что в этот самый момент он ощутил рывок раскрывшегося парашюта, как ему казалось, чуть не вытряхнувший его из подвесной системы.

Но все обошлось, парашют раскрылся, и сам он остался жив, ниже был виден еще один белый купол, а значит с камрадом Клаусом тоже все в порядке. Не успел Курт поднять глаза вверх, как мимо него, оставляя за собой жирный черный след, буквально рядом, пронесся потерявший форму, пылающий комок того, что еще несколько минут назад было дирижаблем L-30. Кроме них с Клаусом больше никто наружу не выбрался. Теперь двум германским аэронавтам предстояла не самая приятная процедура приводнения в ледяные осенние воды Финского залива. Пробковый жилет, конечно, вещь хорошая, но он не защитит от холода. И, кроме того, важно было еще постараться не утонуть, пытаться освободиться из не самой удобной подвесной системы. Намокший купол утянет парашютиста на дно так же надежно, как чугунная гиря.

Волны стремительно приближались, русские корабли становились все ближе и ближе. Кроме того, морскую гладь рассекали несколько быстроходных лодок, только и ждущих того момента, когда немецкие парашютисты коснутся воды. Клаус «приводнился» первым, и к накрывшему его белому куполу сразу же устремились две лодки. Плен?! Курт лапнул рукой кобуру на животе и похолодел. Она оказалась расстегнутой и пустой, его «морской» парабеллум, вылетел из нее во время раскрытия парашюта, и уже покоился на дне Финского залива.

Дальше все произошло быстро. Не успел фрегаттен-капитан, окунувшись в холодные воды, расстегнуть ремни, как возле него тут же оказались две русские лодки. Его не накрыло куполом, как беднягу Функа, и поэтому он видел своих спасителей во всех подробностях. Крепкие парни в зеленых пятнистых комбинезонах и черных пробковых жилетах безо всяких церемоний втащили его в одну из лодок. Связав Курту руки за спиной, они быстро освободили его от остатков подвесной системы. При этом кожаные ремни не расстегивались, а просто разрезались. Для ножа такой остроты человеческое тело — не более чем мягкая глина.

Последнее что запомнил фрегаттен-капитан Венд, было действие, которое он воспринял как жестокую пытку и, одновременно, изощренное издевательство. Один из русских, поболтав над ухом отстегнутой с пояса фляжкой, резким движением запрокинул Курту голову, и зажав ему пальцами нос, влил в его глотку не менее полстакана настоящего жидкого огня, ничуть не похожего по вкусу на германский шнапс. Конечно, что русскому здорово (разведенный спирт, настоянный на горьком стручковом перце), то немцу не совсем. Через три минуты алкогольная «анестезия» подействовала, и немец захрапел, свернувшись калачиком на дне лодки.

**12 октября (29 сентября) 1917 года, 15:00 Петроград.
Кавалергардская улица дом 40, типография газеты «Рабочий
путь»**

Александр Васильевич Тамбовцев.

Закончив рекогносцировку, мы на генеральской машине подъехали к месту службы генерала Потапова на Дворцовую площадь. Там мы со штабс-капитаном Якшичем, тепло попрощались с генералом, после чего вместе отправились в типографию газеты «Труд».

У входа в нее было самое настоящее столпотворение. Прочитав наш плакат-анонс о вечернем спецвыпуске, у типографии собралась невиданная толпа народу. Последний раз нечто подобное я видел, когда к нам в Питер заявила Луиза Чикконе, с невероятной наглостью присвоившая себе псевдоним «Мадонна». Был бы я Папой Римским, то отправил бы на костер эту старую вешалку за святотатство. Но здесь до такого разврата было еще далеко, и большинство из собравшихся хотели всего-навсего первыми купить этот спецвыпуск и узнать все подробности великого сражения с флотом кайзера.

Было тут немало наших коллег-журналистов из газет самых разных политических взглядов и направлений. Они пытались всеми правдами и неправдами пробраться в типографию, чтобы урвать для своих газет хоть какие-то подробности эпохального события. Но сделать это было не так-то просто — вход в типографию был наглухо закрыт для посторонних. Сталин созвонился с солдатским комитетом ближайшего к редакции Волынского полка, который дислоцировался на Парадной улице, и оттуда прислали взвод солдат во главе с фельдфебелем. После того, как молодцы-волынцы оцепили здание типографии, войти в редакцию «Рабочий путь» стало можно лишь по разовому пропуску, который выписывал лично товарищ Сталин. Мы попросили мальчишку-посыльного, с которым уже утром имели дело, сбегать, и сообщить главному редактору о нашем приходе. Тот сбегал и вернулся с пропуском на два лица.

Хмурый пожилой солдат с подозрением покосился на штабс-капитана, потом на меня, но, не сказав ни слова, пропустил нас, привычным движением нанизав наш пропуск на штык своей «трехлинейки».

Мы вошли в типографию, где все бегали, как наскипидаренные. Я почувствовал хорошо мне знакомую обстановку сдачи номера, когда еще многое не готово, а срок сдачи уже близок.

Сталин, на ходу вычитывая гранки, сообщил мне, что утренний тираж ушел с допечаткой почти в 20 тысяч экземпляров, и все равно его не хватило. Можно было бы продать еще столько же, но надо было уже начинать печатать вечерний спецвыпуск. Ирина, вся в пене и мыле, кусая взмокший черный локон, рассказала, что особо долго пришлось возиться с цинковками присланных с места событий фотографий. В типографии цинкографы едва-едва успевали изготавливать клише, а отдавать на сторону уникальные снимки не хотелось.

Во многом помогло то, что рукописные материалы уже были выведены Ириной на принтере, и линотипистам проще было их набирать. Правда, наша орфография была для них непривычна, и корректорам пришлось потрудиться. Но дело шло, уже вычитывались гранки,

типографский рабочий, носящий смешное название «тискальщик», делал оттиски уже сверстанных металлических полос. А было их, как гордо сказал Сталин, целых двенадцать. Своего рода, газета-«толстушка».

Я представил, как взвояет вечером город, когда прочтет подробности разгрома вражеского флота. Кстати, как рассказал мне Сталин, солдаты у входа в типографию уже отшили несколько хорошо одетых господ, которые размахивая дипломатическими паспортами, пытались прорваться в редакцию «Рабочего пути». Но солдатам было глубоко наплевать на всякие там дипломатические штучки-дрючки, и не имеющих пропуска импортных господ они отправили в пешее эротическое путешествие.

Но были «звоночки» и более серьезные. Объявились некие представители премьера Керенского, причем, в немалых чинах, которые ссылаясь на личное распоряжение «самого», потребовали, чтобы редактор немедленно выдал им все имеющиеся материалы о сражении в Рижском заливе. Солдаты, давно уже испытывающие к «Главноуговаривающему» вполне определенные чувства, на чистом русском языке послали подальше как самого Керенского, так и его «представителей». И пошли они по указанному адресу, солнцем палимы..., но, впрочем, обещали вернуться.

Поэтому, от греха подальше, Сталин попросил подкрепления. И оно пришло. Точнее, приехало. К дому на Кавалергардской, отчаянно тарахтя и дымя, подъехали два броневика. Один «Гарфорд-Путиловский», был вооружен 76-мм противотанковой пушкой образца 1910 года, и тремя пулеметами «Максим». Второй был полегче — «Остин», вооруженный двумя «Максимами». Он был копией того «ленинского» броневика, который в наше время стоит в зале Артиллерийского музея.

Из броневиков вылезли их командиры, обряженные в отчаянно скрипящие кожаные куртки, и заявили, что направлены в распоряжение товарища Сталина, и готовы выполнить все его распоряжения. Заняв указанные им места, они развернули свои пулеметы, готовые отбить вторжение незваных гостей. Морские пехотинцы во главе с сержантом Кукушкиным, присланные адмиралом Ларионовым, установили свои стреляющие игрушки в ключевых точках обороны, и играли роль «засадного полка», спрятанного за Вороньем камнем. На всякий случай я спросил у Сталина — не вызвать ли нам для подкрепления наших бойцов с подходящих к Питеру кораблей. Сталин, немного подумав, сказал, что имеющихся у него в наличии сил пока вполне достаточно.

— Поймите, Александр Васильевич, — сказал он, потирая красные от бессонницы и усталости глаза, — «временные» в данный момент не решатся направить против нас крупные силы. А от взвода юнкеров мы уж всяко отобьемся.

— Ну, что ж, товарищ Сталин, вам виднее, — ответил я, — только ведь у нас говорят, что береженого и бог бережет...

— Уважаемый Александр Васильевич, — сказал Сталин, — большое вам спасибо за заботу, только мы не хотим, чтобы ваших людей «в полной красе» увидели здешние обыватели. Нужно время пока еще не подошло...

— Дело ваше, — я поднял глаза к потолку, кое-что прикидывая в уме, — но в случае внезапного обострения обстановки первое наше подкрепление в виде взвода спецназовцев ГРУ, вылетевшего на вертолетах с борта десантного соединения, сможет прибыть минут через сорок. Еще минут через тридцать с основной части эскадры прибывает два взвода таких же бойцов. За юнкеров я не беспокоюсь, а вот казачки могут учудить незнамо что. Что-то, знаете ли, на сердце у меня ноет, предчувствие какое-то нехорошее. Вы бы послали

мальчишек проследить за казачьими частями. Если их начнут поить вином, то это не к добру...

— Предчувствие, говорите, — сказал Сталин, поднимаясь на ноги, — предчувствие дело хорошее. Чего-чего, а вина у Керенского целые подвалы, прямо под Зимним. И, если что, может вы и правы... Нет ничего хуже пьяных казаков. Пойду, распоряжусь...

— Товарищ Сталин, — остановил его я на пороге, — если что — не ищите меня. Командуйте сразу сержанту Кукушкину, он в полном вашем распоряжении, и у него есть способ вызвать сюда все силы ада.

— Хорошо, — сказал Сталин, усмехнувшись, — я учту это. Но постараюсь, избежать обвинений в связях с сатаной...

Мало-помалу наша работа над номером подходила к концу. Готовые и вычитанные полосы ложились на стол Сталину. Печатники готовили печатные формы для ротационного станка. Наготове была бригада фальцовщиц, которые должны были брошюровать отпечатанные полосы.

Наконец все было готово к выпуску номера. Мы со Сталиным зашли в его закуток, чтобы перевести дух, выпить чаю, и побеседовать.

— Александр Васильевич, — спросил он меня, — как там наши посланцы, благополучно ли добрались до места назначения?

— Все в порядке, — ответил я, — тут мне по радиции сообщили, что Дзержинский и Бонч-Бруевич уже на флагманском корабле адмирала Ларионова. От адмирала Бахирева к ним присоединился контр-адмирал Пилкин, и сейчас там идет совещание. Думаю, что наш адмирал найдет общий язык с Феликсом Эдмундовичем и Михаилом Дмитриевичем. А я сегодня имел беседу с Николаем Михайловичем Потаповым. Он полностью поддерживает большевиков, и вас, Иосиф Виссарионович, в частности.

— Да, Александр Васильевич, — задумчиво сказал Сталин, — генерал Потапов честный человек, который хорошо понимает, что дальнейшее правление Керенского и его компании — это смертный приговор для России. Неплохо было бы, если и остальные генералы и офицеры русской армии это поймут. Ваша помощь в разгроме германского флота спасла не только Красный Петроград от опасности захвата. Когда люди, болеющие за судьбу страны и народа узнают, что именно произошло в Моонзунде, и что благодаря вашей победе появилась возможность закончить эту проклятую войну без аннексий и контрибуций, то власть перейдет Советам без кровопролития и вооруженной борьбы.

— Да, товарищ Сталин, так оно и было в нашей истории, — сказал я, — очень многие люди, которые поначалу не приняли Советскую власть, позднее стали служить ей не за страх, а на совесть. Среди них были и некоторые министры Временного правительства. В частности, Александр Васильевич Ливеровский, министр путей сообщения. Позднее он преподавал в питерском Институте инженеров путей сообщения, а во время войны участвовал в строительстве ледовой дороги через Ладогу, которую потом называли «Дорогой жизни». Был награжден тремя советскими орденами. Чтобы уменьшить количество честных людей, которые не приняли революцию, нужно будет признать неактуальным тезис Энгельса о полном сломе старой государственной машины. Может тогда, еще и Гражданской войны сумеем избежать.

— У нас многие будут против, — задумчиво ответил Сталин. — Им бы лишь разломать все «до основания». А вот над тем, как будут строить «наш, новый мир», они не задумываются... Кстати, об этом Ливеровском. Интересный человек, надо с ним будет

поговорить, — потом он осторожно спросил меня, — Александр Васильевич, простите, нам так и не удалось поговорить с вами спокойно, без помех. Вы не расскажите мне о том, что произошло с Россией в XX веке. Ведь я ничего не знаю ни о войне, которая была, как я понял, с германцами, и об этой «Дороге жизни», которую строили через Ладогу. Вот только закончим с этим номером...

В этот момент прибежала раскрасневшаяся Ирина с пачкой готовых полос. — Все, Иосиф Виссарионович, готово, — дрожащим от волнения голосом сказала она, — ставьте вашу визу, товарищ Сталин, и можно приступать к печати.

— Как говорят верующие — с Богом! — сказал, улыбнувшись Сталин, и красным карандашом написал на первой полосе, — «в печать», — после чего поставил свою подпись.

— Ой, что теперь будет, — пискнула от восторга Ирина, — Александр Васильевич, как здорово, что мы попали в это время, ведь это так интересно — делать историю!

Довольный Сталин с улыбкой посмотрел на Ирину, потом на меня, и сказал,

— Итак, товарищи, мы готовы сделать свой ход. Посмотрим, чем ответит нам господин Керенский...

Премьер-министр Российской республики Александр Федорович Керенский.

Дурные предчувствия мучили меня сегодня с самого утра. И дело даже не в том, что власть утекала из моих рук, словно вода сквозь пальцы. Внутренне я уже смирился с тем, что скоро придется передать бразды правления в другие руки, а самому пересестись в уютное кресло депутата Государственной думы (или, как там потом будет называться подобный орган?)... Даже возвращение к адвокатской практике не особенно пугали меня.

Я боялся другого. Мне уже довелось посидеть в тюрьме. В 1905 году, под самое Рождество, меня, тогда еще молодого адвоката и члена партии социалистов-революционеров арестовала охранка за хранение партийной литературы и оружия. На тюремной карете с зарешеченными окнами меня отвезли в «Кресты» — знаменитую петербургскую тюрьму.

После ареста я попал в одиночную камеру. На всю жизнь она запомнилась мне: помещение пять с половиной шагов в длину и три с половиною в ширину, штукатуренные стены окрашенные темно-коричневой масляной краской. В середине двери было проделано квадратное отверстие, четверти в полторы — форточка, откидывавшаяся в сторону коридора и запиравшаяся на замок. В эту форточку подавали из коридора пищу.

Здесь я выучил тюремную азбуку, что позволило перестукиваться с соседями. В общем-то жизнь в «Крестах» была не настолько уж скверной. Я, как это ни покажется странным, почти наслаждался своим одиночным заключением, которое предоставляло время для размышлений, для анализа прожитой жизни, для чтения книг сколько душе угодно.

Правда, сидеть за решеткой мне пришлось недолго. 5 апреля 1906 года я был отпущен на свободу, так как в России была объявлена амнистия. Через двенадцать лет, когда открылись полицейские архивы, выяснилось, что за решетку я попал на основании донесений о том, что мою квартиру эсеровские террористы использовали для подготовки покушения на самого Николая II! А эти сведения жандармам предоставил ни кто иной, как Евно Азеф, самый знаменитый провокатор охранного отделения!

Вот только в этот раз тюремное заключение может оказаться не таким уж приятным. Народ озлобился, и меня могут просто не довести до тюрьмы, если к власти придут мои нынешние оппоненты — эсдеки-большевики во главе с этим Ульяновым.

— Эх, а ведь у нас с ним один день рождения, — вдруг с горечью подумал я, — только он старше меня на одиннадцать лет. А вот учились мы с ним в одной гимназии. Правда, заканчивал учебу я в Ташкенте, куда отправили моего отца в качестве главного инспектора народных училищ Туркестанского края. Там я даже заработал золотую медаль. Как и Ульянов Симбирске. Но что меня ждет здесь, в Петрограде? Этот Ульянов и его однопартийцы — люди далеко не сентиментальные. Им прикончить меня — проще пареной репы...

Мои грустные размышления прервал неожиданный визит послов Франции и Англии. Ничего приятного от подобного визита я давно не ждал, и сразу же насторожился.

После приветствия французский посол Жозеф Нуланс протянул мне свежий номер большевистской газеты «Рабочий путь», с огромным заголовком на первой странице: «Историческая победа Революционного Красного Балтийского флота! Вражеское нашествие

на Петроград с целью удушения революции, завершилось полным разгромом неприятеля!».

— Уважаемый Александр Федорович, — спросил меня французский посол, — не могли бы вы пояснить нам, о чем собственно идет речь? О какой такой победе над флотом кайзера?

— Насколько нам известно, — вступил в разговор британский посол Джордж Бьюкенен, — германское командование планировало провести во второй декаде сентября крупную операцию по захвату островов Моонзундского архипелага. Наши разведчики заранее оповестили Адмиралтейство о замыслах противника, а мы, в свою очередь, сообщили о планах германцев вашему командованию.

Силы, которые они предполагали задействовать, во много раз превосходили силы Балтийского флота. И вдруг — такое тяжелое поражение... Причем, если верить этой газете, немецкий десантный корпус понес просто ошеломляющие потери. Проще сказать, что он просто уничтожен. Сейчас мы не в состоянии ничего понять, но рано или поздно мы все выясним... Может быть, уважаемый господин премьер-министр, вы нам поможете разобраться в том, что сейчас происходит в районе Рижского залива?

Я выслушал вопросы послов союзной нам Антанты, и уныло подумал, что ничего по существу сказать им не могу. Эти проклятые большевики подмяли под себя Центробалт, который — какая наглость! — десять дней назад заявил, что не признает Временное правительство и отказывается выполнять мои распоряжения. А командование Балтфлотом и офицеры, сидят тише воды, ниже травы, опасаясь сказать слово против. Они еще не забыли зверские расправы разнузданной матросни в феврале и в июне, когда офицеров убивали просто ради забавы.

— Господа, — я попытался сохранить хорошую мину при плохой игре, — я непременно наведу справки, и постараюсь дать вам исчерпывающий ответ на все ваши вопросы. Сейчас же я отправлю запрос морскому министру адмиралу Вердеревскому, чтобы он сообщил мне все, что ему известно о положении в районе Моонзунда.

Я позвонил в колокольчик, и в кабинет вошел мой адъютант. Дав ему поручение связаться с Вердеревским, я продолжил беседу с послами.

— Господа, как бы то ни было, но я все же полагаю, что известие о победе над флотом нашего общего противника можно считать хорошей новостью. Я не совсем понял — что вас так встревожило?

— Господин премьер-министр, — ответил Бьюкенен, — нас тревожит все непонятное, по городу ходит слух, что так проявила себя некая «третья сила», которая не принадлежит ни флоту Антанты, ни флоту какой-либо другой страны... Поверьте, иной раз даже известный враг лучше неизвестного союзника. Никто не знает, что у него на уме...

— Позвольте, господин посол, — удивился я, — о какой такой третьей силе может идти речь? Разве не моряки нашего Балтийского флота нанесли поражение эскадре кайзера?

— Если бы это было так, — ответил Бьюкенен, — но наша разведка перехватила переговоры командиров немецких судов по радиотелеграфу. Очень любопытные переговоры. Так вот, речь в них шла о внезапной атаке в полной темноте каким-то сверхъестественным оружием, способным в один-два удара повредить и даже утопить новейший дредноут. Говорилось и о летательных аппаратах, неизвестного типа не похожих ни на дирижабли, ни на аэропланы, и оснащенных воистину смертоносным оружием. Такого ужасного оружия и таких летательных аппаратов нет ни у нас, ни, тем более, не может быть у вас...

В этот момент в кабинет вошел мой адъютант, и сообщил мне, что адмирал

Вердеревский прибыл, и хочет сообщить мне нечто очень важное. Я попросил адъютанта немедленно пригласить адмирала войти.

Дмитрий Николаевич был возбужден и очень встревожен. В левой руке у него был свернутый в тугую трубку большой бумажный лист. Тогда я подумал, что это карта. Поздоровавшись с послами, он сразу перешел к делу.

— Александр Федорович, вы просили прояснить ситуацию, сложившуюся в районе Моонзунда. Я связался с вице-адмиралом Бахиревым, но Михаил Коронатович не смог мне сообщить ничего вразумительного. По его сведениям, едва начавшуюся германскую операцию неожиданно пресекла эскадра боевых кораблей, над которыми подняты андреевские флаги. По его данным этой эскадрой командует некий контр-адмирал Ларионов. Насколько мне известно, в русском флоте не было и нет адмирала с такой фамилией, но тем не менее существование и данной эскадры и самого Виктора Сергеевича Ларионова подтверждает контр-адмирал Пилкин, посланный туда офицером связи. По его сообщению именно эти корабли полностью уничтожили десантный корпус немцев, а так же потопили линейный крейсер «Мольтке», несколько легких крейсеров и неустановленное количество мелких кораблей, от эскадренных миноносцев до баркасов и плашкоутов. По сообщениям с береговых батарей, командиры которых своими глазами наблюдали всю картину, в ходе сражения корабли адмирала Ларионова применяли доселе неизвестные виды оружия. Более подробный отчет о произошедшем в Рижском заливе сражении вице-адмирал Бахирев обещал составить и прислать позднее.

Вердеевский неожиданно усмехнулся, — И еще, Александр Федорович. Вот посмотрите, что сейчас расклеивают и уже читают на улицах города, — с этими словами Вердеревский протянул мне свернутую в трубку бумагу, которая оказалась не картой, а большим плакатом. Я положил его на стол и развернул. Послы, внимательно слушавшие мой разговор с морским министром, подошли поближе, заглядывая мне через плечо. Действительно, посмотреть было на что. На прекрасного качества листе гладкой бумаги была напечатана подборка фотографий, на которых запечатлены картины морского сражения.

На первой был виден огромный полузатопленный корабль. — Это линейный крейсер «Мольтке», однотипный «Гебену», — пояснил мне адмирал Вердеревский.

Выглядел «Мольтке» весьма непрезентабельно. Похоже, что он был потоплен после попадания в него снарядов чудовищного калибра. Во всяком случае, разрушения на нем были заметны невооруженным глазом.

На второй фотографии мы увидели берег моря, сплошь усеянный трупами немецких солдат и матросов. На третьей — несколько десятков пленных, испуганных и жалких. На четвертой был изображен немецкий адмирал с кучкой испуганных и каких-то помятых офицеров, как следовало из подписи, это был адмирал Шмидт со своим штабом, взятый в плен большевистскими морскими пехотинцами.

Похоже, что германский адмирал перед фотографированием какое-то время плавал в море. Во всяком случае, было видно, что одежда на нем была еще мокрая, а сам он был хмур и зол на всех на свете.

А вот следующие фотографии вызвали возглас изумления у господ послов. И было чему удивляться. На ярком цветном фото был изображен боевой корабль с развевающимся на его мачте андреевским флагом. Корабль стрелял из... Тут я затрудняюсь сказать — из чего. Я вопросительно посмотрел на Дмитрия Николаевича, который в ответ лишь пожал плечами.

Было лишь понятно, что это оружие. Пламя вырывалось из какой-то трубы, множество которых были наклонно установлены вдоль борта этого корабля. Сам же корабль выглядел необычно. Я еще раз посмотрел на Вердеревского.

— Александр Федорович, — сказал он, — таких кораблей нет ни в одном из флотов мира. Это я вам могу сказать точно. Это что-то совершенно новое, совершенно неизвестное, я затрудняюсь даже точно определить класс этого корабля...

Рядом была напечатана еще одна фотография, на которой мы увидели странный летательный аппарат с андреевским флагом на борту и красными звездами на высоких киях. Эти аппараты не имели крыльев, и держались в воздухе с помощью огромных винтов, которые вращались над ними. Судя по всему, винтокрылые аппараты были боевыми машинами. Во всяком случае, под одним из них были подвешены предметы, напоминающие бомбы или снаряды.

— Что вы теперь скажете, господа? — спросил я у послов.

Те в ответ лишь развели руками. Я же обратил их внимание на огромных размеров заголовок плаката: «Читайте большевистскую газету „Рабочий путь!“ Только там вы узнаете все подробности блестящей победы революционного Балтийского флота над грозной эскадрой кайзера Вильгельма!»

— Получается, что эта таинственная эскадра действительно союзна большевикам? — растерянно спросил у меня французский посол Нуланс.

В ответ я лишь пожал плечами, ибо сам знал не больше чем они. В глазах Нуланса и Бьюкенена недоумение сменилось тревогой. Они неожиданно стали прощаться, и заторопились к выходу. — Понятно, побегут сейчас в свои посольства, писать спешные донесения своим правительствам.

Послы ушли, и я посмотрел на Вердеревского, он — на меня... Почему-то мне вдруг вспомнилась «немая сцена» из «Ревизора», и поза судьи Ляпкина-Тяпкина, который, «с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: „Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!“...»

Откланявшись, и морской министр тоже покинул меня, обещав держать в курсе всех событий. Ага, сейчас! Побегит к победителям по известному адресу в Смольный...

А вот что мне делать то? Кому писать донесение? На деревню дедушке? Государю-императору Николаю Александровичу? Или вон, стоит телефон, снять трубку и сказать, — Барышня, дайте Кавалергардскую улицу, дом 40, типографию газеты «Труд», — и попросить к аппарату товарища Сталина.

Эх, была не была... Сталин — не Ульянов, он всегда придерживался спокойной, взвешенной и разумной позиции... Ноги сами привели меня к столику с телефоном, рука сама взяла трубку и поднесла к уху.словно кидаясь в бурную горную речку с обжигающей кожу водой, я произнес, — Алло, барышня, дайте пожалуйста Кавалергардскую улицу, дом 40, типографию газеты «Труд», — и после короткой паузы, — Позовите пожалуйста к аппарату товарища Сталина. Кто говорит? — Керенский Александр Федорович, премьер-министр Российской Республики...

12 октября (29 сентября) 1917 года, Петроград.
Кавалергардская улица, дом 40, типография газеты «Рабочий путь»

Александр Васильевич Тамбовцев.

Товарищ Сталин подписал номер к печати, зашумели-загремели ротационно-печатные станки, выплевывая полосы. На длинных столах расположились фальцовщицы, которые ловко собирали из отпечатанных разворотов «книжку» спецвыпуска, и сбрасывали готовый номер упаковщице. У входа в типографию за оцеплением волынцев рыли землю от нетерпения распространители, предвкушая неслыханный заработок от продажи газет. А на Кавалергардской улице уже собралась гудящая от возбуждения толпа потенциальных покупателей, сжимающих в потных ладонях мятые керенки.

Мы расположились в закутке типографии, и с наслаждением, не спеша листали газеты, остро пахнущие типографской краской. Газета оставляла ощущение хорошо сделанной работы. Конечно, по нашим временам, качество печати выглядело на троечку — изображение на фотографиях было не очень хорошим, бумага сероватая, почти оберточная. Но главное ведь не в этом, а в содержании газеты.

Там, во всех подробностях рассказывалось о разгроме немецкого десанта, о потоплении линейного крейсера «Мольтке» и легких крейсеров, о бегстве флота кайзера в Вильгельмсгафен, и прочих героических делах Революционной Большевистской Эскадры флота. Здесь же были интервью с героями этого сражения, в том числе и с командующим эскадрой большевиков конт-адмиралом Ларионовым. На полосах были фотографии невиданных кораблей, боевых летательных аппаратов, именуемых «вертолетами», пленных немецких солдат и моряков, потопленного «Мольтке», по палубе которого пробежали волны, жалкие, торчащие из воды, обломки того, что было когда-то германским легким крейсером «Франкфурт». Словом, информационная бомба в несколько мегатонн была готова к употреблению.

Довольный Сталин, хитро поглядывая на нас, сунул руку в неказистую тумбочку, и выудил оттуда большую, покрытую пылью бутылку темного стекла. Потом, пошарив, достал несколько пряников и жестяную коробку с леденцами.

— Вот, хорошее домашнее вино, — смущенно сказал он, — недавно земляк был проездом, привез. Думаю, товарищи, что сегодня мы имеем полное право отметить выход нашего спецномера. Как вы на это смотрите, Александр Васильевич?

Я кивнул. — Нормально смотрю, товарищ Сталин. Все мы взрослые мужчины, а хорошее грузинское вино позволительно пить даже дамам.

Действительно, поработали мы неплохо — это я скажу, как газетчик. А если вино и в самом деле домашнее...

Сталин, налил в стакан красное как кровь вино, расправил усы, и приготовился произнести какой-то витиеватый и красивый тост. В этот момент подошел один из печатников, и что-то тихонько шепнул нашему «тамаде» на ухо. От изумления тот чуть не выронил из рук стакан.

— Кто, говоришь, звонит? — спросил Сталин, — Иван, ты не ошибся?

— Нет, товарищ Сталин, — сказал печатник, — именно так и сказал, Керенский Александр Федорович. Просит вас сейчас подойти к аппарату.

Наступила немая сцена. Вид у товарища Сталина сейчас был такой, что приходили на ум слова бессмертной комедии Гайдая, — «Честное слово, ничего не сделал только вошел...». Наконец Иосиф Виссарионович опомнился от удивления и посмотрел на рабочего, который принес ему эту новость,

— Передай, что сейчас подойду, — сказал Сталин, и обернулся к нам. — Вот уж не ожидал, что господина «Главноуговаривающего» так примет наша газета. А ведь он еще не читал вечерний спецвыпуск «Рабочего пути».

— Скорее всего, ему доставили один из наших плакатов, — сказал я, — там все было изображено, более чем убедительно. Керенский по натуре патологический трус. И сейчас он спасает свою шкуру.

— Да уж, понимаю, Александр Васильевич, — сказал Сталин, и поставив стакан на стол, вышел из закутка. А мы переглянулись. Ирина сидела с глазами, круглыми, как юбилейные рубли.

— Александр Васильевич, — спросила она удивленным голосом, — выходит, революции не будет. И «Аврора» не выстрелит, и Зимний не будут брать штурмом?

— Скорее всего, да, — ответил я, — похоже, что в этот раз все обойдется без пиротехники. Чисто как было у нас под Новый год. «Я устал, я ухожу...» Тихо и мирно «временные» сдадут власть, и, получив пинка в зад для ускорения, пойдут в пешее эротическое путешествие. Конечно, потом каждый из них ответит за свои грехи. Если человек толковый, то он и без портфеля министра сможет принести пользу России. Ну, а если ему на роду написано быть «пламенным революционером», то он флаг ему в руки и барабан на шею. Грохнут болезного, или большевики, или их оппоненты... А потом еще сто лет все будут спорить — «что это было?», и является ли товарищ Сталин политическим наследником Керенского, или нет?

— Александр Васильевич, — спросила меня Ирина, — а что будет с Керенским?

— Ну, я думаю, что Иосиф Виссарионович сам решит этот вопрос. Возможно, отпустит на все четыре стороны. Ведь Сталин «ужасный душегуб и вурдалак» только в рассказах наших либерастов, которые сами себя так запугивали в вечерних посиделках на кухне под дешевый портвейн, что ночью боялись встать в туалет, и писали в кровати. А может, будет судить. За распродажу Родины англичанам. Но, как бы то ни было, Керенский теперь — политический труп. Этаким зомби.

— А какая теперь будет власть в России? — спросила неугомонная Ирочка.

— Власть будет советская, — ответил я, — а, что там и как будет дальше, давай не будем спешить. Кто персонально возглавит новое правительство, и кто за что будет отвечать, решить можно и позже. Тут главное — не допустить к власти Троцкого с его бандой. Слишком дорого это может обойтись России. Мы, к счастью, знаем, кто есть кто, и постараемся отсечь от власти тех, кто наломал дров во время революции, Гражданской войны, и сразу же после нее.

Тут в закуток вернулся Сталин. Лицо его было довольное, совсем как у кота съевшего блюдце сметаны. Он еще не сказал ни слова, но уже и так было ясно, что Александр Федорович Керенский выбросил белый флаг. Сталин молча взял со стола стакан с вином, и вместо тоста произнес,

— Поздравляю вас, товарищи, с тихой и незаметной, но от этого не менее великой

социалистической революцией. — Сталин до дна выпил стакан и вытер усы, — Керенский подает в отставку вместе со своим правительством, предварительно передав власть партии большевиков. Формирование правительства можно начинать уже сейчас. Официально он объявит о своей отставке завтра утром. Взамен Керенский выпросил у нас гарантию своей личной безопасности. Придется первое время его держать под надежной охраной, чтобы народ не устроил над ним самосуд. Кстати, на охране настаивал сам «Главноуправляющий». Уж больно он был напуган. — Сталин посмотрел в мою сторону, — Скажите, Александр Васильевич, а как в ваше время большевики взяли власть?

Я помялся. — Иосиф Виссарионович, в Петрограде свержение правительства Керенского прошло без особых эксцессов. Если не считать эксцессом разгром винных подвалов Зимнего дворца, и грандиозную пьянку, этак, на сотен пять персон. Жертв было мало.

Вот в Москве дело дошло до уличных боев. Там были большие потери. А, в общем и целом, к началу революции выяснилось, что правительство Керенского уже настолько всем осточертело, что за небольшим исключением, сражаться за него и умирать никому не хотелось. Но вот смута и последующая за ней гражданская война повлекли за собой многомиллионные жертвы.

Сталин, задумался, потом улыбнулся, и налил мне и Ирине по полстакана вина. Потом он, посмотрев на красное вино в стакане, сказал,

— Товарищи, давайте выпьем за то, чтобы на этот раз, с вашей помощью в России все обошлось малой кровью, а лучше совсем без нее, и нам не пришлось воевать со своими соотечественниками на радость европейским капиталистам. Лучше строить, чем разрушать, лучше улыбаться, чем плакать, лучше любить, чем ненавидеть. За нашу Советскую власть...

И мы выпили вместе со Сталиным.

12 октября (29 сентября) 1917 года, Петроград. Суворовский проспект, дом 48

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

После того, как весь тираж нашего вечернего номера был напечатан, сфальцован и упакован в пачки, мы решили немного отдохнуть и перекусить. Сразу скажу, несколько пачек с газетами, на самой верхней из которых Сталин поставил свой автограф, ждали okazji, чтобы отправиться на эскадру. Если бы удалось переправить одну такую газетку обратно в наш две тысячи двенадцатый, у публики был бы шок и когнитивный диссонанс.

Для принятия пищи товарищ Сталин предложил нам отправиться на 10-ю Рождественскую, к Аллилуевым, а я — на Суворовский, где расположились наши бойцы. Мы решили начать с Суворовского. Во-первых, надо было узнать, не поступила ли новая информация от адмирала Ларионова, а, во-вторых, необходимо было переговорить со Сталиным с глазу на глаз. Это можно было сделать лишь на Суворовском — в квартире Аллилуева было слишком много людей, которым не стоило знать ни о нашем иновременном происхождении, ни об уже произошедшем перевороте. А то желающих во власть много, набегут — замучаешься их отшивать. А ведь у каждого из них в голове свои тараканы — хорошо если только их фантазии продвигаются не дальше национализации всех женщин.

Мы вышли на улицу. Толпа у входа в типографию уже рассосалась. Все желающие купить спецномер, уже купили его, и теперь на Шпалерной и Кавлергардской кучками стояли люди, читающие вслух «Рабочий путь», и тут же, наподобие «пикейных жилетов» из «Золотого тельца», обсуждающие подробности сражения в Моонзунде.

Мы отпустили караул волынцев, стоявший в оцеплении и обеспечивавший нашу безопасность, и броневики. В благодарность мы дали и тем и другим по десятку номеров нашего спецвыпуска. Солдаты, забросив винтовки на плечо, гурьбой побрели по Шпалерной. А броневики, окутавшись черным дымом, потарахтели в сторону Смольного.

Ну а мы со Сталиным, Ириной и штабс-капитаном Якшичем, который все это время тихонечко сидел на стульчике в типографии, наблюдая за нашей работой, уселись в «Руссо-Балт» и поехали на Суворовский. Сержант Кукушкин, вместе со своими орлами, загрузился в прикомандированный генералом Потаповым грузовичок, и запыхал за нами следом.

На Суворовском наши «мышки», как оказалось, не теряли время даром. Они успели сбегать на находящийся неподалеку Мальцевский рынок, и выменять на пару газовых зажигалок кое-что из продуктов. Сюда же добавили несколько банок из сухпая... В общем, к нашему приходу поздний обед, или уже ранний ужин, был готов.

Сержант Свиридов принял с «Кузнецова» несколько радиogramм. Я быстро их прочитал. Переговоры с Дзержинским, Бонч-Бруевичем и примкнувшим к ним адмиралом Пилкиным шли успешно. Виктор Сергеевич сумел их убедить в том, что альтернативы большевикам нет, и в настоящее время, не предвидится.

За истекшее время наши самолеты успели совершить по несколько налетов на Либаву и другие порты Балтики. Уничтожены портовые сооружения, базы авиации, станция германских цеппелинов, командные центры противника. В Либаве, Данциге и Кенигсберге в портах горят угольные склады. Авиабомбы ЗАБ-500 ТШ — это страшная сила, тот кто и

выдумал, был настоящим пироманьяком. Даже если немецкое командование и вернет линкоры в восточную часть Балтики, то их совершенно нечем будет бункеровать.

Судя по перехваченным телеграммам немцев, среди высшего сухопутного и морского командования нарастает паника. Сам кайзер, находящийся в своей ставке в Кройцнахе, вызвал к себе ушедшего в отставку в марте прошлого года Альфреда фон Тирпица. Возможно, что Вильгельм, учитывая пророссийские взгляды гросс-адмирала, предложит ему пост канцлера, и даст полномочия на ведение переговоров с Россией о заключении сепаратного мира.

Обо всем этом я сообщил Сталину. Тот немного подумал, и неожиданно предложил перекусить, напомнив римскую пословицу: «*Satur venter non studet libenter*», что в переводе на язык наших родных осин означает — «Пустое брюхо к учению глухо».

— Давайте поедим, Александр Васильевич, — сказал он, а уж потом, не спеша, с чувством, с толком и расстановкой, поговорим о наших насущных делах.

Я вспомнил, что Сталин на ногах уже вторые сутки, и почти ничего не ел. Поэтому не стал возражать, и вместе со всеми отправился в столовую...

После принятия пищи все курящие дружно отправились отравлять атмосферу. Сталин ушел вместе со всеми. Под курительную использовали маленькую комнатку, в которой, по всей видимости, обычно жила кухарка или прислуга. А я стал прикидывать, как начать с будущим вождем обсуждение самого щекотливого вопроса — о власти. Вообще-то у меня был в ноутбуке записан небольшой документальный фильм о том, как происходила борьба внутри партии большевиков в период с 1917 по 1934 год. Я решил показать его Сталину. Пусть смотрит, размышляет. Если что еще спросит — подскажу.

Иосиф Виссарионович пришел из курилки довольный и пахнущий табаком.

— Ох, и веселые у вас ребята, Александр Васильевич, — сказал он мне, приглаживая усы, — хотя по моим догадкам, — сказал Сталин уже серьезным голосом, — бойцы они первоклассные, прошли, что называется огонь, воду и медные трубы. Наверное, пришлось им у вас повоевать?

— Да, люди обстрелянные, проверенные, — ответил я. — И порошу они понюхали вдоволь. К сожалению, и в нашем времени приходится стрелять и убивать.

— Значит, не получилось ни у нас, ни у вас обойтись без стрельбы и насилия, — печально сказал Сталин, — а ведь мы мечтали, что с переходом мира к социализму больше никогда на свете не будет войн. Несовершенен все же человек... Вы согласны со мной, Александр Васильевич?

— Полностью согласен с вами, Иосиф Виссарионович, — ответил я, — только дело, скорее, не в несовершенстве человека вообще, а в том, что слишком многие порочные по натуре люди пытаются дорваться до управления государством. И дорвавшись, они в борьбе за власть льют кровь людскую потоками, даже реками.

— Да, вопрос власти — наверное, один из самых важных в политике, — осторожно сказал Сталин, — как в вашем времени все обстояло? Ну, в общем, после того, как победила революция, и был низложен Керенский.

— Иосиф Виссарионович, — я посмотрел ему прямо в глаза, — мы предполагали, что вы зададите нам подобный вопрос, и подготовили для вас небольшой фильм, посмотрев который, вы многое поймете. Я сейчас включу аппарат для просмотра фильма — у нас он называется ноутбук, и выйду, чтобы вам не мешать. Вы посмотрите его. Когда же я вернусь, то, можете задавать мне какие угодно вопросы.

Настроив ноутбук, я щелкнул мышкой, запустив фильм, и развернув его экраном к Сталину, вышел к радистам. У них я выяснил, что известие о том, что Керенский готов передать власть большевикам, уже доложено адмиралу Ларионову и участникам совещания. Реакция самая различная: Дзержинский доволен, кажется его аналитический мозг «срисовал картинку» и оценил «красоту игры». Теперь нам с ним будет легче сотрудничать. Генерал Бонч-Бруевич сразу же стал прикидывать расклад политических сил, а контр-адмирал Пилкин глубоко задумался, впрочем, пока воздержавшись от комментариев. Но особых эмоций это известие ни у кого из них не вызвало. Может быть потому, что «Главноуговаривающий» у всех уже сидел в печенках. Пусть думают. Самое интересное начнется завтра.

Примерно через час, я зашел в комнату к Сталину. Фильм, похоже, кончился всего пару минут назад. Иосиф Виссарионович сидел, тупо уставившись в экран, разминая пальцами папиросу, и не замечая, что бумага уже порвалась, и табак сыпется на пол. Услышав, что открылась дверь, он повернулся ко мне, и взгляд его стал осмысленным.

— Вот значит как, Александр Васильевич, — голос Сталина звучал глухо, — из-за этой самой власти бывшие мои товарищи, с кем я вместе сидел в тюрьме, с кем был на каторге и в ссылке, будут интриговать, поливать друг друга грязью, словом, вести себя хуже, чем самые заклятые наши враги. Что происходит с людьми, Александр Васильевич, — сказал он горечью, — как можно им верить?

— Верить людям надо, Иосиф Виссарионович, и без веры этой жить нельзя. Но надс помнить, что не все люди могут устоять перед богатством, властью, славой и почестями. Многие из тех, с кем вы делали революцию, не смогли устоять.

Сталин задумчиво посмотрел на заставку на мониторе. — Александр Васильевич, скажите, у вас есть еще такие же фильмы о том, что произошло в вашем мире? Я бы очень хотел познакомиться с ними. Или книги — я обещаю, что кроме меня никто не узнает, что в них написано.

— Иосиф Виссарионович, — сказал я, — вы ведь прекрасно поняли, что в нашей истории именно вы стали человеком, который сумел снова собрать порушенную Российскую империю, и превратить ее в великую державу. Под вашим руководством наша страна выиграла, пожалуй, самую страшную в истории войну, когда вопрос стоял даже не о независимости, нет, о самом существовании нашего народа. И во всех этих делах рядом с вами были соратники, которые вам не изменили, устояли перед соблазнами. Вот на них и надо опираться.

Но вы узнали и о тех, кто был злейшим врагом вашим, тот, для кого Россия — всего лишь «охапка хвороста» для разжигания пожара «мировой революции». Да и мировая революция этим людям, в общем-то, не нужна. Они хотят власти, поклонения, возможность распоряжаться чужими жизнями для удовлетворения собственного тщеславия. Вы прекрасно знаете, о ком я говорю?

— Знаю, — коротко ответил Сталин, — и обещаю, что сделаю все, чтобы не допустить их к власти. Как и тех, кто видел в революции лишь возможность набить свои карманы и стать новой коммунистической аристократией.

— Вам придется нелегко, — сказал я, — но, Иосиф Виссарионович, мы обещаем вам, что окажем вам любую помощь в борьбе с теми, о ком вы сейчас говорили.

Сталин немного успокоился. Он достал из кармана куртки блокнот и карандаш. Положив их на стол, он внимательно посмотрел на меня.

— Александр Васильевич, подскажите, кого бы вы порекомендовали в качестве членов нашего будущего правительства. Кстати, мне понравилось то название, какое было придумано в вашем времени для людей, должности которых соответствуют министерским. Народный комиссар, — а что, красиво!

— Неплохо, тем более что слово «министр» себя, с подачи господина Керенского, окончательно дискредитировало. А в качестве председателя Совета народных комиссаров я бы порекомендовал вас, Иосиф Виссарионович. В нашей истории вы тянули всю практическую работу, в то время как другие занимались пустопорожней болтовней. Вы умели сами работать, и заставляли работать других. Что называется, руководитель от Бога.

Наркомом обороны — так можно назвать должность военного министра, я бы предложил назначить товарища Фрунзе. Вы знаете такого? — Сталин кивнул головой, — так вот, этот исключительно штатский человек оказался прекрасным военным руководителем. К сожалению, Михаил Васильевич рано умер. Но мы с нашей медициной постараемся сделать все, чтобы он прожил как можно дольше.

Феликс Эдмундович в нашей истории возглавил ВЧК — службу, которая боролась с контрреволюцией, бандитизмом и преступностью. Впрочем, для борьбы с уголовной преступностью я бы посоветовал привлечь старые и опытные кадры. Их разогнал полгода назад Керенский, но они будут честно работать, если не заниматься их травлей и унижением.

Вот, к примеру, Аркадий Францевич Кошко, бывший начальник сыскной полиции России. При нем на состоявшемся в Швейцарии Международном съезде криминалистов русская сыскная полиция была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений.

Наркомом иностранных дел, вместо Троцкого, который в нашей истории ухитрился перессорить Россию со всем миром и сорвать мирные переговоры с немцами в Бресте, может стать потомственный дипломат, Георгий Васильевич Чичерин. Талант, умнейший человек, искренне преданный России. Это не его заместитель, Макс Валлах, известный так же, как Максим Литвинов, который сделал все, чтобы Советская Россия оказалась втянутой в войну с Германией, женатый на англичанке, а дети внуки подались в «диссиденты».

Сталин внимательно слушал меня, делая какие-то пометки в своем блокноте. Потом он поднял глаза и спросил, — а кем должен быть в нашем правительстве Владимир Ильич Ленин?

— Владимир Ильич, человек, пользующийся огромным авторитетом в партии, — сказал я, — но он, скорее, не практик, а теоретик и политик. Основой нового государства станут Советы. Пусть Ильич возглавит ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Орган этот коллегиальный, поэтому ладить со всеми, добиваться единодушия, компромисса в принятии законов — это именно то, что лучше всего удастся Ленину. Тем более, что он юрист по образованию.

То, что ему предстоит сделать — воистину адова работа. Ведь все законодательство Российской Империи нуждается в пересмотре, и приведении в соответствие с реалиями Советской власти. Временные и так наломали дров, установив в стране анархию. Нужно будет все это как можно скорее привести в порядок.

Мы, со своей стороны, можем предоставить Владимиру Ильичу тексты советских конституций от 1923-го и 1936-го года. Первая конституция декларировала построение социализма, вторая — закрепляла уже достигнутые социалистические завоевания.

Сталин согласно кивнул головой. Скорее всего, он и сам бы предложил на эту

должность кандидатуру Ленина. В нашей истории председателем ВЦИК был Свердлов. Но (Яковом Михайлович его отношения были скверными давно, еще со времен сибирской ссылки, когда им пришлось вдвоем жить в одном доме. Все закончилось тем, что они окончательно разругались, и властям пришлось отправить Свердлова отбывать ссылку в другой населенный пункт.

Да и роль Свердлова в построении Советской Власти крайне противоречива и отдает трупным запахом. Наш спец по «острым акциям» полковник Бережной уже намекал на возможность скоропостижной смерти «Андрея Уральского». Имитация инфаркта или инсульта — в нашем ХХI веке дело не такое уж сложное.

— Да, Александр Васильевич, я внимательно подумаю над тем, что вы сказали, — задумчиво произнес Сталин. — Но Ильич сейчас в Выборге. Надо его побыстрее доставить в Питер. Можно ли это сделать с вашей помощью? А то в наше беспокойное время путешествие из Выборга в Петроград может быть весьма рискованным. Я видел, как люди путешествуют на вертолете. Может, и за Лениным в Выборг послать вертолет?

Я попросил у Сталина немного времени, чтобы переговорить с контр-адмиралом Ларионовым и решить этот вопрос. А чтобы Иосифу Виссарионовичу было не скучно, я предложил ему почитать одну умную книгу, которую нашел в библиотеке «Смольного» — не знаю, каким чудом она там оказалась. Книга эта была «Кратким курсом истории ВКП(б)»...

Вернувшись, я нашел товарища Сталина погруженного в чтение. Вот железный человек — как минимум полтора суток на ногах, и хоть бы хны!

— Товарищ Сталин, — отвлек я его от этого увлекательного занятия, — Виктор Сергеевич говорит, что вертолет это очень шумно, и напугает полгорода. А у товарища Ленина здоровье и так шалит. Представьте, явятся наши архаровцы в полном боевом, начнут спрашивать Ульянова, и все. Владимир Ильич подумает чего-то неправильное, и здравствуй инфаркт или инсульт. Не стоит пугать человека, жизненный опыт у него пожиже вашего будет. Если немного подождать, то БПК «Североморск» доведет транспортный караван до Питера. А потом быстро обернется в Выборг. Завтра утром Владимир Ильич не замочив ног сойдет на набережную у Смольного. Только вот проводник нужен надежный, которого Ильич в лицо знает и верит ему...

— Наверное, вы и ваш адмирал правы, — сказал Сталин, подумав, — несколько часов погоды не делают, а вот риск потерять Ильича очень велик. Тем более что на него в последнее время была открыта настоящая охота, и он действительно может принять ваших бойцов за убийц. Верного человека я вам дам, нужно только позвонить по телефону, когда все будет готово — скажете...

12 октября (29 сентября) 1917 года, Вечер, Петроградская Губерния. Гатчина

*Бывший Великий Князь, бывший командир дикой дивизии, бывший почти Император
Михаил Александрович Романов.*

Гатчинский пленник, скучая, смотрел в темнеющее за окном небо, затянутое серыми осенними тучами. Так же серо и беспросветно было в его жизни. Храбрец, отчаянный рубака, он всю жизнь боялся только одного, абсолютной власти, и связанной с этим ответственности. Ведь даже царю Алексею Михайловичу Тишайшему приходилось, и головы рубить, и войны соседям объявлять. А к подобному несостоявшийся император готов не был. Потому, наверное, и женился так, что бы наверняка закрыть для себя путь на престол. Наталья Сергеевна Шереметьевская-Мамонтова-Вульферт-Брасова, жена трех мужей. Опытная красавица с изрядной долей польской крови, что придавало ей определенный шарм, которая каждый раз искренне считала, что она, наконец, нашла свою «любовь с первого взгляда».

Она, и их маленький сын Георгий, которому недавно исполнилось семь лет, это и есть его единственная отрада в этом мире. Сейчас она, наверное, укладывает спать сына, который как всегда делает это с большой неохотой. Старшей дочери Натальи от ее первого брака с племянником знаменитого Саввы Мамонтова, тоже Наталье, а по-домашнему — Тате, недавно исполнилось четырнадцать лет. Вся в мать пошла, такая же шаловница, сидит, небось, и портит глаза читая книжку у тусклой керосиновой лампы. Хорошо, что бывший Великий Князь и бывший император не читал еще не написанную книгу скандально-знаменитого русского эмигранта и писателя-педофила Набокова «Лолита», а то бы мозги Михаила Александровича и вовсе бы съехали набекрень.

Посещали его и мысли суицидального толка, — Ну, почему, — думал он, — туберкулезом заболел не я, а брат Георгий. Он бы, наверное, со всем этим справился, а я бы тем временем спокойно лежал в могиле.

При этих мыслях у Михаила отчаянно заныл больной желудок, — Что-то Джонни задерживается, — подумал он, отходя от окна и сворачиваясь на кушетке в клубочек, — поехал в Петербург, обещал быть еще засветло, а сейчас уже почти совсем темно. Вот лечь бы, заснуть, проснуться, и ничего нет. Ни гадкого Керенского, ни ужасного Ульянова, ни глупого Корнилова, ни всех этих предателей Гучковых, Милюковых, Родзянок, которым Империя дала все, а они ее распяли, как шлюху на панели. Да и я хорош...

С этими мыслями он закрыл глаза, стараясь не шевелиться, авось, боль успокоится хоть немного быстрее. В этот момент где-то вдалеке послышался шум мотора. Михаил поднял голову. Явно это был звук мотора его «Роллс-Ройса». Встав с кушетки, Михаил Александрович выглянул в окно. Где-то вдали на темной дороге метался свет ацетиленовых фар. Это возвращался Джонни.

Джонни Михаил Александрович ласково называл Брайана Джонсона, своего личного секретаря, однокашника по Михайловскому артиллерийскому училищу и друга. Сын англичанки, преподававшей музыку царской семье, он настолько обрусел, что принял православие под именем Николая Николаевича. Друг человека, жизнь которого в любой

момент может оказаться в смертельной опасности. В нашей истории они так и умерли от рук палачей в один день и в один час. Неизвестно кто отдал приказ об убийстве, но это явно был не Ленин. Глава советского государства не нуждался в тайных приказах замаскированных под банальную уголовщину. Есть версия, что и убийство Михаила Романова и убийство других членов царской семьи было произведено по распоряжению Якова Свердлова, ведь Урал был его вотчиной. Но, вернемся к нашему повествованию.

Брайан Джонсон ворвался в комнату к Михаилу, потрясая в одной руке толстой газетой, в другой, каким-то плакатом.

— Майкл, Майкл, ты тут сидишь и ничего не знаешь! — тараторил он, — Большевики разгромили немцев при Моозунде, ужасные потери германского флота, десантный корпус почти полностью уничтожен! — в этот момент маленький и полненький Джонсон был похож на мальчишку-газетчика, зазывающего клиента.

— Вранье! — безапелляционно ответил Михаил.

— Какое вранье! Вот смотри! — с этими словами Джонсон раскатал перед Михаилом большой плакат, — буквально отобрал у расклейщика. Весь город гудит как растревоженное осиное гнездо.

Михаил склонился над плакатом, да так и застыл. Он увидел нечто НЕВЕРОЯТНОЕ. Разбитый и полузатопленный немецкий линейный крейсер, всего две дыры в палубе, других повреждений не видно, но корабль полностью уничтожен. Прочие сцены полного разгрома, которому подвергся германский флот, неоспоримы и не могли быть подделаны. А самым главным было то, что с прекрасных цветных фотографий на Михаила будто глянул иной мир. На снимках были не только побежденные и пленные немцы. Там Михаил увидел и победителей, не похожих на русских матросов и офицеров, несмотря на то что на их плечах были соответствующие званию погоны, а над кораблями развевались андреевские флаги.

И еще. Везде и всюду присутствовал доселе неизвестный Михаилу символ — красная пятиконечная звезда. Пока даже сам себе он не мог сказать, в чем именно, кроме совершенно незнакомого оружия и техники, заключается странность всего увиденного, но это чувство было настолько острым, что опять занял желудок, о котором Михаил уже совсем забыл. Техника, конечно, была совершенно неизвестная, но сейчас она развивается так быстро, что еще десять-пятнадцать лет назад никто и помыслить не мог, ни о броневиках и танках, ни о гигантских аэропланах «Илья Муромец», ни о линкорах и быстроходных линейных крейсерах. А вот люди, люди за это время совершенно не поменялись. Какими они были в русско-японскую войну, такими же пошли и на германскую.

Михаил прекрасно осознавал, что именно тень той, бездарно проигранной войны, лежащая и на России и на его брате, и привела страну, сначала в объятия к Антанте, а потом и в пекло мировой бойни не нужной ни русскому царю, ни его народу. И вот теперь мы имеем то, что имеем. Михаил был хорошим физиономистом, без этого нельзя было командовать «Дикой дивизией». Так вот, на лицах офицеров и нижних чинов большевистской эскадры, запечатленных на фото, лежала тень совсем другой войны. Войны победоносно выигранной, закончившейся взятием вражеской столицы, и капитуляцией вражеской армии.

Присев на кушетку, Михаил взял в руки газету. Рядом с ним тихонечко пристроился Брайан Джонсон. Большевистский листок был напечатан на отвратительной по качеству, почти оберточной бумаге, но он был сенсацией. Утренний выпуск, в котором бывшего Великого Князя интересовал только анонс, был сразу отложен в сторону. Развернув

вечернюю «толстушку», бывший Великий Князь поближе придвинул к себе керосиновую лампу и в полной тишине стал читать. Летели минуты, а Михаил все перелистывал страницы, внимательно вчитывался, иногда задумчиво хмыкал... Потом отложив газету в сторону внимательно посмотрел на своего друга и секретаря, — Интересную вещь ты мне принес, Джонни. Ну, что скажешь, что теперь со всеми нами будет?

Джонсон склонился к уху Михаила, — Известно совершенно точно, что Керенский подает в отставку. Говорят, что он испуган всем этим до нервного тика.

— А кто будет новым премьером, эсер Чернов? — поинтересовался Михаил.

— Ни за что не поверишь, Майкл, — прошептал в ответ Джонсон, — правительства будут формировать большевики, а премьером будет грузин Джугашвили, ну тот который Сталин...

— Ты уверен, Джонни? — недоверчиво переспросил Михаил.

— Совершенно точно, Майкл! — уверил Джонсон своего друга, — Перепуганный до смерти Керенский, а ведь ты знаешь — какой он трус, сразу после того, как узнал о разгроме большевиками немецкой эскадры, сразу бросился звонить Сталину в газету. Телефонистка, которая их соединяла, просто не могла не прослушать разговор, ну ты же знаешь дамское любопытство. А потом немедленно растрезвонила об услышанном всему городу. Теперь, через два часа, об этом, наверное, уже знает каждая собака.

— Понятно, — сказал Михаил, и постучал пальцем по газете, — И как думаешь, как скоро эти будут здесь?

— А они уже здесь, Майкл, — с заговорщицким видом сказал Джонсон, — еще утром в редакцию к Сталину явились несколько человек. Представительный пожилой мужчина, молодой офицер кавказской наружности, чернявая девка и несколько жуткого вида головорезов, то ли абреков, то ли дезертиров. После этого все и началось. А перед этим в том районе видели чудную летательную машину с двумя винтами сверху. Вот как на этой картинке. Теперь весь город уверен, что это именно люди Сталина остановили немцев, рвущихся к Петрограду. И ты обратил внимание, — Джонсон кивнул в сторону лежащей на столе газеты, — во всем этом толстом номере не единого плевка в сторону «проклятого царского режима», так обычного для «революционной» прессы.

— Ничего странного Джонни, — невесело отозвался Михаил, — господин-товарищ Сталин больше похож на льва или тигра, ему плевать на незначит. А вот наши записные либералы и революционеры трибунные, все они первостатейные верблюды. Если не оплюют кого, то спать спокойно не лягут. Опыт у них большой, на Ники долго тренировались.

— Майкл, — ответил Джонсон, — насколько я понял Сталина, это не Ники. Если кто попробует в него плюнуть, то оторвет тому наглецу голову. Надо бы завтра в Петроград съездить, узнать, что там к чему.

Но до завтра ждать не пришлось. Михаил поднял голову, где то в отдалении, появился и теперь постоянно нарастал странный звук, будто к Гатчине приближались несколько огромных майских жуков.

Гул все время нарастал. Встревоженные Михаил с Брайаном Джонсоном быстро выбежали на крыльцо перед северным фасадом дворца. Вслед за ними там же оказались также чада и домочадцы Михаила. Звук ЭТОГО приближался к Гатчине откуда-то со стороны Финского залива, примерно с северо-запада.

— Летят, летят! — острые молодые глаза Таты, в одном наброшенном на плечи пальтишке выскочившей на крыльцо вслед за матерью, разглядели мигающие проблесковые

огни над темными водами Серебряного озера.

Михаил, как и все собравшиеся, вглядывался в темноту. Вдруг оттуда ударил сияющий бело-голубой луч поискового прожектора, на мгновение ослепив всех стоящих на крыльце. Секунду спустя к нему присоединился еще один. Немного пометавшись по дворцовому фасаду, круги света остановились на лужайке перед дворцом. Проморгавшись, Михаил увидел два силуэта пузатых летательных аппаратов, зависших на мерцающих кругах винтов над лужайкой перед дворцом. Тугой порыв ветра ударил по собравшимся перед дворцом людям. В воздух полетели сухие листья, мусор и чьи-то шляпы. Хорошо, что осенние дожди давно прибили к земле летнюю пыль.

Михаил непроизвольно выступил вперед — показать сейчас свой страх и убежать было бы невыносимо, даже если его будут убивать прямо здесь на месте. Аппараты то ли коснулись земли своими лапами, то ли зависли в дюйме прямо над ней. Из них горохом посыпались вооруженные до зубов солдаты. Бряцание оружия, резкие команды, отдаваемые на русском командно-матерном языке. Высадившиеся солдаты, развертывались в стрелковую цепь, охватывая дворец с обеих сторон. Другие фигуры выбрасывали прямо на мокрую траву какие-то большие на вид мешки, и опять что-то брякающее железом. Освободившись от людей и груза, винтокрылые аппараты взвились вверх и направились в ту же сторону, откуда и прилетели.

Михаил отметил, что если бы он инспектировал эту часть на маневрах, то она получила бы «отлично» за скорость высадки и образцовый порядок. От цепи пришельцев отделилась невысокая худощавая фигура и решительным размашистым шагом двинулась навстречу Михаилу.

— Романов Михаил Александрович? — спросила фигура, и в ответ на неуверенный кивок Михаила, представилась, — Полковник войск специального назначения, Бережной Вячеслав Николаевич.

Наступила неловкая пауза, Михаил понял, что прямо тут и немедленно его убивать не будут, раз уж дело дошло до официальных представлений. Поэтому, немного помявшись, сказал, — Э-э, господин полковник — чем обязан?

— Надо поговорить, Михаил Александрович, — сказал полковник, машинально похлопывая стволом висящего на плече карабина по бедру, — Желательно наедине. И передайте своим домашним, чтобы занимались своими делами — представление окончено.

— Скажите, Вячеслав Николаевич, — Михаил оглянулся по сторонам, — а ваши люди они с какой целью прибыли?

— Да успокойтесь вы, Михаил Александрович, — ответил полковник, — Несмотря на почти полную дискредитацию идеи монархии, вы и ваши близкие представляете некоторую идеологическую, а также материальную ценность. Про идеологию пока помолчим, но вот серебряные часы в кармане вашего секретаря, и тем паче бриллианты, зашитые в корсет вашей супруги — это то, что может стать причиной нападения разных мазуриков с целью ограбления. Мои люди имеют задание от контр-адмирала Ларионова обеспечить охрану и оборону вашего семейства.

— Ах, адмирала Ларионова, — глубокомысленно сказал Михаил, — ну тогда, понятно. Идите, полковник, поговорим в моем кабинете. — он повернулся, сделал два шага, и снова посмотрел через плечо на Бережного, — Скажите Вячеслав Николаевич, а мой друг и секретарь Брайан Джонсон может присутствовать при нашем разговоре?

Михаил обратил внимание, как при этих словах, лицо полковника Бережного

недовольно скривилось. — Крайне нежелательно, — сказал он, — ведь мистер Джонсон — подданный Великобритании? — Михаил кивнул, и полковник добавил, — лучше будет, если мы с вами поговорим с глазу на глаз, а мистеру Джонсону вы потом расскажете то, что сами сочтете нужным.

Михаил еще раз кивнул и дальше до самого кабинета они шли молча. Уже внутри, когда закрылась дверь, и снаружи встал часовой, Михаил обернулся, и немного раздраженно, как будто он все еще был вторым лицом в Империи, спросил, — Ну так что у вас, полковник? Зачем такой осколок прошлого, как я, мог понадобиться большевикам?

— Да вы не волнуйтесь, Михаил Александрович, — успокаивающе сказал полковник, оглядывая помещение, — садитесь и поговорим. Такие, как вы говорите, «осколки империи» ухитрились загнать Россию в такое болото, что МЫ теперь не знаем как ее оттуда и вытащить. Но, будьте уверены, МЫ справимся, ни ваш покорный слуга, ни адмирал Ларионов, ни товарищ Сталин белоручками никогда не были. Так что, достанем Русь матушку из грязи, отмоем, раны уврачуем, и будет она, красавица наша, хоть куда. Только вот крови русской при этом может пролиться море.

— Да кто вы такой?! — захлебнулся Михаил от возмущения, — Да, я! — тут его согнуло в очередном приступе желудочной колики.

— Я же говорил вам, Михаил Александрович, не надо волноваться, — полковник Бережной аккуратно довел своего собеседника до кушетки,

— Сядьте вот, и выпейте эту пилюлю, врач специально дал мне для вас. — Потом, когда боль у Михаила немного утихла, и он смог хоть немного перевести дух, полковник продолжил свой разговор,

— Ну вот, так то лучше. Только вы только больше так не нервничайте. Критиковать вас я не собираюсь, что выросло — то выросло, да и поздно уже. Брат ваш дров наломал куда поболее но и у него были обстоятельства — не приведи господь каждому. Меня сейчас другое интересует, что именно бывший Наследник бывшей Российской Империи, бывший командир «Дикой дивизии», собирается делать дальше?

— Не знаю, — с некоторым усилием выговорил тот, — господа демократы выставили меня ото всюду. Боялись, наверное, что я подниму на них армию...

— Эх, Михаил Александрович, Михаил Александрович, — покачал головой полковник, — разве можно вам было поднять армию, которая подняла на штыки своих офицеров? Российская армия была обречена еще в феврале, после «Приказа N 1». А сейчас продолжается ее агония...

— Так кто же вы все-таки такой, господин полковник? — Михаил постарался сесть прямо, — вы не очень-то похожи на обычного офицера.

— Да, мы не совсем обычное войско, точнее совсем необычное, — сказал полковник Бережной. — Но самую суть вам пока знать еще рано. Могу сказать лишь одно — нас сюда прислали для того, чтобы не допустить самого худшего. Если вы думаете, что страна уже достигли дна, и господа Керенские и Львовы — это худшее, что может ждать Россию, то вы глубоко ошибаетесь. На старте стоит такая мразь, что рядом с ней болтун Керенский покажется идеалом. И в тоже время, нынешняя система власти изжила себя настолько, что рушится под собственным весом.

— Так вы, господин полковник, — саркастически улыбнулся Михаил, — вроде бы выступаете на стороне этой мрази, имя которой — большевики.

— Ошибаетесь, Михаил Александрович, — с таким же сарказмом ответил

полковник, — наша задача отделить агнцов от козлищ, или, как говорят у нас, мух от котлет, и привести к власти именно тех большевиков, что однажды уже сделали Россию величайшей державой в мире. А всех остальных — на помойку истории.

— Господин полковник, — растерянно сказал Михаил, — я вас не понимаю? Когда это большевики сделали Россию великой державой?

— Узнаете чуть позже, — заверил его полковник, — Но, факт в том, что именно Сталин...

— Да откуда вы можете знать?! — вскричал Михаил, — откуда вам может быть известно, что будет завтра, а не только то, что случится через десять или пятнадцать лет!

— Успокойтесь, Михаил Александрович, — сказал Бережной, — То, что случится завтра, мы уже точно знать не можем, как и то, что случится через десять лет. Мы сказали свое слово, мир получил толчок, свернувший его с накатанной колеи, и снова обрел свободную волю. А насчет того, откуда мы это можем знать...

Вы видели фото наших кораблей — вон, плакат и газета до сих пор лежат на столе. Но фото можно подделать. Вы своими глазами видели два наших вертолета и снаряжение бойцов. Можно ли в век полотняных этажерок подделать боевые вертолеты? Можно ли подделать сверхзвуковые противокорабельные ракеты «Вулкан», два попадания которых и утопили «Молотке»? Два из двух, заметьте. — Сунув руку в карман своей пятнистой жилетки, полковник вытащил оттуда какую-то плоскую коробочку, — можно ли подделать вот эту штуку, названия для которой даже нет в вашем языке? Как телефон она сейчас не работает, поскольку еще нет базовых станций, но... Минуту! Улыбнитесь! — комната озарилась вспышкой, от которой Михаил немного зажмурился. Через минуту он имел возможность посмотреть на свое изображение с глуповато приоткрытым ртом в стеклянном прямоугольнике на лицевой панели неизвестного прибора.

— Ничего не понимаю, господин полковник, — опять сказал он, — вы опять говорите загадками. Я вижу множество вещей, которые мне кажутся невероятно совершенными, но еще пятнадцать лет назад сказкой казались автомобиль или аэроплан. Пока мы, дикие, воевали, в Америке изобретатели опять понаделали всяких хитрых штук, чтобы морочить нам голову. И причем тут ваше знание будущего?

— Михаил Александрович, простите, но вы наивны, как дитя, — улыбнулся полковник, — до большинства из этих штук техническому прогрессу двигаться не десять и не двадцать, а более пятидесяти лет. Вспомните роман одного англичанина по имени Герберт Уэллс...

— «Машина времени»! — резко выпрямился Михаил.

— Скорее уж «Пинок времени», — покачал головой полковник, — нас взяли там в декабре 2012 года, и высадили здесь в октябре 1917 года, по дороге попутно объяснив задание... Мы не можем делать чудеса, а можем только применить свои знания и толику грубой силы, чтобы Россия избежала самого страшного — Гражданской войны. И нам нужно чтобы вы были на нашей стороне...

— Зачем? — хрипло произнес Михаил, — Зачем я вам со всей вашей мощью?

— А затем, — ответил Бережной, — чтобы те сторонники монархии, которые все еще есть среди русских людей, вместе с нами работали на благо России, а не втянулись бы в междоусобную войну. Если у вас еще есть хоть чуть-чуть чувство долга перед Россией, то вы не будете колебаться...

Михаил устало потер виски, — Дайте мне подумать до утра... — Бережной уже было

направился к выходу, как бывший наследник престола остановил его, — подождите, господин полковник, будьте любезны, скажите, что нас ждало там, в вашем прошлом?

Бережной пожал плечами, — Там вы все умерли! Вашего брата со всей семьей отморозки, называвшие себя большевиками из Уралсовета, расстреляли в Екатеринбурге. Там же на Урале упокоились и многие иные из ваших родственников. Сказано же было, что императорская корона, в отличие от шляпы, снимается только вместе с головой.

Вас, вместе с вашим секретарем, убили и ограбили в Перми. В живых, дай бог памяти, остались ваша мать, сестры Ксения и Ольга, Великий Князь Александр Михайлович, и Великий князь Кирилл Владимирович. Позже он самопровозгласит себя Императором Всероссийским в изгнании. Царь Кирюха, и никак иначе. Трагедия дома Романовых закончилась ярмарочным балаганом.

Ваш сын Георгий благополучно спасся из объятый хаосом России, но погиб в 1931 году под Парижем, в автомобильной катастрофе. Ваша супруга Наталья умерла в 1952 году от рака в полной нищете. Падчерица Тата, вся в мать, три раза была замужем, имела двух дочерей и умерла, кажется, в 1962 году. Примерно вот такая история вашей семьи.

История страны была не менее трагичной. Революция, потом хаос трехлетней гражданской войны. Сталин, который готовил тихую передачу власти, был отодвинут в сторону на десять лет. Результат тех экспериментов — два миллиона эмигрантов, и вдесятеро больше погибших, умерших от голода и эпидемий, расстрелянных. Итог был таков, что когда на Советскую Россию в 1941 году опять напала Германия, то мобилизационный ресурс армии оказался меньше, чем в августе четырнадцатого. И это через четверть века, при том что по советским законам службе подлежали все, независимо от вероисповедания.

Хозяйство страны после Гражданской войны находилось в таком упадке, что только к 1928 году оно достигло уровня последнего предвоенного 1913 года. А потом у победителей в революции и Гражданской войне начался термидор. Набившиеся во власть разрушители начали откровенно мешать строить страну, и от них начали избавляться. Процесс растянулся на десять лет, и стоил еще крови.

Параллельно страна строилась. Заводы, фабрики, железные дороги... Если вы помните историю, во Франции термидор тоже повлек за собой экономический бум. Товарищ Сталин тогда сказал, — «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Мы почти успели. Следующая война с Германией была выиграна путем величайшего напряжения сил и величайших жертв. Но наши солдаты водрузили Знамя Победы в Берлине над руинами Рейхстага, внушив всему миру уважение русским мужеством и русским героизмом. Так вот наша цель, чтобы термидор наступил уже завтра, и страну не надо было бы чистить от всякой мрази целых десять лет. Давайте на этом закончим наши исторические экскурсии, ведь завтра еще не конец света.

Михаил заморожено слушавший Бережного, наконец встрепенулся, Ах да, конечно... Наверное, действительно, лучше продолжить наш разговор утром. Когда выйдете, будьте любезны, скажите, чтобы позвали ко мне управляющего. Я распорядюсь, чтобы вас разместили, как полагается. Я ведь заметил, что все ваши люди — офицеры, слишком уж они дисциплинированные для нижних чинов, не так ли?

Бережной кивком ответил на этот пассаж, — Михаил Александрович, любой рядовой из нашего времени, обладает знаниями вашего прапорщика. Так что, считайте нашу часть большевистской лейб-гвардией с допуском в офицерское собрание.

Но это так, к слову, а сейчас — честь имею! — И с этими словами полковник Бережной вышел, оставив Михаила наедине с собственными мыслями...

Часть 3. День «Д»

12 октября (29 сентября) 1917 года, 20:45. Балтика,
ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Новость о завтрашней отставке правительства Керенского, мягко говоря, меня очень удивила. Стоило только легонько толкнуть эту колченогую конструкцию, и она рассыпалась, словно карточный домик. Либералы, что с них возьмешь? Они такими были, есть и будут...

Но это значит, что нам надо действовать еще активнее и быстрее. Новому правительству мир с Германией нужен как хлеб. Хлеб, кстати, тоже нужен, и дрова, и порядок на улицах... Когда я был еще совсем малым пацаном, то наслушался от деда рассказы о тех временах. А дед у меня все помнил: и Царя, и Революцию, и Войну с Блокадой... До Горбачева с Ельциным к счастью не дожил, помер в восемьдесят четвертом году своей смертью в возрасте семидесяти девяти лет. Ну, ладно об этом, сейчас надо снова собрать наших гостей, и объявить им, что все история уже не плетется шагом, а понеслась галопом.

Первым ко мне в адмиральский салон зашел контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин. По нему видно, что большой любви к Керенскому человек не испытывает, но предстоящие события его просто пугают.

Сев напротив меня он вздохнул, — Эх, Виктор Сергеевич, Виктор Сергеевич, что же будет дальше?

— Дальше? — переспросил я, — дальше мы продолжим операцию «по принуждению к миру» Германии, а товарищи большевики во главе со Сталиным займутся наведением порядка в том бардаке, который им оставил в наследство Керенский.

— Эти наведут, — как-то спокойно и отрешенно ответил мне Пилкин, — Там один Троцкий чего стоит со всей его жидовской бандой, да и господин Ульянов далеко не ангел. Кто обещал по приходу к власти разобрать Россию, будто негодную машину, по винтику. Я уже молчу про всем известные вещи вроде германских денег...

— М-да, Владимир Константинович, — сказал я, — как у вас все запущено. Да вы сидите, сидите, это я вам не в обиду говорю. Во-первых Троцкий для нас никакой не товарищ, а самый настоящий враг. Товарищ Сталин, по-моему, еще в мае, метко назвал его «Красивой ненужностью», а товарищ Ленин — «иудушкой». Но мы, Владимир Константинович знаем, что он куда хуже, чем просто «ненужность» и постараемся обойтись без его услуг. Впрочем, внутривластная борьба — это такая скользкая штука... Вы об этом лучше у Николая Викторовича Ильина поинтересуйтесь, он по этим делам дока.

— Дока — не дока, но кое-что соображаю..., — совершенно неожиданно для нас раздался голос подполковника Ильина. Мы непроизвольно вздрогнули. Пока мы с контр-адмиралом Пилкиным разговаривали, он вошел в адмиральский салон совершенно бесшумно. За эту привычку кое-кто прозвал его «Призраком». Когда подполковника спрашивали, где он научился так ходить, он неизменно с серьезным видом отвечал, что таким как он это положено по службе. Мол, вдруг придется пробраться в спальню британской королевы, чтоб подменить сонные капли на цианистый калий. Да, еще тот

юморист, наш Николай Викторович...

Получив разрешение, Ильин подсел к нам. Он участливо посмотрел на Пилкина, — Вы господин контр-адмирал, не переживайте, никакого роспуска армии и флота, никакого демонтажа государственной машины не будет. Да и зачем? Ведь в результате вместо Русской армии построили Красную армию, почти точную копию того что было, за исключением может быть элементов декора. А потом и это вернули, и погоны, и аксельбанты и все, все, все. Разве что кроме власти дома Романовых. Так что постулат о «разрушении до основания» положим мы на гроб дорогому Фридриху Энгельсу, хотя практически сделать сие затруднительно, потому что по желанию покойного его кремировали, а пепел развеяли над морем...

После наших слов контр-адмирал Пилкин немного повеселел. Тем временем в салон подошли Дзержинский и генерал Бонч-Бруевич. Феликс Эдмундович, услышав о таком тихом и бесславном крахе Временного правительства, пришел сначала удивился, и пробормотал под нос что-то вроде «пся крев». Потом заулыбался и полез поздравлять и жать руку. Нам с подполковником Ильиным пришлось немного охладить его пыл.

— Вы, товарищ Дзержинский, не забываете одного. Страна, которой вам придется управлять, находится сейчас в таком состоянии, что ей позавидует и иная латиноамериканская банановая республика. Все не просто плохо, а очень плохо. Архиплохо, как сказал бы Владимир Ильич...

— Вот, вот, — подхватил подполковник Ильин, — Двадцать три года правления одного из наиболее бездарных российских царей, две войны, три революции, Столыпинская аграрная реформа, по поводу которой у меня нет никаких слов, кроме матерных. Потом пришли Временные и, воплотив свои либеральные мечтания, удобрили все вокруг толстым слоем, с позволения сказать, «шоколада». Одним словом не страна, а настоящие авгиевы конюшни.

В тот раз все убрали по рецепту Геракла, смыв страну вместе с дерьмом. Мы не можем позволить себе поступить подобным образом, а значит, нам с вами придется все эти фекалии разгребать собственными руками. Вы Феликс Эдмундович так головой не крутите, именно вас мы порекомендовали товарищу Сталину на пост министра, то есть народного комиссара, внутренних дел. И не волнуйтесь, справитесь вы. Тем более, что в Смольном вы уже занимались вопросами безопасности. Ну, а по уголовным делам спецы еще на разбежались, так что рабоче-крестьянскую милицию и уголовный сыск вам создавать есть с кем. Ну, а в создании разведки и контрразведки вам помогут Михаил Дмитриевич и Николай Михайлович. Эти люди — настоящие профессионалы, и агентура их работает прекрасно. Насчет бывших чинов охраны и корпуса жандармов — разговор особый. Есть среди них и порядочные люди, а есть и откровенные подонки. Тут надо кадры просеивать через мелкое сито. У нас говорят, — Глаза боятся, а руки делают. Вы будете не одни. Стоит вам начать наводить порядок, то врагов у вас, конечно, заведется немало, но еще больше будет друзей и помощников.

Потом я добавил, — Поскольку мы здесь все в основном решили и договорились о взаимодействии, то завтра рано утром вы с генерал-майором Бонч-Бруевичем вылетите обратно в Петроград. Надо будет принимать дела, и браться за работу. Подполковник Ильин отправится вместе с вами, и окажет все возможную помощь. Чуть позже к вам присоединится еще один наш специалист, полковник Антонова Нина Викторовна, но ее мы планировали назначить контролировать царскую семью в Гатчине, которую еще предстоит

там собрать. Кто в Сибири, кто в Крыму, кто на Урале. Временные разбросали камни, а нам теперь собирать.

Подполковник Ильин только кивал. Сейчас, когда события стали набирать скорость и, подобно горной лавине сорвавшейся с горного склона, понеслись, все сметая со своего пути, необходимо действовать решительно и быстро.

— Э-э... — только и смог произнести Бонч-Бруевич.

— Михаил Дмитриевич, вы что-то хотите сказать? — обратился я к нему.

— Скажите, Виктор Сергеевич, а почему так быстро? — спросил он, — Я еще не закончил знакомство с боевыми возможностями вашего соединения.

— Обстоятельства вынуждают нас к тому, чтобы мы действовали быстро, — ответил я, — Россия отчаянно нуждается в мирном договоре с Германией. Но со слабыми почетный мир не заключают, слабых просто вынуждают принять условия сильного. После разгрома германского флота нужно нанести поражение их 8-й армии в Прибалтике. Мы сможем перевернуть там все вверх ногами, вдребезги разбомбить штабы, склады и железнодорожные узлы, навести на немецкие войска ужас неуязвимыми танками и боевыми машинами пехоты. Но, для окончательного успеха необходимо чтобы русский солдат перестал кормить вшей в окопах, почувствовал себя победителем, и пошел занимать освобождаемую немцами территорию. Поэтому мы будем настаивать на вашем незамедлительном возвращении в должность командующего Северо-Западным фронтом. Там, в ходе совместных боевых операций, вы и изучите все наши боевые возможности.

— Ну, разве что так, — генерал Бонч-Бруевич достал из кармана платок, и начал машинально протирать пенсне, — Что ж, другие времена, другие нравы. Может ваша резкость и выйдет кому-то боком. Пока противник приходит в себя, вы уже все сделаете. Только вот, Виктор Сергеевич, я хотел бы сначала наедине переговорить с Владимиром Константиновичем.

— Поговорите, — пожал я плечами, — почему бы и нет. Может все таки сагитируете его за советскую власть, а то, как я вижу, господин адмирал пока еще сомневается.

— Да, сомневаюсь, — твердо сказал контр-адмирал, — Вот вы, Виктор Сергеевич, сказали, что планируете собрать всю царскую семью в Гатчину. С какой, позвольте сказать, целью?

— Можно я отвечу, ТОВАРИЩ контр-адмирал? — снова вступил в разговор подполковник Ильин. Я кивнул, и он продолжил, — Владимир Константинович, постарайтесь понять одно — даже отрекшись от престола, Николай Александрович Романов, не перестает играть, возможно, и пассивно, политическую роль. Только если раньше он играл эту роль, отдавая распоряжения, подписывая указы и манифесты, то теперь, став заложником обстоятельств, он подвержен воле тех политических сил, во власти которых ему повезет или не повезет оказаться. Один раз он буквально под дулом револьвера подписал отречение... — Пилкин уставился сначала на подполковника, потом на меня выпученными глазами, — Да, да, не удивляйтесь, это была не просто отставка в виду трудных политических обстоятельств, а самый настоящий заговор генералов. Ведь в случае отказа императору угрожали убийством его самого и всех близких. Лично он своей жизнью не очень-то дорожил, но он очень любил жену и детей.

Потом, кстати, то же самое проделали и с Великим Князем Михаилом, который и сам не горел желанием занимать трон. Да, да, измена, измена, кругом одна измена. И вот теперь мы хотим иметь господ Романовых у себя под рукой. Во-первых, чтобы они случайно не

пострадали от местечкового самодурства или иностранного заговора, как это случилось в нашей истории. Во-вторых, мы не хотим, чтобы, даже оставшись живыми и здоровыми, Романовы оказались втянуты в какую-либо интригу или заговор, направленную против Советской власти. В-третьих, их активное и показательное сотрудничество с новой властью, должно будет окончательно успокоить ситуацию в стране.

Контр-адмирал Пилкин пожал плечами, — А почему вы думаете, что бывший российский император будет с вами сотрудничать?

— А как им жить при новой власти, и одновременно отказываться эту власть признавать? Николай Александрович просто будет вынужден принять наши правила игры. Иначе никто не сможет гарантировать безопасность ему лично и членам его семьи. К тому же, как это было в нашей истории, все его венценосные родственники отказались принять бывшую царскую семью. Есть и еще один немаловажный фактор. Все последние тринадцать лет царская чета живет в постоянном страхе потерять своего единственного и любимого сына. Один случайный порез, травма, или не дай бог открытый перелом — и все, летальный конец неизбежен. После 1905 года именно этот фактор стал ключевым в российской политике, а совсем не поражение в русско-японской войне. Оно только усилило ощущение безысходности и обреченности в царской семье. Представьте себе, ваш единственный сын, и четыре тысячи восьмьсот дней и ночей, каждый из которых может стать последним по независящим от вас обстоятельствам. — Пилкина передернуло. — Мы можем помочь несчастному ребенку. Наши врачи хоть и не способны полностью излечить Алексея, но им под силу путем регулярных процедур сделать так, чтобы он мог жить жизнью почти обычного подростка.

В других странах подобные заболевания и купировать еще не умеют. Именно поэтому семья Романовых будет жить в Гатчине или в каком-либо другом месте неподалеку от Петрограда, жизнью обычных обывателей, ну почти обычных. Не больше, но и не меньше. Пока так, а потом поглядим, предложить ли Николаю Александровичу карьеру сельского учителя, или он способен на нечто большее.

— Понятно, Николай Викторович, — контр-адмирал Пилкин опустил голову, — Я с вашего позволения подумаю над вашими словами.

— Подумайте, — кивнул подполковник Ильин, — А пока мы оставим вас с Михаилом Дмитриевичем. Поговорите с ним, мы не будем вам мешать.

Там же. Генерал-майор Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич и контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин.

— Еще дня два назад я посчитал бы все происходящее фантастикой, — задумчиво сказал генерал Бонч-Бруевич. — Но это не фантастика, а вполне реальный факт, в чем вы уже успели убедиться. Я очень много понял за эти два дня.

— Михаил Дмитриевич, я понимаю вас, но и вы меня поймите, — сказал растерянно адмирал Пилкин, — сколько всего произошло за этот страшный год. Отречение царя — как я узнал сейчас — под угрозой насилия. Потом эти ужасные убийства офицеров, в феврале и в июле-августе. Полное разложение армии и флота. Этот фигляр Керенский и его ужасающее пустословие. Никто уже ни во что не верит. Как быть, как жить дальше...

— Владимир Константинович, — ответил Бонч-Бруевич, — у вас появилась вера и

надежда на лучшее для России будущее. Тем более, что выбора у нас, тех, кто считает себя патриотом России, просто нет...

— Вы так считаете, Михаил Дмитриевич? — осторожно спросил Пилкин.

— Да, именно так. И я постараюсь вам это объяснить. Вы, Владимир Константинович, мало знаете о планах наших так называемых «союзников», в отношении России. А мы, генштабисты, об этих планах наслышаны. Но, как говорит Святое Писание, «во многих знаниях многие печали».

Вот вы, Владимир Константинович, наверное считаете, что в случае победы в этой злосчастной войне Россия получит Черноморские Проливы. Но это не так. Вот, к примеру, высказывание британского посла в Париже лорда Берти. Датировано февралем 1915 года: «Здесь (в Париже) все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится вне Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора».

— Подлецы, — сквозь зубы процедил Пилкин, — обещали нам то, что втайне решили нам не отдавать. Действительно, нет подлее нации, чем эти британцы...

— Но это еще не все, — сказал генерал, — готовится к подписанию документ, согласно которому представители Франции и Великобритании поделили юг России на сферы интересов и районы будущих операций британских и французских войск. В английскую «сферу действий» вошли Кавказ, казачьи области Дона и Кубани, Средняя Азия, а во французскую — Украина, Бессарабия и Крым. Лондон и Париж сошлись на том, что отныне будут рассматривать Россию не в качестве союзника по Антанте.

— А как же наши войска? — изумленно и растерянно спросил Пилкин, — неужели они позволяют это сделать?

— А они уже нас всерьез не берут, — с горечью сказал Бонч-Бруевич, — вот, что говорит о нас французский генерал Табуи: «Россию в настоящее время можно сравнить с такими дезорганизованными странами, как Судан и Конго, где нескольких дисциплинированных европейских батальонов вполне достаточно для водворения порядка и прекращения анархии»...

Теперь-то вы понимаете, Владимир Константинович, почему я за большевиков? — спросил генерал Бонч-Бруевич. — Есть два пути — с ними, за могучую и независимую Советскую Россию, и второй — за колонию, где всем будут распоряжаться наши бывшие «союзники», а мы, русские, будем низведены до положения китайских кули или индийских крестьян, снимающих шапку перед британскими «сагибами»...

— Да, Михаил Дмитриевич, — огорошили вы меня, — тихо сказал адмирал Пилкин, — действительно, надо сделать выбор. Или — или... Как русский адмирал я не могу видеть свою Родину чьей-то колонией. Так что я с вами, Михаил Дмитриевич... Ну, и большевиками, соответственно...

10 октября (29 сентября) 1917 года, около 22:00, Петроград. 10-я Рождественская улица дом 17-а. Квартира Сергея Яковлевича Аллилуева

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

За нашими разговорами мы не заметили, как наступил вечер. Сталин, спохватившись, заторопился на 10-ю Рождественскую. В квартире Сергея Яковлевича Аллилуева его ждал не только хозяин, старый большевик и хороший знакомый по Кавказу, но и его дочка — 16-летняя гимназистка Наденька, с которой у Сталина был роман. В нашей истории через год они поженятся. В текущей истории, поглядев на то, как Иосиф Виссарионович увивается вокруг нашей Ирочки, я засомневался в этом.

Он пригласил нас в гости. Немного подумав, я согласился. Со мной туда отправились Ирина, которую Сталин пригласил персонально, и наш телохранитель сержант Игорь Кукушкин. Время было позднее, а Пески — так назывался район Рождественских улиц, по разгулу уголовной преступности ненамного уступал знаменитой Лиговке.

По Суворовскому мы дошли до Большой Болотной улицы, два года назад переименованной в Скобелевскую. В наше время она называлась улицей Моисеенко. На углу Дегтярного мы свернули на 10-ю Рождественскую. Миновав Мытнинскую улицу, я увидел знакомый мне дом.

— Иосиф Виссарионович, — сказал я, — а ведь я уже был в этом доме, в квартире Сергея Яковлевича. Там сейчас музей. И обстановка сохранилась практически такая же, как сейчас.

— И я там был, — отозвался Игорь Кукушкин, — когда я учился в школе, нас водили туда на экскурсию. Очень интересно было посмотреть — как жили люди в начале века.

Сталин удивленно посмотрел на нас, но, видимо, сообразив, о чем идет речь, только крикнул, и улыбнулся. Забавно конечно, ведешь гостей туда, куда они почти сто лет вперед ходили как экскурсанты, и собираешься знакомить их с людьми, о которых экскурсоводы рассказывали в их времени, как об исторических персонажах.

Дом в стиле модерн был построен совсем недавно — в 1911 году. Мастер-электрик «Общества электрического освещения 1886 года» Сергей Яковлевич Аллилуев считался ценным работником, и получают хорошую зарплату. Он мог позволить снимать три комнаты в четырехкомнатной квартире и отправить в гимназию своих детей. А было у него их четверо.

Мы вошли в парадную облицованную узорчатой плиткой и с большим мраморным камином в холле. Сам хозяин жил на последнем этаже шестиэтажного дома. Поднявшись наверх, мы увидели мощную деревянную дверь и табличкой «20» на ней. Это и была квартира, в которой жил Сталин.

Дернув за медную пупочку механического звонка, мы услышали за дверью звон колокольчика. Не прошло и минуты, как мужской голос спросил: «Сосо, это ты?»

Сталин усмехнулся, и ответил, — Сергей, открывай, я еле стою на ногах от усталости. Только я не один, а с гостями.

— Как говорят на Кавказе, гость в доме — Бог в доме, — ответил Сергей Аллилуев.

открывая входную дверь. Из-за его плеча выглядывали три женские головки. Одна принадлежала хозяйке дома, Ольге Евгеньевны, а две — его дочкам — 21-летней Анне и 16-летней Надежде. Они с любопытством смотрели на гостей своего квартиранта.

— Проходите, не стойте на лестнице, — пригласил нас хозяин, и повернувшись к своим дамам, сказал, — а вы, сороки любопытные, не глазейте, а лучше соберите на стол — люди пришли с работы и проголодались.

Повесив нашу одежду на вешалку, мы вошли в гостиную. Сталин по-хозяйски предложил Ирине присесть на большой диван с валиками, обтянутыми белым полотняным чехлом, а мне и Кукушкину предложил стулья, стоявшие вокруг стола в центре комнаты. Игорь не оставил свой АКС на вешалке, а укоротив ремень повесил его на спинке своего стула поверх разгрузки. Если кто-то попробует внезапно ворваться в квартиру, он получит очередь в морду, а не Шарапова.

Потом Иосиф Виссарионович представил нас хозяину, который с любопытством поглядывал то на нас с Ирочкой, то на сержанта Кукушкина, ловко управлявшегося со своими смертоносными «игрушками». По легенде Сталина мы были русскими, приехавшими из эмиграции. Мы долго жили в САСШ, и немного отвыкли от здешних порядков и быта. Так что если мы что-то будем делать не так, то хозяевам не стоит обращать на это особое внимание.

С кухни доносилось звяканье посуды и женские голоса. Я кивнул Игорю Кукушкину, и тот, поняв, вопросительно посмотрел на автомат. Я махнул ему рукой, дескать, если что, так я не забыл, как этой штукой пользоваться. Подхватив вещмешок с продуктами из сухпая, Игорь отправился на помощь дамам, готовившим ужин. А я присоединился к беседе, которую вел Сталин с хозяином дома.

Речь шла о слухах, которые взбудоражили сегодня весь Петроград. Аллилуев рассказывал о том, что весь город сегодня обсуждает известие о блестящей победе русского флота над германским в Рижском заливе. А ведь после сдачи Риги Корниловым все уже считали, что вот-вот немцы возьмут Петроград, и не случайно «временные» завели песню о необходимости переноса столицы в Москву... А тут вот такое.

Я вспомнил, что золотой запас империи еще не эвакуирован Керенским в Казань, и первое, что надо будет завтра сделать, это взять под контроль вокзалы и Госбанк, чтоб ни один слиток, ни один золотой червонец не утек из столицы. О чем, я между делом и поведал товарищу Сталину. Тот только кивнул, Советское правительство с золотым запасом, или оно же без оного — это две совершенно разные вещи...

Хитро посмеиваясь в усы, Сталин подмигнул мне и Ирине и, достав из своего саквояжа экстренный выпуск «Рабочего пути» и плакат-анонс, протянул их Сергею Яковлевичу. Тот с восторгом схватил их и погрузился в чтение. А я, тем временем, оглядел комнату, в которой гостевал Сталин и обратил внимание на полочку с книгами. Там стояло полное собрание сочинения Чехова. Из некоторых томов торчали хвостики закладок. Я вопросительно посмотрел на Сталина.

— Да, Александр Васильевич, — сказал он, — люблю, грешным делом, перечитывать Антона Павловича. Замечательный писатель, настоящий знаток человеческих душ. Читаю его время от времени, если, конечно, это время находится.

В этот самый момент в гостиной появилась хозяйка дома, и потребовала, чтобы мужчины прекратили все свои дела и шли мыть руки. А она с дочерьми тем временем накроет на стол. Мы с Иосифом Виссарионовичем послушно отправились в ванну. Выйдя

оттуда, мы увидели, как Игорь Кукушкин, совсем освоившись, с шутками и прибаутками помогает Анне и Надежде расставлять на столе тарелки, раскладывать ложки и вилки. Кажется, наш brave морпех пришелся по душе сестричкам. Не только Анна, но и Надежда постреливали на него глазками, хихикали над его шуточками в стиле незабвенного поручика Ржевского, и для приличия краснели. Такого лихого кавалера они видели впервые.

Кстати, Сталин, совершенно не обращал внимания на то, что его дама сердца, юная Наденька, сейчас совсем потеряла к нему интерес. Он подсел поближе к Ирине, и начал активно ее охмурять, рассказывая то, что обычно рассказывают завзятые сердцееды объектам своих увлечений. Ну это, как говорил известный всем Карлсон, «дело житейское»...

Ну а я тем временем беседовал с четой Аллилуевых. Ольга Евгеньевна попыталась пококетничать со мной, но заметив, что ее старания мной не замечены, быстро остыла. Вот откуда в Наденьке все то легкомыслие, в конце концов, ее и сгубившее. А вот с Сергеем Яковлевичем было о чем поговорить. Это был настоящий работяга, мастер золотые руки. Даже став родственником Вождя, он, по рассказам современников, ни дня не сидел без дела. Он был прекрасным электриком, мог починить в доме сантехнику, водопровод. Насколько я помню, умер он уже в 1945 году от рака.

А сейчас хозяин, разгумившийся от хороших вестей и душевной обстановки в доме, шутил, рассказывал разные забавные истории и расспрашивал меня о жизни в САСШ. Пришлось импровизировать, вспоминая мировую литературу. Со скользких тем (к, примеру, сколько получают рабочие на фирме «Вестингауз электрик») я старался съезжать. Я больше напирал на экзотику, типа, «моя жизнь среди индейцев». Ирина, краем уха слушавшая меня, откровенно хихикала.

А Наденька, от разглагольствований Кукушкина, просто млела. Юной гимназисточке впервой было общаться со «старым солдатом, не знающего слов любви». Впрочем, если разобраться, то Игорь не так уж и привирал. Ему довелось понюхать порога в войне «трех восьмерок». Правда, я успел ему шепнуть, чтобы он не особо распространялся о том, как их часть ставила в позу пьющего оленя «храбрых воинов» Мишико Сабакошвили. Сталину может стать стыдно за соплеменников. Хотя, он сам прекрасно их знает, хлебнул лиха от грузинского гостеприимства «товарищей по партии» во время своих приключений в Батуми, когда будущие меньшевики объявили его провокатором. Да и сейчас, назревающий грузинский сепаратизм под знаменем меньшевизма, в скором времени потребует «хирургического вмешательства», и нам придется еще раз приводить в чувство «гордых, но мелких».

Впрочем, Сосо, видимо, совсем голову от страсти потерял, весь вечер оказывая внимание только Ирочке. А та вполне грамотно доводила Сталина до нужной кондиции. Похоже, что Аллилуевы так и не станут в нашей истории родственниками Вождя.

Может, это и к лучшему. Наденька хороша только своей молодостью. Верной спутницей Сталина ей в нашей истории так и не удалось стать. Вечные скандалы, разъезды, потом мир, и снова скандалы. Все закончилось глупо и страшно — выстрелом в висок из пистолета, подаренного братом Надежды.

В данном варианте Ирина предпочтительнее. Красотой она не уступил своей сопернице. Кроме того, у нее есть ум, знания, профессия, которой в этом мире даже и не подобрать названия, ну и характер у нее боевой. Так что она могла бы стать для Сосо не только хорошей супругой и матерью его детей, но и боевой подругой. Уж с ней товарищ

Сталин точно может быть спокоен за свой тыл. Что ж, поживем — увидим...

Дождавшись, когда сестры Аллилуевы закончат смеяться над очередной шуткой Игоря Кукушкина, я глазами показал Ирине на дверь. Кукушкин, как мы и договаривались, останется здесь в качестве телохранителя, а нам настало время прощаться. Дескать, погостили, пора и честь знать. Время позднее, но ночевать нам у гостеприимных хозяев не хотелось. Во-первых, надо держать руку на пульсе событий, а ретранслировать сюда с Суворовского сообщения по радиации не стоило. Во-вторых, хотелось немного поспать, а у Аллилуевых и так было негде развернуться. Сами хозяева уступили Сталину свою спальню и перебрались в гостиную. Спать на полу мне приходилось, но в данном случае предпочтительнее было бы пройти чуть больше километра до нашей квартиры. На всякий случай я, выйдя в ванну, вызвал по радиации парочку «мышек», которые должны были встретить нас у подъезда дома на 10-й Рождественской и обеспечить нашу безопасность.

Мы стали прощаться. Я пожал руку Сергею Яковлевичу, пригласив его к нам в гости на Суворовский, и заинтриговал его тем, что обещал показать много интересного из области электротехники. Потом дружески чмокнул в щечку Ольгу Евгеньевну, помахал ручкой сестрам, и дал последнее ЦУ Игорю, типа, береги товарища Сталина, как полковое знамя.

В кармане у меня три раза пискнуло. Это означало, что «мышки» уже стоят у подъезда, и ждут нас. Я взял под руку Ирину, и сопровождаемый Кукушкиным, который держал в руке автомат, вышел на лестничную площадку. В парадной было вроде все тихо. Мы с Ириной стали спускаться лестнице, которую едва освещали тусклые электрические лампочки, горящие вполнакала... В квартире N 20 хлопнула дверь, и щелкнул ключ в замке. Потом загремела цепочка. Ну, все, пора домой...

**12 октября (29 сентября) 1917 года, около полуночи,
Петроград. 10-я Рождественская улица**

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

...Мы спустились по лестнице, и вышли из парадной. На улице было темно, как у негра в ... Короче, тьма египетская. Редкие и тусклые электрические фонари освещали вокруг себя участок тротуара в радиусе метров трех-четырех. У входа нас уже поджидали двое «мышек», это были: «Дрозд» и «Карел», в миру Антон Дроздецкий и Герман Курбатов. Оба имели при себе ПНВ, были одеты в «ночной» камуфляж, и вооружены АКСами и «Стечкиными» с глушителями в плечевой кобуре. Они дружески кивнули нам, и мы тронулись в путь. Избегая света фонарей, Дрозд шел впереди по противоположной стороне улицы, метрах в пятнадцати от нас, Карел — точно так же страховал сзади. Я галантно взял Ирину под ручку, и мы зашагали в сторону Суворовского.

Моя пятая точка настойчиво подсказывала мне, что сегодня нам не обойтись без приключений. И как всегда предчувствие не обмануло меня. У «Пяти углов» — пересечения 10-й Рождественской, Дегтярной и Скобелевской из подъезда навстречу нам вышли три фигуры одетые в солдатские шинели. Но к доблестной русской армии они явно не имели никакого отношения. Двое молодых парней шли первыми. У одного из них в руке был длинный тонкий нож с деревянной ручкой, именуемый в народе «свиноколом». У другого — тяжелый безмен, который в драке можно было употреблять в качестве дубины. Явно, что эти милые деревенские юноши совсем недавно приехали в Питер, рассчитывая безнаказанно «пограбить буржуев» и разжиться добротным «спинжаком» и часами с золотой цепочкой.

А вот третий их подельник, и по внешнему виду и по повадкам был явно не новичком, и уличным гоп-стопом промышлял уже давненько. И вооружен он был посолидней — в руке его я разглядел револьвер, смахивающий на полицейский «смит и vesson». По всей видимости, он и был в этой шайке главарем.

— Господин хороший, — произнес неожиданно тонким, почти бабьим голосом «бывалый», не угостишь сельских пролетариев табачком?

— Боже мой, — вздохнул я про себя, — почти сто лет прошло, а уличная гопота ничуть не изменилась! И в мое время питерские грабители начинают свои «экспроприации» с подобных вопросов. Только про пролетариат, как сельский, так и городской в наше время говорить как бы неприлично... Неожиданно у меня в ухе пропищало, — Дед, Дрозд в канале. Мне этих козлов сразу валить, или ты им сначала грехи отпустишь? — и мгновение спустя, — Дрозд, Карел в канале, страхую.

— Шел бы ты своей дорогой, любезный, — вежливо ответил я, — а насчет курева — так я сам не курю, и другим не советую...

Двое стоявших впереди молодцов радостно осклабились, и придвинулись к нам поближе. Я толкнул Ирину себе за спину, от греха подальше... Главарь, заметив мое движение, проблеял, — А маруху свою ты не прячь-то. Она у тебя пригожая. Мы ее возьмем с собой, немного попользуемся. Ведь сыщилисты сейчас что говорят — надо делиться...

Два сельских долбодятла заржали, услышав «шутку» своего атамана. А я коротко сказал — Вали! — и с сожалением посмотрел на этих козлов. Эти недоумки, не понимали, что они

уже покойники. Они пока стоят, гнусно лыбятся и похотливо поглядывают на Ирину, но... это одна видимость. Одной ногой они уже в могиле. Дрозд и Карел свое дело знают, и никакой жалости к таким ублюдкам не испытывают.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Главарь, почуяв неладное, хотел обернуться. Но было уже поздно. Сбоку и чуть спереди хлопнул АПС Дрозда, и с головы налетчика слетела его щегольской картуз с лакированным козырьком вместе с половиной черепа. Ирина ойкнула у меня за спиной — она еще не привыкла подобным картинкам. Сзади и слева от нас раздался еще хлопок. Это уже Карел. Парень с ножом тупо уставился на нас, и начал медленно опускаться на колени. Потом он ничком свалился вниз, на холодный булыжник. Последний, пока оставшийся в живых детина с безменом, после очередного хлопка, вдруг всхлипнул, как обиженный ребенок, и упал на своего приятеля. На груди у него слева расплывалось темное пятно. Я даже не понял, кто из их двоих завалил его. Должно быть от волнения — я больше переживал за Ирину, которую от всего происходящего трясло как в лихорадке.

Оглядевшись вокруг, я подозвал к себе обоих «мышек», — Молодцы, ребята, чисто сработано, — сказал я им, — Только если бы вы знали — сколько еще таких урок сейчас пасется на улицах Петрограда... Стрелять их — не перестрелять, топить их — не перетопить... Ну что, товарищи бойцы и бойцы, двинулись дальше?

Дальнейший наш путь прошел без приключений. В нашей квартире я отпоил Ирину валерьянкой, и уложил спать. А сам стал набрасывать в своем блокноте план действий на грядущий день, который должен быть весьма интересным...

**13 октября (30 сентября) 1917 года, 07:00 Петроград.
Суворовский проспект, дом 48**

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

А утром к нам по дороге в Смольный зашли выяснить обстановку товарищ Сталин и сержант Кукушкин. Первым делом, конечно, мы угостили их кофе. Прихлебывая горячий напиток, Иосиф Виссарионович, хитро поглядывая на меня, рассказал, что рано утром, неподалеку от их дома нашли трех убитых. Дворник опознал покойничков. Один из них оказался известным на все Пески налетчиком, двое других — его племянниками, приехавшими к нему месяца три назад из деревни. По слухам эта тройка промышляла разбоями, грабями и убивая припозднившихся людей. И вот, похоже, гопники в эту ночь нарвались на кого-то, кто смог дать им отпор. Самое интересное, что все убиты из огнестрельного оружия, а стрельбы поблизости никто не слышал. И еще, каждому выстрелили прямо в голову, ну, чтобы наверняка...

Во время своего рассказа Сталин, хитро улыбаясь, поглядывал на меня. Похоже, что он кое о чем догадался.

Мне тоже было о чем рассказать Иосифу Виссарионовичу. Уже под утро пришла радиограмма о том, что сейчас на подходе к Питеру на траверзе Выборга, находятся наши десантные, транспортные и вспомогательные корабли с четырьмя ротами морской пехоты, тяжелой боевой техникой и личным составом для нее, а так же сопровождающий их большой противолодочный корабль «Североморск». Морскую пехоту, вместе со всей ее бронетехникой мы планируем десантировать в районе Стрельны. После выхода на берег, все четыре роты совершат марш по Петергофскому шоссе до Путиловского завода, на территории которого они и будут находиться до особого распоряжения.

После подписания Керенским заявления об отставке и сложении полномочий, по условленному сигналу отряды морской пехоты, усиленные красногвардейцами, должны выдвинуться к стратегическим объектам Петрограда, и взять их под охрану. Во избежание, так сказать... Одновременно необходимо блокировать казачьи части, военные училища и юнкерские школы, где настроения далеко не большевистские.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — Помните наш вчерашний разговор насчет доставки товарища Ленина в Петроград. Так вот контр-адмирал Ларионов и другие наши товарищи пришли к общему мнению, что в связи со сложившимися обстоятельствами его присутствие при формировании нового правительства остро необходима. По нашим данным сейчас он находится в Выборге, живет в поселке Таликкала в доме местного журналиста Юхани Латукка. Надо отправить за ним надежного человека и пригласить его прибыть в Питер на БПК «Североморск», который по приказу контр-адмирала Ларионова специально ожидает его неподалеку от Выборга. Это будет очень солидно, по государственному, и сразу же покажет и оппонентам большевиков, и некоторым «товарищам» внутри партии и рядом, что к власти пришли не просто болтуны, а люди, за которыми стоит СИЛА.

— Гм, идея неплохая, — сказал Сталин, — только найдете ли вы там Ильича?

— Да проще пареной репы, товарищ Сталин, — вмешался в наш разговор Игорь Кукушкин, — я сам родом с Выборга, и то место, где находится музей Ленина найду хоть с

завязанными глазами. Вот только поверит ли мне Ильич? Представьте, к вам заваливается незнакомый человек, и говорит: «Здасьте, я ваша тетя!..»

Сталин задумался, потом сказал, поднимаясь на ноги, — Товарищ Кукушкин, я пошлю вместе с вами человека, которому Владимир Ильич доверяет, как себе. С соответствующей запиской. Ваша задача сделать так, чтобы с головы товарища Ленина не упал ни один волос, — сказав это, он вышел в коридор, чтобы позвонить по телефону

Когда он вернулся мы с ним продолжили разговор. — И еще, товарищ Сталин, — сказал я, — помните я говорил вам про то, что мы высаживает в город своих бойцов морской пехоты. Но они здесь пока чужие. Нам необходимо сформировать сводные группы из наших морских пехотинцев и отрядов красногвардейцев, а так же солдат частей, настроенных пробольшевицки. Задачей этих групп будет взятие под контроль важнейших объектов города. Необходимо разработать план, по которому эти группы выдвинутся к своим объектам, а также схему расстановки караулов и заслонов. В этом вам мы поможем...

— Николай Арсентьевич, — сказал я сидевшему рядом с нами Бесоеву, — свяжитесь, пожалуйста, с полковником Бережным. Настало время ему прибыть сюда и помочь товарищу Сталину наладить взаимодействие наших подразделений с отрядами красногвардейцев.

— Так точно, товарищ капитан, — ответил Бесоев, — Немедленно свяжусь. Думаю, что стоит связаться с генералом Потаповым, и подключить к этому делу его офицеров.

— Кроме того, товарищ Сталин, — продолжил я, — надо связаться с товарищами с Путиловского завода, чтобы они подготовили ангары для размещения нашей боевой техники. К ее прибытию должно быть все готово. И нельзя ли связаться с профсоюзом портовых рабочих, чтобы они помогли нашим морякам помочь в разгрузке вспомогательных кораблей? Я думаю, что они не откажутся поработать во имя победы социалистической революции?

Сталин, записывая что-то в свой блокнот, кивнул головой. Потом он снова пошел к телефону, установленному в коридоре. Было слышно, как он снова связывается со Смольным. Переговорив с кем-то, он опять вернулся к нам.

— Товарищ Тамбовцев, — сказал он, — минут через двадцать придет товарищ Эйно Райхья, личный связной и охранник товарища Ленина. Сейчас я напишу для него небольшое послание Владимиру Ильичу. Думаю, что товарищ Ленин все сразу поймет. Ну, а остальное ему расскажет товарищ Кукушкин.

Сталин повернулся к сержанту, — Итак, товарищ Кукушкин, сейчас вы поедите в свой родной город, и посмотрите на то, каким он был за восемьдесят лет до вашего рождения. Вы готовы?

Тот весь расцвел. — Конечно, товарищ Сталин, готов!

— Возьмите с собой еще пару человек, — товарищ Сталин хитро посмотрел на меня, — Ведь товарищ Тамбовцев нам не откажет.

— Не откажу, — коротко ответил я.

— Ну и хорошо, — кивнул Сталин, садясь за стол, и на листе бумаги начал писать послание Ильичу.

В это время дежурный, обзревавший через камеры наблюдения лестницу, сообщил, что у двери стоит какой-то усатый тип в кожаной куртке, в карманах у него, кажется гранаты, а за поясом, точно, пистолет. Или даже два...

Сталин, подойдя к монитору, посмотрел на изображение, улыбнулся, и сказал, — Это и есть товарищ Рахья, пусть он войдет...

Короче, Сим-Сим, откройся! И тут из прихожей я услышал слова, сказанные с

незабываемым чухонским акцентом, — Мне тофарищ Сталин нужен... Где я могу его найти?

13 октября (30 сентября) 1917 года, 07:15 Балтика, ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин.

Прежде чем отправиться обратно на «Баян», контр-адмирал решил посоветоваться командующим. Уж больно важные и интересные дела творились сейчас в Петрограде. Контр-адмирал с трудом переносил это новомодное название города, как будто, если мы воюем с немцами, можно похерить волю самого Петра Великого, нарекшего город Санкт-Петербургом. Получилось смешно — город, названный в честь апостола, «разжаловали», дав ему имя царя. Может с этого и пошел раздрай в головах, не понимающих, что есть вещи, которых лучше вообще не касаться, как не стоит касаться плавающей по поверхности воды рогатой морской мины.

Связаться с эскадрой, которая сейчас должна стоять на якорях у Кувайста, оказалось до смешного легко. В радиоцентре «Кузнецова» офицер-радист со странным погоном без просвета, но с двумя звездами (мичман?!), связался с рацией, переданной на «Баян», и протянул контр-адмиралу телефонную трубку вполне обычного вида.

— Алло, — прокричал в нее контр-адмирал Пилкин, — вице-адмирала Бахирева позовите к аппарату. Кто его спрашивает? Контр-адмирал Пилкин.

Примерно через пару минут, в трубке раздался знакомый голос, — Вице-адмирал Бахирев у аппарата, добрый день Владимир Константинович.

— Добрый день Михаил Коронатович, — ответил Пилкин, — У меня к вам вопрос.

— Слушаю вас, Владимир Константинович? — донеслось из трубки.

— Михаил Коронатович, — сказал контр-адмирал Пилкин, — Вам известно, что в Петрограде опять сменилась власть?

— Наслышаны, наслышаны, Владимир Константинович — засмеялся в трубку Бахирев, — господин Керенский сдался на милость победителя еще до боя, после первого выстрела в воздух.

— Так вот, Михаил Коронатович, — хмыкнул Пилкин, — хочу съездить, посмотреть на господина Сталина. Контр адмирал Ларионов, Виктор Сергеевич, утверждает, что теперь он наш царь, бог и воинский начальник на следующие полвека. Вон, при Петре Алексеевиче поначалу тоже лихо было, а потом оно совсем по другому обернулось.

— Поезжайте, Владимир Константинович, поезжайте, почему бы нет, — ответил Бахирев, — и людей посмотрите и себя покажете. А честно сказать, у нас тут второй день такое творится... Это я вам говорю, чтобы вы смотря на господина Сталина, понимали, что это за человек. Почти сразу после того, как вы убыли, прилетел еще один, этот вертолет, а на нем главарь Центробалта большевик Дыбенко и еще товарищи-матросы. Я уж думал что это по мою грешную душу, уж и помолился на всякий случай... Ан нет, совсем наоборот, товарищи прибыли по поручению господина Сталина и большевистского ЦК навести у нас строгий большевистский порядок и дисциплину, совсем как в ихней партии.

Хе-хе, Владимир Константинович, мы уже не стоим у Кувайста, а идем на юг, к Церелю, и никакие судовые комитеты нам в этом не мешают. Те, что вздумали бунтовать, были тут же распущены и переизбраны, а заводил «товарищи» тут же вывели в расход самым

вульгарным способом. Так что мы тут немного оживаем, господа офицеры перестают вздрагивать от каждого шороха, а матросики вспоминают, что значит нести службу со всем тщанием. Дойдем до Ирбен, врежем германцу по Виндаве, чтоб жизнь им медом не казалась. Тут каперанг Иванцов убеждал меня, что и при большевиках адмиралы тоже нужны и необходимы. И социализм — это даже не конец света, а совсем наоборот. Ты поезжай, посмотри на этого Сталина, если будет возможность, поговори с ним. Если он и вправду такой, как мне рассказали, то буду служить верой и правдой до самой смерти под его командованием.

— Ну, Михаил Коронатович, тем лучше, — сказал контр-адмирал Пилкин, — я постараюсь коротенько, одна нога здесь, другая там. Мы тут тоже и с адмиралом Ларионовым беседовали, и с генералом Бонч-Бруевичем. Была у меня мысль к англичанам податься. Так я теперь понимаю, что нельзя этого делать, ни в коем случае нельзя. Мне тут Михаил Дмитриевич порассказал, чего про их шашни против нас наша разведка нарыла. Только вот Государь ко всем их словам был глух, а Временные у британцев были вообще на коротком поводке. Будем надеяться на то, что чтобы ни делалось — все делается к лучшему.

— Будем надеяться, — завершил разговор Бахирев, — Удачи вам, Владимир Константинович, и ни пуха, как-никак в логово льва идете.

**13 октября (30 сентября) 1917 года, 07:35 Петроград.
Суворовский проспект, дом 48**

Сержант контрактной службы Кукушкин Игорь Андреевич.

Во влип! Жизнь закружила и понесла, только успевай отплеываться. Если бы кто-нибудь дней эдак десять назад сказал мне, что я попаду в Питер накануне Великой Октябрьской Социалистической революции, и буду запросто сидеть за одним столом и пить чай с самим товарищем Сталиным, то я бы послал этого сказочника... В общем, в дальнее пешее эротическое путешествие. А может быть и морду бы набил, чтоб не издевался. А теперь мое отделение назначено охранять товарища Сталина, а я, выходит, начальник его личной охраны. Доверие вождя, знаете ли, надо еще заслужить.

Во-первых, вчера вечером, Надя Аллилуева так и крутилась вокруг меня. Тьфу, вертихвостка. Знаю я про нее все, читал. Вон мамаша ее, при живом и рядом сидящем муже, к Александру Васильевичу подкатить пробовала, но получила облом — наш Дед по чужим огородам не лазает. Ну, так и я не дурак, к хозяйским дочкам вежливо и аккуратно, а дальше ни-ни. Яблоко оно от яблони недалеко падает. Так и Надежда вся пошла в свою маман. Слышал я, сколько крови у товарища Сталина она выпила, такую жену только врагу и пожелаешь. Ирина Владимировна — это совсем другое дело, иметь такую жену и я не прочь. Но куда уж нам — не доросли.

Ночью, когда ложились спать, постелили мне на полу, рядом с диваном товарища Сталина. АПС под подушку, «ксюху», под бок, можно и отдохнуть. Так нет ведь, Иосиф Виссарионович, железный человек, сам больше суток не спал, и мне не давал. Все расспрашивал про нашу жизнь в XXI веке, про Брежнева, того я совсем не помню, он умер когда я еще не родился, про правление Горбачева я тоже ничего рассказать не мог, меня тогда тоже не было, вот Ельцина я уже помню, в дефолтном 98-м пошел в школу. Короче, едва мы дошли до новогоднего обращения Бориса Алкогольевича, Сталин окончательно отрубился. Даже захрапел болезный.

Когда утром мы с ним шли от Алилуевых на Суворовский, то нашли то место, где ночью наши «летучие мыши» немного намусорили — завалили трех ночных «стопорил». Наша работа видна сразу. Во-первых все дырки только по делу — в сердце или в голову. А во вторых стрельбы никто не слышал, а глушаки на оружии есть только у наших. Товарищ Сталин перекинулся парой слов с местным дворником — здоровенным усатым татаринком в белом фартуке, и мы пошли дальше, оставив позади неизменную кучку зевак.

На Суворовском мы с товарищем Сталиным наскоро попили кофе. Тут я узнал еще одну новость. Оказывается, мне предстоит отправиться в мой родной город — Выборг. В город, в котором я родился и вырос. И отправиться не просто так, на экскурсию — полюбоваться на замок и Анненские укрепления, а для выполнения ответственного партийного задания.

Когда я узнал, что это было за задание, то я снова был в шоке! Мне предстояло встретиться с еще одним, может быть самым главным, персонажем нашей истории, с самим Лениным! Да-да, с тем самым Владимиром Ильичем, вечным жильцом Мавзолея. И не просто встретиться, а обеспечить его охрану и оборону при его путешествии из Выборга в Петроград на большом противолодочном корабле «Североморск». Кроме меня обеспечивать

выполнение задания должны двое бойцов из моего отделения, и личный связной Владимира Ильича Ленина, товарищ Эйно Рахья. Мне о нем, в свое время, рассказали на уроке истории. А вот теперь я с ним лично познакомлюсь.

Финном товарищ Рахья оказался изрядно обрусевшим. Дело в том, что родился он в Кронштадте, потом, правда, лет десять работал железнодорожником в Великом княжестве Финляндском. Перед Февральской революцией он снова вернулся в Петроград и, работая на заводе за Невской заставой, вращался в основном среди русских. Вид у него был крайне устрашающим — рослый мужик с лихими «буденовскими» усами, из-за пояса которого торчат два нагана, а карманы кожаной куртки топорщатся от гранат. Только непонятно, что он с ними собрался делать? А так вид прямо как у какого-то полевого командира. Похоже, что нам с ним скучать не придется.

Товарищ Сталин быстренько написал записку для Владимира Ильича, и передал ее мне, а товарищ «Дед», то есть Александр Васильевич, провел с нами традиционную мозговую накачку, дескать, товарищи, разбейтесь в лепешку, но чтоб с товарища Ленина и волос не упал. Да, какой там волос, ведь Владимир Ильич сейчас уже изрядно полысел?!

Снарядились мы, словно уходили в глубокий рейд по вражеским тылам. Взяли АКСУ с глушаками, «стечкины», надели бронники, еще один дали Эйно Рахья, а один прихватили для Ленина. Также в джентльменский набор «лениноспасателей» входили: пулемет «Печенег», две «Мухи», рация, ПНВ и несколько светошумовых гранат «Факел». Впрочем, Эйно Рахья, одобрительно обзрев весь наш арсенал, сказал, что с местным начальством у него все схвачено, и осложнений быть не должно.

— Но, — сказал он, с непередаваемым финским акцентом, — Как у вас гофорт — Береженого, и Бог бережет! Пошли ребята!

Получив последние благословения от товарища Сталина и Александра Васильевича, мы отправились в Таврический сад, который наши шутники уже успели окрестить «Пулково-2». Согласно сообщению, полученному нашим «маркони», Вадиком Свиридовым, вертолет, вылетевший с эскадры в Петроград, уже находился на подходе. Выгрузив в саду пассажиров, он заберет нашу команду, чтобы подбросить ее до «Североморска». Сам БПК сейчас двигался в сторону Выборга, и к моменту нашего прибытия уже должен встать на якорь примерно в миле-двух от Торгового порта.

13 октября (30 сентября) 1917 года, 08:05 Петроград.
Таврический сад

Сержант контрактной службы Кукушкин Игорь Андреевич.

Похоже, что народ, проживающий вокруг Таврического сада, уже немного привык к прилетающим и улетающим тут вертолетам. Во всяком случае, сверхъестественным явлением они здесь быть перестали. Прохожие на улице посматривали на нас с любопытством, но уже без первобытного «ужОса» в глазах. Согласно распоряжению ВРК, не подпуская зевак к плацу, периметр Таврического сада оцепили солдаты Волинского полка, казармы которых были отсюда в двух шагах.

Вот, наконец, с севера раздалось далекое жужжание «вертушки». Через несколько минут винтокрылая машина появилась в небе, и зависла над площадкой. В воздух взлетели опавшие листья, мусор и опилки. Непонятно откуда берется вся эта дрянь, ибо вертолеты тут летают регулярно и весь мусор уже давно должно было разметать во все стороны. А он тут, как тут.

Вертолет коснулся колесами земли, и из него навстречу нам вылезли три человека. Двоих из них я уже видел сутки назад на этом самом месте. Это были Феликс Эдмундович Дзержинский и генерал Бонч-Бруевич, брат знаменитого большевика и детского писателя про Ленина. В тот раз мы прилетели, а они улетали. Теперь было наоборот. Кроме того с ними был третий, высокий, худой в черной морской форме и погонами контр-адмирала.

— Ну товарищ Эйно, — сказал я, когда бортмеханик приглашающее замахал рукой, — вперед за орденами, и не робеть!

Придерживая руками головные уборы, мы направились к машине. Ураганный ветер от лопастей. Сдвинутая в бок и назад квадратная дверь на левом борту вертолета. Выглядывающий оттуда весельчак, надрывая глотку кричит — Кто тут такси на Дубровку заказывал? Давай побыстрее!

— К-какое такси? — не поняв, оглянулся Эйно.

— Пароль это, черт побери? — крикнул я, и протолкнул вперед в сторону дверного проема растерянного и немного испуганного товарища Рахья. Потом с кляцаньем и лязгом внутрь привычно проследовали мои парни, вооруженные до зубов. Ну, а я уже, как и положено командиру, залез в вертолет последним. Товарищ Тамбовцев, он же Дед, который провожал нас до самого вертолета, по-отечески помахал нам ручкой. Бортмеханик-юморист закрыл дверь, турбины взревели на стартовом режиме, и винтокрылая машина стремительно рванулась в небеса...

Кроме нас в салоне находился еще один подполковник, в смысле наш подполковник, а не местный. Надвинув фуражку на глаза, он дремал, вытянув ноги поперек салона. Я даже как то не обратил на него внимания. Если человек летит с нами на «Североморск», значит это ему надо по долгу службы. Долетели мы нормально. По дороге Эйно Рахья быстро отошел от робости, и жадно глазел в иллюминатор квадратными глазами, что-то бормоча себе под нос. Впечатление, конечно, было ого-го-го, сам себя помню ощущения первого полета. В грохоте турбин и свисте лопастей трудно было расслышать и нормальную человеческую речь, но мне показалось, что он читает молитву. Ну, а мои парни, которые

налетали на «вертушках» не одну сотню часов, в полете откровенно прикемарили, как и тот незнакомый офицер.

Около девяти часов утра наша машина приземлилась на вертолетную площадку БПК. Бортмеханик-шутник, продолжая прикалываться, прокричал, — Граждане, конечная, состав идет в парк!

И все мы, включая подполковника, покинули салон вертолета. Доложив командиру корабля о нашем прибытии, я с его разрешения отправился в радиорубку, откуда сообщил товарищу Тамбовцеву, что первый этап нашего путешествия прошел успешно.

Когда мы прилетели, «Североморск» уже стоял на якоре в Выборгском заливе, примерно в миле от Торгового порта. Я видел такую знакомую мне до боли картину: башню святого Олафа — самую высокую башню Выборгского замка. Хорошо можно было разглядеть причалы и краны торгового порта. Вот мы и оказались у цели нашего путешествия.

Команда БПК быстро спустила на воду быстроходный моторный катер. Лейтенант Синицин, взводный местных морпехов, быстро осмотрел нас и сказал — ну, парни, ни пуха, вам, ни пера!

— К черту, товарищ лейтенант, — бодро ответил я, сам внутренне приготовившись к встрече со своим родным городом, каким он был за восемьдесят лет до моего рождения...

13 октября (30 сентября) 1917 года, 09:25, Выборг. Торговый порт

Сержант контрактной службы Кукушкин Игорь Андреевич.

Ну, вот я и дома! Когда год назад я приезжал в отпуск, то забегал в Торговый порт к своему приятелю, который там работал на автопогрузчике. А этот порт... Мало он был похож на тот, который я видел в наше время. И причальная линия поменьше, и портовые краны пожиже. Да и кораблей что-то не видать. Стоят несколько парусных финских лайб, да пара буксиров. Ну да, идет война, на море пока господствует немецкий флот.

На катере, спущенном с «Североморска», мы мигом домчали до Торгового порта. При виде нас на причале появилось несколько фигур в замызганных робах. Рулевой аккуратно притер катер вплотную к пирсу. Пока мы по сброшенному веревочному трапу перебирались на берег, один из портовых рабочих придерживал катер багром. К моему удивлению, Эйно Рахья вскарабкался наверх, словно заправский мореман. Но потом я вспомнил, что он родился и вырос в Кронштадте, а там практически все с пеленок считай что готовые матросы.

Потом нас с катера подали наше «приданое» — пулемет, рацию и две «Мухи». Эйно что-то сказал по-фински местному портовику, и тот оттолкнул катер от пирса багром. Взвыл двигатель, катер развернулся, и, описав полукруг снова лег в дрейф метрах в ста от берега, ожидая нашего возвращения.

Вдоль берега залива мы пошли в сторону замка. Там, за Крепостным мостом, рядом Анненскими укреплениями, находился дом, в котором расположился Выборгский совет рабочих и солдатских депутатов. В соседнем доме находился Выборгский комитет РСДРП(б). Как вы понимаете, большевики и местный совет жили душа в душу. Товариш Сталин написал для Эйно Рахья очень грозную бумагу, согласно которой все должны предъявителю этого мандата «всячески помогать и оказывать».

Тут мы на личном опыте убедились, что имя Сталина вызывает уважение у товарищей по партии даже в Выборге. Пока наша тройка любовались видом старинного замка, Эйно Рахья сходил в комитет и совдеп, о чем-то там переговорил, и через десять минут подъехал к нам на новеньком легковом «Форд-Т». На нем мы и отправились в поселок Талликала, где в небольшом деревянном домике, принадлежащем сотруднику местной рабочей газеты Юхо Латукки и жил Ленин.

13 октября (30 сентября) 1917 года, 10:05, Выборг. Поселок Талликала

Владимир Ильич Ленин.

Лидер большевиков сидел за столом в комнатухе за кухней, которую предоставили ему хозяева, и быстро писал карандашом в блокноте.

Он набрасывал черновик письма, которое собирался послать в Петроград. Связь с ЦК Ленин поддерживал через Александра Шотмана, который часто приезжал в Выборг и привозил для него письма и различную информацию. Корреспонденцию из Петрограда в Выборг посылали и его родные — жена и сестра с помощью машиниста паровоза N 293 Гуго Ялавы, или его жены, которые, в свою очередь, передавали адресованные Ленину письма служащему почтового вагона курьерского поезда Петроград — Гельсингфорс Кэсси Ахмале на Финляндском вокзале. Конечно, такая связь была не очень оперативной, зато вполне надежной.

Ленин не рассчитывал надолго задерживаться в Выборге, потому что находиться здесь было небезопасно. Это не Гельсингфорс, где под охраной орудий дредноутов с большевистскими командами можно было плевать на все угрозы Сашки Керенского. Выборг был слишком близко к Питеру, в городе матросов не было, но был гарнизон, офицеры которого отнюдь не сочувствовали большевикам. Поэтому приходилось строго соблюдать правила конспирации. Ленин не рисковал без надобности появляться в городе и только вечером ненадолго выходил из дома, чтобы посидеть во дворике, или пройтись пешком по безлюдной улице. В доме Хайконенов (родителей жены Юхо Латуки) Ильич чувствовал себя спокойно и свободно. Он подружился с хозяевами и по вечерам, когда они приходили с работы, ужинал за одним столом с ними. Завязывались беседы — все члены семьи говорили по-русски.

Сейчас Ленина волновал только один вопрос — подготовка вооруженного восстания. Он знал, что Сталин, Дзержинский и другие члены военного бюро вели большую работу, как по формированию Красной гвардии, так и по вовлечению в заговор против «Главногоговаривающего» высших чинов русской армии. О последнем было известно лишь немногим из руководства партии. Все должны считать, что власть буржуев сверг вооруженный народ, а не офицеры, для которых Керенский, если сказать честно, был более ненавистен, чем Ленин и его соратники по партии.

Глухие слухи о странных событиях происходящих сейчас в Петрограде и на морском театре военных действий в районе Рижского залива, доводили Ильича до приступов бешенства. Черт возьми, если эти слухи верны хоть на одну десятую, то это может изменить всю картину. Вчера, ближе к вечеру Ильичу из Питера передали экземпляр утреннего номера «Рабочего пути». Происходили какие-то странные события, понять суть которых не мог даже изощренный мозг большевистского лидера. Остро не хватало информации. По обрывочным сведениям, полученным из разных источников, было понятно лишь одно — немцы потерпели в окрестностях Моонзундского архипелага поражение, сравнимое лишь с бойней, которую Нахимов устроил туркам у Синопа. Помнится, в гимназии ему всю печень проели этим Синопом и славой русского оружия. Но сейчас биты были не турки, а немцы, самая

культурная и технически развитая нация Европы. Кроме того, что-то происходило и в Петрограде. Но известия, скорее их можно было назвать слухами, оттуда приходили совсем фантастические.

Люди, приехавшие из Питера, рассказывали о каких-то невиданных летательных аппаратах прилетающих и улетающих из Таврического сада. Кроме того эпицентром всех этих событий каким-то образом оказывалась большевистская газета «Рабочий Путь» и лично товарищ Сталин. В анонсе вечернего выпуска, который прочел Ильич, эскадра, разгромившая немцев, была названа «большевистской» и «революционной». Откуда, черт возьми, у Кобы взялась эскадра, которая не только плавает по морю и не тонет, но еще и способна громить немецкий флот? Так может завтра выяснится, что у хитрого грузина есть и еще и революционная большевистская армия, готовая по одному его слову растерзать кого угодно. Не слишком ли много силы сосредоточил в своих руках товарищ Сталин, и не готовит ли он революцию для себя лично.

Вот об этом Ленин и писал в черновике письма, которое он намеревался отправить сегодня вечером в Петроград. А уж лучше бы самому там побыстрее очутиться. Только вот не пускают его туда товарищи по партии, говорят, что Керенский так и не успокоился, все мечтает упечь его в Петропавловку. А, вернее всего, его холуи, просто пристрелят вождя большевиков, якобы, «при попытке к бегству», и ничего никому потом не докажешь...

За этими невеселыми размышлениями Ленин не услышал шум автомобильного двигателя. Через раздвинутые занавески он увидел машину лишь тогда, когда она подъехала к дому. Сначала Ильич было всполошился, но быстро успокоился, увидев, как из авто вылез его старый знакомый, связной и охранник Эйно Рахья. А вот вслед за ним, разминая ноги, из машины выбрались...

Ленин даже не знал, как их назвать. Трое крепких молодых парней, казалось с ног до головы, были увешаны оружием, и одеты в невиданную им никогда мешковатую военную форму из какой-то зеленой пятнистой ткани. Дополняли их наряд такие же пятнистые кепи, напоминающие «шапо» времен русско-турецкой войны, и высокие, до середины икры, шнурованные полуботинки — полусапоги на толстой рифленой подошве. Ильичу приходилось бывать во многих странах, и видеть тамошних военных, но ничего похожего до сих пор он не встречал.

Эйно Рахья пошел к дому, приветливо помахивая рукой, как бы успокаивая и демонстрируя дружеские намерения. Ильич помахал в ответ из окна и вышел из дома навстречу старому знакомому...

13 октября (30 сентября) 1917 года, 10:15, Выборг. Поселок Талликала

Сержант контрактной службы Кукушкин Игорь Андреевич.

У меня щемило сердце. Несмотря на то, что этот Выборг не был похож на мой, начала ХХI века, все равно на меня, когда я ехал по его улицам, повеяло чем-то родным, домашним.

Допотопное авто нещадно качало и трясло на ухабах, внутри движка что-то брякало, а в кузове едко воняло бензином. Но, как гласит древняя солдатская мудрость, лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Миновав окраину города, мы въехали в район, который в мое время назывался поселком Ленина. Сейчас тут настоящая деревня, конечно финская, сплошные одноэтажные домики и огороды, а в мое время это был уже фактически сам Выборг.

Вот и домик Юхо Латуки. Эйно Рахья, который сидел на сиденье рядом с водителем, повернувшись к нам сказал, — Товарищи, пожалуй я схожу к Ильичу один. Вы пока посидите тут, а то, увидев вас, он может решить, что вы приехали его арестовывать. Товарищ Сталин меня особо предупредил, что не надо пугать Владимира Ильича вашим грозным видом. Пусть потом вас пугаются те, кто захочет нам помешать.

Я пожал плечами, дескать, а мы, собственно говоря, и не лезем поперед бабки в пекло. Наше дело охрана, и передача послания Сталина лично в руки Ленину. Ну, а если будут вопросы — с удовольствием на них ответим...

С этими словами я выбрался из машины, размять ноги, а мои бойцы последовали за мной. Оружие мы, разумеется, взяли с собой, ибо по уставу вне ППД расставаться с табельным оружием бойцу запрещено. А где оно теперь то ППД?!

Рахья пошел к дому, приветственно помахав кому-то, кто осторожно выглядывал из окна через занавеску. Очевидно, его узнали, потому что занавеска дрогнула, и через несколько минут на пороге появился мужчина средних лет, без знаменитых усов и бороды. Он больше был похож не на вождя пролетариата, а на бухгалтера-ветерана из средней руки фирмы, занимающейся торговлей ширпотребом. Я помнил из истории, что «В. И. Ленин скрываясь от ищеек Временного правительства, изменил внешность, сбрив бороду и усы». Но одно дело читать, другое дело — увидеть все своими глазами.

Слегка картавя, Ильич спросил у своего связного, — товарищ Рахья, скажите, что это за люди?

Рахья, нагнувшись к уху Ленина, и что-то зашептал. Я увидел, как у Ильича удивленно поползли вверх брови. Он протестующе потряс большой головой, и замахал руками.

— Нет, этого просто не может быть, товарищ Рахья, марксизм и современная наука не допускает подобных фактов. Это все выдумки попов и мистиков!

— Товарищ Ленин, — вступил в разговор я, — я начальник личной охраны товарища Сталина сержант морской пехоты Кукушкин, должен передать вам его личное письмо, — с этими словами я расстегнул полевой планшет и вытащил оттуда послание Иосифа Виссарионовича, протянув его Ильичу,

— А от себя лично могу сказать, что якобы наука, которая не допускает существование хоть каких либо ФАКТОВ, никакой наукой не является, а является самым настоящим мракобесием. Факт нельзя допускать или не допускать, факт, это объективная реальность,

он либо есть, либо его нет. Я и мои товарищи это объективная реальность, с которой вам, товарищ Ленин, придется считаться в любом случае.

Немного обалдев от философской лекции прочитанной ему простым унтером, Ленин схватил записку Сталина и начал ее быстро читать. Дочитав ее до конца, он схватился за голову, и, раскачиваясь, как еврей на молитве, стал повторять, — Что теперь будет, что теперь будет, что теперь будет?!

— Товарищ Ленин, — сказал я, — успокойтесь, пожалуйста! В Питере прямо сейчас происходит революция, а поэтому у нас крайне мало времени. Собирайтесь, товарищ Сталин приказал сегодня же доставить вас в Питер. Керенский безоговорочно капитулировал, и партии большевиков срочно надо формировать правительство и брать власть в свои руки... Промедление смерти подобно.

— Ах, да! — Ильич посмотрел на меня со своим знаменитым прищуром, — а вы, товарищ Кукушкин, какой партии сочувствуете?

— Собирайтесь, товарищ Ленин, — сказал я, — философско-политические диспуты мы можем с вами вести и в дороге. Как писал товарищ Джек Лондон: «Время не ждет!»

Ильич быстро забежал в дом и также быстро выскочил оттуда, имея в руках небольшой фанерный чемоданчик. Это и был весь его багаж. Остановив Ильича буквально на мгновение, мы накинули на него бронник. «Форд-Т», туда-сюда его мать, первое изделие массового автопрома, с трудом вместил в себя пятерых, да еще и одетых в бронежилеты. Ильич оказался зажатым на заднем сиденье между мной и Костей Филином, немногословным парнем откуда-то с Урала. Товарищ Рахья, недоделанный Хейконнен, если кто помнит, был такой финский «шумахер», гнал так, что из нас чуть не повылетали все кишки. Но все когда-нибудь кончается, и мы снова оказались на знакомом пирсе. Тут уже скучал товарищ в кожаной куртке, такой же кепке и больших очках-консервах сдвинутых на лоб, очевидно, это и был местный Адам Козлевич, штатный водитель этой Антилопы Гну.

Увидев наше возвращение, катер запустил движок и метеором подскочил к пирсу. Снова его придержали багром, только теперь надо было не карабкаться вверх, а спускаться вниз. Первым спустили самый ценный груз — Ильича, потом пошел товарищ Эйно Рахья, следом за ним спустились оба моих бойца, которым я из рук в руки передал, так и не потребовавшееся нам тяжелое вооружение, и только самым последним в катер спустился ваш покорный слуга собственной персоной. Взвыл мотор и наш кораблик стремительно помчался в сторону серого силуэта «Североморска».

Мы причалил к трапу, спущенному с почетного правого борта. Немного пошатываясь после езды в катере, Ильич поднялся вверх где и попал в объятия командира корабля капитана 1-го ранга Перова и того самого незнакомого подполковника. Поняв, что сейчас всем не до нас, я еще раз бросил взгляд на раскинувшийся передо мной город, такой родной и такой чужой.

13 октября (30 сентября) 1917 года, 11:15 Финский залив. Борт БПК «Североморск»

Подполковник СВР Ильин Николай Викторович.

Когда катер с Владимиром Ильичом причаливал к нашему борту, то БПК, уже стоял развернутый носом в сторону островов Большой Щит и Малый Щит, готовясь немедленно отправиться в путь. Интересно было глядеть со стороны на наших матросов и офицеров, которые знали, за кем их корабль отправился в Выборг. Что называется «шила в мешке не утаишь!» Они столпились у трапа, и молча смотрели на «вечно живого», как папуасы на телевизор.

Но тут появился старший офицер, и, дабы не вгонять Ильича в тягостные мысли и избежать опрокидывания корабля из-за того, что на его борту столпилась вся команда, сделав страшное лицо, разогнал всех любопытных по боевым постам. Только что на палубе было полно народу, и вот уже пустынно, как будто прозвучал сигнал боевой тревоги. Остались только матросы у трапа, которые нагло пользуясь служебным положением, всю глазели на Ильича, который первым поднимался по трапу.

Вместе со мной, появления вождя мировой революции ждал и командир «Североморска» капитан 1-го ранга Алексей Викторович Перов. Поднявшись на палубу, Ильич с удивлением покрутил головой, будто говоря «Господи, куда я попал?!». Сейчас он совсем не походил на свои хрестоматийные изображения, но было и в его личном деле и подобное фото без бороды и усов, но зато с кучерявым шиньоном, как раз относящееся к периоду финской полуэмиграции.

Чтобы не вводить товарища Ленина в смущение откровенным разглядыванием, мы почти тут же подошли к нему и представились. Пусть привыкает к тому, что теперь он государственный деятель, а не оппозиционная шантрапа. Следом за Ильичом на палубу поднялись его сопровождающие, три наших морских пехотинца и финский товарищ Эйно Рахья. Начал накрапывать небольшой дождик, и мы пригласили вождя в кают-компанию попить кофе и поговорить за жизнь. Его охрана, видя, что их подопечный попал в надежные руки, тихо ушла в кубрик морских пехотинцев. Мы почувствовали, как палуба под ногами слегка завибрировала. «Североморск» начал свой путь в Петроград, имея на борту бомбу невиданной разрушительной силы. Доведя нас до кают-компания, Алексей Викторович с извинениями отклонялся. Именно ему предстояло выводить корабль по узкому и извилистому фарватеру на просторы Финского залива.

Интересно, что Ленин довольно быстро освоился в непривычной для него обстановке. Сидя за столом, и прихлебывая горячий кофе, которым нас угостил стюард «Североморска», он с любопытством крутил головой, то обводя взглядом окружающую обстановку, то с интересом поглядывая на меня...

— Товарищ, или господин, подполковник... — простите, не знаю как вам обращаться, — заговорил со мной Ильич, отставив чашку с кофе.

Я читал его как открытую книгу. Пока это было легко. Его неслабый, надо сказать, мозг требовал «информации», «информации», «информации».

— Уважаемый Владимир Ильич, лучше обращайтесь ко мне, «товарищ», — ответил

я, — Когда у нас говорят «господин», то это либо иностранец, либо имеется в виду «очень большое дерьмо».

— Вот как замечательно, товарищ Ильин, — Ленин потер руки, — Скажите, а вы член нашей партии?

— Ах, вы насчет моей партийности... — улыбнулся я, — Нет, Владимир Ильич, я беспартийный, хотя у нас и есть так называемая коммунистическая партия, но, даже разделяя идеи социальной справедливости, вступать в нее я как-то не спешу...

— А почему же, позвольте вас спросить? — заинтересовался Ленин, — И почему вы называли эту партию, «так называемой»?

— Два вопроса, — ответил я, — и один ответ. У этой партии только одно название — «коммунистическая». А все остальное даже на эсдеков-меньшевиков не тянет. А еще их лидер отчаянно боится победить на хоть каких-нибудь выборах, потому что тогда придется нести ответственность за все сделанное и несделанное. Да и собственно что-то реальное придется делать, а не только в парламенте заниматься словоблудием.

— Гм, — нахмурился Ленин, — а кто же тогда у вас защищает интересы трудящихся? Ведь должна же быть организация, которая занимается этим?

— Да никто... — пожал я плечами, — каждый сам по себе, а организаций разных полно, только они все больше занимаются защитой своих собственных интересов. Считается, что защитой прав народа занимаются прокуратура, следственный комитет, суд, и так называемые пгавозащитники. Последние под видом защиты прав трудящихся, в основном занимаются защитой интересов иностранных государств.

— Ужасно, товарищ Ильин, это просто ужасно! — воскликнул Ленин, — Скажите, как вы докатились до жизни такой!

— Вот так и докатились, — ответил я, — Однажды один умный человек создал партию, которая должна была защищать интересы трудящихся путем построения государства этих самых трудящихся, а для этого нужно было разрушить старое государство «до основания и затем». В ходе разрушения старого случилась Гражданская война, от которой с обеих сторон погибло примерно двадцать миллионов человек, а еще два миллиона бежали из страны. Это при том, что численность прослойки людей, которых хоть как то можно причислять к эксплуататорам, не превышает и полумиллиона человек. Потом когда Гражданская война закончилась, а основатель партии умер, власть в партии взял его ближайший помощник, железной рукой искоренил все расколы и оппозиции, беспощадно выкорчевывал из партийных рядов разрушителей и бездельников. Авторитет партии поднялся до небес. Под ее руководством страна ликвидировала безграмотность, построила новую индустрию, сравнявшись с европейскими странами, под руководством этой партии мы победили в ужасной войне, которая была страшнее нашествия Наполеона. Именно эта партия сделала нашу науку самой мощной в мире, а наших трудящихся самыми защищенными. Именно под руководством этой партии мы создали самое страшное оружие из когда-либо существовавших на земле, и угроза военного нападения навсегда отступила от наших границ. Потом этот человек умер и к власти в партии попал мерзавец, паяц и бездельник. Первое что он сделал, это запретил правоохранительным органам расследовать дела в отношении партийных руководителей. В партии потихоньку стала заводится гниль.

Потом, прошло еще три десятка лет, и правящая партия выродилась окончательно. Товарищи захотели стать господами. А в таком качестве партия не смогла ни власть удержать, ни заинтересованные трудящихся защитить. А большинство ее руководителей, спалив

публично, или спрятав подальше партийные билеты, начали строить дикий рыночный капитализм. Я как раз и выросл в период перехода из развитого социализма в дикий недоразвитый капитализм...

Ленин задумался... Уставившись куда-то вдаль, он машинально поглаживал бритый подбородок, словно там все еще была его знаменитая рыжеватая борода. Похоже, что мои слова его сильно расстроили. Потом он посмотрел мне в глаза, и спросил,

— Николай Викторович, скажите, только честно, люди у вас все еще верят в идеи коммунизма? Ведь не может же мир жить по закону, который позволяет богатому угнетать бедных, сильному гнуть слабых... Ведь это неправильно...

— Да, неправильно. И вера в справедливость тоже есть у людей. Но знамя лежит в грязи, потому что некому его поднять, пока политические болтуны отвлекают людей от главного. А еще наш народ помнит времена, когда у нас была идея, с которой мы жили и побеждали. И человека, который стал олицетворением этой идеи... И он сейчас ждет нас в Петрограде.

— Это вы о товарище Сталине? — быстро спросил меня Ленин. — Да, он настоящий большевик, хотя с теорией у него как-то не очень. Впрочем, «теория, мой друг, суха...»

— «...но зеленеет жизни древо», — закончил я, — да и к тому же теоретизировать легко, а вот сделать что-либо на практике — сложно. Тем более если исходить из научного метода, то практика это критерий истины и именно из нее выводятся теории. Ведь ни Маркс, ни Энгельс не построили ни одного государства трудящихся, и не убедились в их жизнеспособности в условиях враждебного окружения. А товарищу Сталину удалось такое государство построить. И не забывайте старинную мудрость о том, что благими намерениями устлана дорога в ад. И еще одна фраза, о которой не следует забывать, — Хотели как лучше, а получилось как всегда!

— Да, удивительные вы люди, и похожие и не похожие на нас, — в раздумье произнес Ильич. — И история рассказанная вами весьма поучительна. Если вы не возражаете, то я побуду здесь один. Хочется поразмышлять о том, что нас ждет...

Я кивнул Ильичу, и вышел из кают-компаний.

**13 октября (30 сентября) 1917 года, 12: 35, Финский залив.
Борт БПК «Североморск»**

Владимир Ильич Ленин

Для меня этот день стал крушением всего, что составляло для меня основой моего мировоззрения. Нет, я не отказался от коммунистической идеи, и не на йоту не усомнился в справедливости того, чему я посвятил всю свою жизнь. Но только ЗАЧЕМ все это? Если наши потомки, начав строить новую жизнь, принеся страшные жертвы для того, чтобы ее построить, сами, без боя, сдаются врагу, и спокойно наблюдают за тем, как перекрасившиеся большевики наперегонки бегут на поклон к нашим классовым врагам...

А может быть, вот эти люди, появление которых в нашем мире невозможно объяснить никакими законами материализма, и появились для того, чтобы мы, начав строить новый мир, не повторили их ошибки? И почему они пошли сразу не ко мне, а к Сталину? Видимо, на это есть веские основания.

Как я понял из записки Иосифа Виссарионовича, с помощью гостей из будущего удалось сделать так, что Керенский сам уходит в отставку со всеми своими министрами-капиталистами, и мирно передает власть нашей партии. Это, конечно, замечательно. Но, во-первых, сие означает, что нам теперь не нужно будет идти на компромиссы с разными партиями-попутчиками, и мы сможем сформировать однородное правительство из тех людей, которых мы захотим взять в это правительство. А, во-вторых, мы становимся легитимной СИЛОЙ, с которой бороться нашим врагам будет затруднительно. В-третьих, мы можем позиции той же силой добиваться заключения мира с Германией, которая, не менее нас, стремиться прекратить воевать, хотя бы с нами... Гм... А мы, как партия, ничем не обязаны странам Антанты, так что насчет прекращения войны на Западном фронте можно лишь задекларировать, но не настаивать на этом во время грядущих переговоров. Что нам Гекуба... Пардон, «И все из-за чего? Из-за Антанты! Что ему Антанта, Что он Антанте, что о ней рыдать?»... Да простит меня Шекспир... Что там сказал этот полковник, насчет того, что «хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Хорошее, кстати выражение, следует его запомнить.

Так вот, действительно, надо пересмотреть идею Мировой Революции? Да пусть Германия, Франция и Англия сражаются друг друга до изнеможения, а наша, революционная Россия в это время будет оправляться от ран и набирать силы. Точно так же, как война создала революционную ситуацию в России, она создаст ее и в Европе, и там тоже рухнут империалистические государства. К этому моменту надо будет накопить определенные резервы, которые можно будет бросить на весы истории.

Достав из своего чемоданчика бумагу и карандаш, я стал быстро набрасывать тезисы новой программной статьи, которая должна была обосновать необходимость мирного перехода власти в руки трудящихся. Тем более что она и так уже в них перешла.

**13 октября (30 сентября) 1917 года, около 15:35, недалеко от
Петрограда. район Стрельны**

Капитан морской пехоты Рагуленко Сергей Александрович.

— Мама дорогая! — подумал я, влезая в люк БМП и одевая шлемофон, — разве раньше я мог подумать, что капитан Рагуленко, больше известный, как «капитан Слон», или, как «герр гауптман», будет делать Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию. Взревели дизеля, несмотря на вентиляцию, наполняя танковый трюм угаром. Но уже широко распахнулись десантные ворота, открывая выход из тускло освещенного трюма в тусклый осенний день.

Когда аппарель пошла вниз, я скомандовал, — Внимание! И захлопнул люк. Двигатели взвыли на повышенных оборотах, и тут же, как только путь стал свободен — раздалась команда — Вперед!

Машина рванулась, пробежалась по аппарели, и нырнула в балтийскую воду. Вслед за нами десантировались и остальные БМП роты. До берега было метров сто, не больше. Десантирование техники было решено провести прямо на берег в районе сразу за Стрельнинским яхтклубом. Все четыре БДК выстроились строем фронта, и подошли к берегу на минимально безопасное расстояние.

Сейчас в октябре, да еще в дождик, эти пляжи пусты и безлюдны. Даже влюбленной парочки не встретишь. Берег тут хороший отлогий, песчаный. Кстати, примерно здесь в 1941 году моряки-балтийцы высаживали десант. Это когда немцы были уже у Кировского завода.

Проплыв сто метров меньше чем за минуту, БМП легко выбралась на берег. Я покрутил командирский перископ. Мои орлы плыли следом, как утята за мамой-уткой. Зрелище со стороны было фантазмагорическим.

Оказавшись на берегу, машины выстроились в колонну, и устремлялись вслед за мной в сторону Петергофского шоссе. Как я уже говорил, место высадки было выбрано сразу за яхтклубом. Миновав пляж и прибрежные кусты, машины выбрались на дорогу. Найти ее нам было легко, поскольку разведгруппа, высаженная заранее на быстроходных катерах, работала для нас маяками-регулирующими. В командирский перископ прекрасно был виден боец в камуфлированной накидке, взмахами жезла обозначающий вход на дорогу, в наше время именуемую Сосновой аллей.

Так, вписались нормально! Аллея, это скорее прямая грунтовка обсаженная соснами, и выводит она нас на Петергофское шоссе. А оттуда прямо-прямо прямо. Мой водитель местный, дальше он и сам знает дорогу. Окна дач темные, глухие. Нигде и никто не шелохнется. Неизвестно что думают немногочисленные обитатели этих домиков, когда мимо них с ревом моторов и лязгом гусениц проносятся невиданные ими ранее боевые машины. Может, прилипают носами к стеклу, стремясь разглядеть проносящееся мимо них диво дивное. Может, перекрестившись, лезут подальше от греха в подпол, поближе к мешкам с картошкой и кадкам с огурцами. Может, хватаются за телефон, если он есть в такой глуши и звонят куда попало о прорвавшихся немцах.

Нам до этого дела нет. Когда голова колонны миновала центр Стрельны, я получил сообщение что все четыре роты вышли на шоссе. А теперь газу, товарищи механики-

водители! Водяная пыль из под гусениц, брызги грязи и прочая прелесть... Когда шоссе начинает загибаться е северу в сторону Питера, откладывая в сторону карту и берусь за тангенту рации. Необходимо доложить товарищу Второму — в миру полковнику Бережному — и сообщить ему, что мы прошли первую контрольную точку. А он уже даст команду, или занимать вокзалы согласно первоначальному плану, или уйти в запасной район к Путиловскому заводу.

Все, полковник на связи, — Товарищ Второй, докладывает Слон, прошли первую точку, опережаем график, — я глянул на светящийся в полутьме циферблат командирских часов, — примерно на пять минут.

В ответ слышу приглушенный смешок, и голос командира, — Товарищ Слон, уходите на запасной, район, к Путиловскому. Повторяю, уходите к Путиловскому, там вас встретят. И удачи вам! Конец связи.

Отвечаю, — Спасибо, товарищ Второй, и к черту! Конец связи.

Ну что же, к Путиловскому, так к Путиловскому, а это значит, что пока все обходится без нашего прямого вмешательства. Петергофское шоссе проходит буквально вдоль забора Путиловского завода. Еще четверть часа и вот уже мы въезжаем на заводскую территорию. Тут жизнь кипит ключом. Народ самый разный, отряды красной гвардии, солдаты пробольшевистски настроенных полков, какие-то местные офицеры и над всем этим бардаком царят полковник Бережной и, о господи, Феликс Дзержинский, сколачивающий из всего этого хоть какое-то подобие боевого соединения. До нашего прибытия дело шло вполне туго, полковник и помогавшие ему местные офицеры генштаба буквально охрипли и сбились с ног пытаясь сформировать часть из штатских и пентюхов-тыловики. Процесс больше смахивал на какой-то митинг.

Прибытие сорока БМП-3Ф, двенадцати самоходных гаубиц «Нонна-С» и четырех КШМ сразу остудило луженые глотки митинговых крикунов, и процесс формирования первой бригады Красной гвардии сдвинулся с мертвой точки. К каждой нашей роте должны присоединить отряд Красной гвардии в триста-четыреста штыков, после чего рота станет батальоном. Тут еще надо учитывать психологию красногвардейских командиров не желающих подчиняться «ахфицерАм», несмотря на то, что сами по себе они представляют всего лишь ноль без палочки.

Таких посылали на собеседование к Железному Феликсу, после чего у отряда, как правило появлялся новый командир у которого в голове были свои закидоны. Но худо-бедно дело двигалось и к вечеру мы уже сможем выпустить в город хотя бы совместные патрули. А ведь в самом скором времени сюда должна прийти и тяжелая гусеничная технику, которую сейчас разгружают в Торговой гавани, и тогда бардак может достигнуть крещендо. Боюсь, что вся эта публика, не имея перед собой общего врага, будет весьма сложно управляема. Тут нужен один хороший бой, который выжжет шлак и отделит агнцев от козлищ и мух от котлет. Беда только в том, что обычно в таком бою плохо сформированное и обученное соединение способно потерять до половины личного состава. Вот так.

13 октября (30 сентября) 1917 года, около 16:05, Петроград, Торговая гавань.

С началом войны судоходство на Балтике практически замерло, и причалы Торговой гавани опустели. Лишь изредка приходили небольшие каботажные суда из Великого

княжества Финляндского. Но вот днем 30-го сентября Торговая гавань вдруг ожила. Сначала, около полудня, к удивлению немногочисленных сторожей, у пустующих причалов появилась большая группа докеров. Часть их, вооруженная винтовками, и возглавляемая известным большевиком Дзержинским оцепила территорию порта, а остальные собрались у причалов и принялись вглядываться вдаль, будто ожидая прибытия каких-то неведомых кораблей. И, как ни странно, такие корабли появились на горизонте где-то около трех часов дня. В их внешнем виде было несколько странностей. Во-первых, они не дымили, что указывало на крайне дорогое нефтяное отопление. Во-вторых, как ни странно, на своих мачтах они несли отнюдь не флаги «Доброфлота» или например шведские, а андреевские флаги русского военного флота, несмотря на то, что один из них по силуэту был явным очень крупным грузовым пароходом. Таких здесь еще не видавали. На нем не было никаких признаков вооружения. Два других оказались явными пассажирскими пароходами, вооруженными лишь по случаю военного времени. Предводительствующий всей этой компанией крейсер незнакомых очертаний направился дальше ко входу в Неву, а транспорты пошли швартоваться к причалам Торговой гавани. Собравшиеся на пирсах докеры быстро и умело организовали швартовку прибывших кораблей.

Один огромный белоснежный пароход едва уместился у причала. Как только были закреплены швартовы, на борту гиганта ожили грузовые стрелы огромных кранов. Этот пароход для разгрузки не нуждался ни в чем, кроме причала, на который можно было бы опустить груз. Но из глубоких недр трюма на свет божий появились не связки мешков, или поддоны с ящиками, а легковые и грузовые авто, а также броневики непривычных очертаний. Два других корабля поменьше, были ошвартованы у двух других причалов, и с них по трапам бегом, прямо на глазах несколько ошарашенных докеров, спускались увешанные с ног до головы оружием солдаты. Они быстро садились в спущенные с борта большого парохода броневики, и по Гутуевскому мосту направлялись в город.

Но первым из порта выехали два небольших пассажирских авто. Водители обоих машин хорошо знали город пусть и в другом времени. Следом за одной из легковых машин последовал броневик с солдатами. Эта пара уверенно направилась в сторону Невы по четной стороне Обводного канала. Конечной целью ее маршрута был Смольный. Другая легковушка сразу за мостом свернула направо и направилась в сторону Путиловского завода.

Следом за ними по ключевым точкам города начали разъезжаться и остальные БТР-80 с бойцами комендантской роты. Сразу после БТР-ов началась разгрузка тяжелой гусеничной техники, танков Т-72, самоходных гаубиц МСТА-С, РСЗО «Тайфун», ТОС-1М «Солнцепек». Пусковые и транспортно-заряжающие установки комплекса «Искандер-М», ЗСУ «Панцирь» на шасси все того же Т-72. На глазах у изумленных работников порта из трюмов белоснежного лайнера один за другим появлялись все более устрашающие с виду и непонятные по назначению железные монстры. Вся тяжелая техника, тоже должна была быть отогнана к Путиловскому заводу, где она, как «Засадный полк» князя Дмитрия Донского до поры до времени будет стоять в пустующих ангарах завода. Если немцы будут настолько глупы, что решать повторить наступление, но уже на сухопутном фронте, то в их 8-ю армию ждет судьба десанта, рвавшегося к Моонзунду.

13 октября (30 сентября) 1917 года, 17:15, Петроград. Зимний дворец

Министр-председатель Временного правительства Российской республики Александр Федорович Керенский.

Весь вечер и всю ночь я провел без сна. После вчерашнего звонка Сталина и разговора с ним по телефону, я сначала успокоился. Лично со Сталиным я знаком не был, но, по отзывам знающих его людей, я мог сделать вывод о том, что это человек слова. Один из вождей большевиков подтвердил мне, что Сталин действительно имеет прямую связь с командующим той неизвестной эскадры, о которой рассказывал адмирал Вердеревский, и которая нанесла немцам катастрофическое поражение под Моозундом. Весь материал, который я прочитал в большевистской газете, был им получен из первых рук. По словам Сталина, эта эскадра имела в своем составе не только несколько крупных кораблей, способных легко разгромить любую эскадру любой страны мира, но и десантный корпус, в котором в большом количестве имелись тяжелые пушечные броневики, и новейшие боевые машины, именуемые на английский лад, «танки».

Вчера из нашего телефонного разговора я понял, что Сталин не блефует и говорит правду. По отзывам всех, кто сколько-нибудь его знал он, Сталин вообще не был склонен к какому-нибудь блефу. Скорее он был скрытным человеком, не выкладывающим на стол сразу всех своих карт, но если уж он засветил козыри, значит, игра сделана.

Как он мне сообщил, передовые отряды большевистского десантного корпуса будут в Петрограде уже сегодня днем. И если я не сдержу своего слова, они, вместе с отрядами красной гвардии и революционными солдатами и матросами, готовы по приказу лидеров большевиков взять власть силой. Так что выбора у меня нет. Или я уйду в отставку со всеми министрами моего правительства, или... Что последует за этим «или», мне даже не хотелось думать...

Время от времени издали со стороны Смольного слышен странный гул. Посланный мной на разведку поручик, сообщил, что в Таврическом саду взлетают и садятся странные летательные аппараты с двумя большими винтами наверху. Гроза уже приближалась.

Я согласился на требования большевиков еще и потому, что Сталин гарантировал личную безопасность мне и моим министрам. Он даже мне издевательски посочувствовал, сказав в ответ на мою просьбу об охране: «Конечно же, дорогой Александр Федорович, мы предоставим вам надежную охрану. Ведь многие горячие головы могут решить с вами расправиться, а мы не можем, не имеем права допустить самосуда. Вы нужны нам живым и здоровым, по крайней мере, на этом этапе политической жизни России. Если кто из ваших министров опасается за свою безопасность, то пусть не стесняется, всем желающим из состава вашего правительства, охрана будет предоставлена...».

Какой позор! А ведь совсем недавно толпа почитателей меня носила на руках! Но политическое счастье переменчиво, а толпа не помнит прошлых заслуг. То она ликует и поет, — Осанна, осанна, — а через минуту беснуется и требует — Распни его!

В общем, я подумал и согласился. Жить то хочется. Потом, уже ближе к ночи я обрисовал создавшуюся ситуацию прибывшим по моему срочному вызову министрам моего

правительства. Ознакомившись со всеми вещественными доказательствами изложенного мной, никто из министров не стал возражать против моего решения. Военно-морской министр адмирал Вердеревский и военный министр генерал Верховский, даже высказали желание работать в новом правительстве большевиков, если и не в качестве министров, то хотя бы товарищей министров. К ним готовы были присоединиться и министр юстиции Малянтович (ну, с эти понятно — он в свое время защищал большевиков на судебных процессах), министр земледелия Маслов, министр путей сообщения Ливеровский, министр просвещения Салазкин. Колебались в принятии подобного решении министр труда Гвоздев и министр торговли Прокопович.

Вот так! Как там в Святом Писании говорилось? Тут я не удержался и процитировал Евангелие от Матфея: «Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь меня». Кое-кто из моих бывших коллег сконфузился, а самый дерзкий из них, Павел Николаевич Малянтович отпарировал,

— Так, Александр Федорович, но ведь вы не Спаситель, готовый идти за свои идеи на Голгофу.

Поговорили в общем... Хорошо, хоть Иуду никто не вспомнил. Разошлись почти друзьями, но каждый из нас понимал, что с завтрашнего дня — каждый сам за себя. Правительство бывшего социалиста-революционера, потом, «трудолика» и масона Керенского почило в бозе. Да здравствует правительство большевика Сталина! Все как полтора столетия назад у французов, революция развивается скачками. Голов, правда, пока никому не рубили, хотя крови уже пролилось предостаточно. Хорошо хоть у нас, минуя Робеспьера-Ульянова, к власти приходит сразу Наполеон-Сталин.

А ближе к полуночи завались снова ЭТИ: французский посол Жозеф Нуланс и британский — Джордж Бьюкенен. Они немедленно стали меня уговаривать не уходить в отставку, а вступить в схватку с «большевистской заразой» и дать отпор «этим зарвавшимся люмпенам от революции». Легко рассуждать этим господам. Ведь они здесь чужие и пользуются дипломатической неприкосновенностью.

Простите, господа хорошие?! А с какими силами я должен дать отпор большевикам?! Командующий Петроградским военным округом полковник Георгий Петрович Полковников доложил мне сегодня днем о том, что по его сведениям, на защиту Временного правительства в случае конфликта с большевистской Красной гвардией не выступит НИ ОДИН из полков, дислоцированных в Петрограде и его окрестностях. Даже казаки, и те заявили, что в возможном вооруженном столкновении они будут сохранять нейтралитет. Лишь несколько военных училищ пока были более-менее надежны. Воевать с таким соотношением сил с большевиками — это был весьма экзотический и верный способ самоубийства. А ведь мы еще не учитывали моряков из Кронштадта и Гельсингфорса. Эти каналы ненавидят меня еще с июля месяца, когда я попытался привести в чувства матросскую вольницу. Если они окажутся в Петрограде, а это при том, что до Кронштадта — рукой подать, и моряки смогут оказаться здесь через несколько часов — то даже все гарантии Сталина не спасут нас от расправы. Подумав об этом, я вздрогнул... Уж лучше десантный корпус большевиков, по слухам дисциплина в нем куда крепче той что была в старой императорской армии и его солдаты уж точно будут слушать приказы командиров.

Тот поручик случайно видел Сталина, а с ним двоих... даже не сказать, как их назвать, уж точно они не солдаты. Подтянутые бойцы, несмотря на мешковатую пятнистую форму, вооруженные до зубов.

— А глазами зыркают, — сказал поручик, — будто цель выискивают. — Он у меня фронтовик, опытный, всякое повидал, и потому я ему верю, — Не приведи господь, Александр Федорович, с такими в бою встретиться, сожрут, как волки ягненка, — сказал он, вышел из кабинета, и исчез неведомо куда, прихватив с собой несколько знакомых и сослуживцев. Наверное, тоже подался на службу к этим...

Послы, заметив мои колебания, переглянулись, и с новым пылом стали убеждать меня не склоняться перед грубым шантажом. Они вдохновенно вещали о том, что союзники по Антанте не бросят нас в трудную минуту, и направят экстренную помощь для того, чтобы удержать Россию на краю пропасти. Только на мой вопрос, — Как скоро эта помощь окажется в Петрограде, никто из дипломатов так и не дал вразумительный ответ. Лишь британец Бьюкенен что-то пролепетал про отряд подводных лодок, дислоцированный в Гельсингфорсе, немедленно выйдет в море, чтобы потопить корабли эскадры адмирала Ларионова, и про английский бронедивизион, который находился в Курске. Только, где Курск, а где Петроград. Да и что он сделает, этот бронедивизион? Что-то около трех десятков пулеметных и пушечных бронемашин и шесть сотен солдат и офицеров. Ну, а про подводные лодки он бы лучше не вспоминал. Стоит Сталину сделать один звонок в Гельсингфорс, и моряки возьмут британские субмарины на абордаж вместе с их плавбазой «Амстердам».

Нуланс и Бьюкенен, поняв, что все их слова выглядят, мягко говоря, неубедительными, снова заговорили о том, что среди лидеров большевиков есть люди, которые сотрудничают с разведкой Франции и Британии. — Ну и что из этого? Да, пусть все обстоит именно так! Не секрет, что многие революционеры получали деньги от правительств других держав. Да же мне, приходилось... Гм... Только не об этом сейчас идет речь.

Даже если эти большевики, как ни влиятельны бы они были среди своих товарищей, попытаются сказать что-то в мою пользу, то я им не завидую... Нет, тот вариант, который мы обсудили со Сталиным, с моей точки зрения, наиболее подходящий. Я сам загнал себя в ловушку, из которой приходится выбираться столь дорогой ценой.

Послы ушли. Я остался один. Лист бумаги — заявление об отставке, и о передаче власти партии большевиков, лежал на столе. Я еще не подписал его, стараясь оттянуть до последнего роковую минуту. Поставить подпись — это всего лишь мгновение... Но после того, как это произойдет, история России, как паровоз, который прошел через стрелку и свернул на совсем другой путь, двинулась вперед, то ли к новым победам, то ли к пропасти...

В этих тяжких раздумьях прошли остаток ночи и утро. А уже сегодня, ближе к полудню, ко мне заявили торжествующие победители. Сначала, внизу, на Дворцовой, раздался приглушенный звук моторов, и я выглянул в окно. К парадному подъезду Зимнего подъехали три броневики незнакомой мне модели на восьми огромных колесах, и закрытый легковой автомобиль угловатой формы. Почти одновременно из броневиков выпрыгнули солдаты в той самой пятнистой мешковатой форме, а из автомобиля не спеша вышли несколько человек в гражданском и военном и направились внутрь. Юнкера, стоящие у входа, вот каналы, даже не пошевелились, чтобы спросить у прибывших хоть какие-то документы. Очевидно, их «убедили» не проявлять лишнее любопытство двойные пулеметы броневиков, один из которых был весьма солидных размеров, и три десятка головорезов, выразительно поглядывавших на мою охрану, и державших наизготовку оружие. Нет сомнений, что и эти, сменившись с поста, тут же немедленно покинут Зимний дворец в неизвестном

направлении.

И вот громкие шаги в коридоре. Идут как хозяева... А ведь, в самом деле, они уже здесь хозяева... А кто тогда я?.. Мои мысли были прерваны явлением трех фигур, которые словно греческие богини судьбы — мойры, без стука в мой кабинет зашли несколько человек. Это были Иосиф Сталин, Феликс Дзержинский — их фото в свое время демонстрировал мне сотрудники военной контрразведки — и еще какой-то офицер, в той самой странной пятнистой форме. Знаков различия на его погонах не разглядел — после бессонной ночи у меня болели и слезились глаза. Но я сумел понять, что большевистские лидеры относились к нему с подчеркнутым уважением.

Этот офицер был вооружен пистолетом, в странно закрепленной кобуре в левой подмышке и коротким карабином с длинным кривым магазином. И тут я с ужасом понял, что это один из ТЕХ САМЫХ безжалостных офицеров-большевиков с таинственной эскадры адмирала Ларионова. Руки у меня предательски задрожали, а по спине побежали струйки холодного пота.

Первым заговорил Сталин. — Господин Керенский, вы уже подписали заявление о сложении ваших полномочий, отставке возглавляемого вами правительства, и передаче власти правительству сформированному партией большевиков?

Я утвердительно кивнул головой, подошел к столу, и, вздохнув, размашисто расписался. Сталин взял из моих рук документ, внимательно прочитал его, и бережно сложив его, положил в полевую офицерскую сумку, висевшую у него на боку.

— Все правильно, господин Керенский, вы сдержали свое обещание, — сказал Сталин, — в свою очередь, и мы сдержим свое.

Он повернулся к офицеру, следившему за всем происходящим с легкой улыбкой, и сказал, — Товарищ Бережной, будьте добры, пригласите, пожалуйста, караул.

Тут я увидел то, что поразило меня до глубины души. Офицер, которого Сталин назвал «товарищем Бережным», достал из кармана небольшую черную коробочку с торчавшим из нее смешным хвостиком, нажал на ней на какую-то кнопку, и произнес, — Малюта, полковник Бережной на связи!

Я вздрогнул, а из коробочки раздался очень отчетливый голос, — Товарищ полковник, старший лейтенант Малюта, слушает.

Мысли в моей голове смешались. Несомненно это была рация... Но такая маленькая, размером с портсигар... О таких я никогда не слышал. Кроме того словосочетание «товарищ полковник» резало ухо мне, но ничуть не смущало моих визави... В третьих, Малюта, он что потомок того самого Скуратова-Бельского, или это прозвище... Второй вариант был куда хуже первого, ибо просто так такие прозвища никому не даются. У меня опять потемнело в глазах.

А полковник продолжал свой разговор с невидимым собеседником, — Товарищ старший лейтенант, приказываю вам направить в Готическую библиотеку наряд из двух бойцов. Надо отправить господина Керенского к месту его назначения.

Коробочка отозвалась, — Вас понял, товарищ полковник, нарядом направляю, прибуду с ним лично через пару минут!

— Вот как, — подумал я, — а с дисциплиной, судя по всему, у НИХ действительно полный порядок...

В кабинет вошли еще трое военных. Обмундированы они были почти одинаково, так что трудно было отличить внешне офицера от нижнего чина. Один из них, по всей видимости,

командир, здоровенный и наглый, вскинул руку к козырьку кепи и произнес, — Товарищ полковник, старший лейтенант Малюта по вашему приказанию прибыл... — и тут же бросил на меня такой взгляд, будто спросил, — Этот, что ли Керенский? Ну, Ну.

Я вздрогнул, а полковник Бережной продолжил, — Товарищ старший лейтенант. Вы лично доставите гражданина Керенского в указанное вам надежное место. И чтоб все было в полном порядке, этот человек нам еще пригодится!

— Так точно, товарищ полковник, — козырнул старший лейтенант, и ухмыльнулся, — гражданин Керенский — на выход с вещами...

Какие там вещи, маленький саквояж на случай внезапного бегства был сложен уже давно. Судьба революционера неверна, только что ты произносил пламенные речи, и вот уже твой соперник отправляет тебя на гильотину. Я совсем не желал разделить судьбу Дантона, Робеспьера и Сен-Жюста, а потому, давно приготовился оставить стремительно идущий на дно корабль русской революции.

Под командой лейтенанта Малюты, двое головорезов, у одного из которых я заметил нашивки унтер-офицера, вывели меня на улицу. Там мы все и еще двое солдат, уселись в нутро одного из броневиков и покатали в какое-то неизвестное мне «надежное место». Именно тут, на жесткой встряхиваемой скамейке, зажатый с двух сторон вооруженными солдатами, под внимательным взглядом сидящего напротив Малюты, я понял, что моя жизнь еще раз разделилась на «до» и «после».

13 октябрь я (30 сентября) 1917 года, 17: 4 5, Финский залив. Борт БПК «Североморск»

Владимир Ильич Ленин

Где-то наверху противно взвыла сирена. Я выглянул в иллюминатор. Корабль уже вошел в Неву, и сейчас осторожно шел по фарватеру, приближаясь к Николаевскому мосту. Я торопливо собрал свои записи и сунул их в чемодан. Не доходя до моста, корабль остановился. В дверь кают-компания постучали. Вошел уже знакомый мне унтер-офицер Игорь Кукушкин, который и забирал меня из Выборга, внимательно посмотрев на меня, он сказал, — Товарищ Ленин, пора, катер уже спущен на воду. Вас уже ждут на набережной у Зимнего дворца. Там целый торжественный митинг, с оркестром и цветами.

Тот же катер, который в Выборге доставил меня с берега на корабль, теперь стремительно неся по реке. Вместе со мной были Эйно Рахья, подполковник Ильин, унтер-офицер Игорь и двое его солдат. Миновав Дворцовый мост, катер сбавил ход. На набережной, напротив главного входа в бывший царский дворец стояла толпа людей. Развевались красные флаги. Когда мы выбрались на пристань, духовой оркестр на набережной заиграл «Интернационал».

По моим щекам покатались слезы. Конечно, в апреле 1917 года меня так же торжественно встречали у Финляндского вокзала. Но тогда еще мы не были у власти, и Временное правительство могло бы нас прихлопнуть, как котят. А вот теперь... Теперь Временное правительство низвергнуто, причем больше собственными усилиями, чем нашими. Мы победили, ну или почти уже победили, и при этом открыли страницу новой истории государства, которое совсем недавно именовалось Российской империей, а потом Российской республикой. Как эта страна будет называться дальше, я еще пока не решил, но это уже не так важно. Именно здесь мы построим первое на земле общество социальной справедливости и освобожденного труда.

Поднявшись вверх по каменным ступеням пристани, я увидел улыбающегося Сталина, рядом с ним стоял довольный, буквально сияющий Дзержинский и какой-то генерал в пенсне. Еще несколько человек в уже знакомой мне пятнистой форме держались отдельно, хотя и находились в первых рядах встречающихся. Видно, что главным среди них был офицер, среднего роста, худощавый с лицом, помеченным мелкими шрамами. Чутье подсказывало мне, что он успел немало повоевать, и грязь окопов для него милее паркета штабов. Рядом с ним стоял еще один офицер, только помоложе, с жестким лицом кавказского типа. Третьим в их компании был немолодой, с короткой седой бородой мужчина, одетый в гражданский костюм, но по его выправке, было видно, что он тоже когда-то носил форму.

— Здравствуйте, товарищ Ленин, — сказал Сталин, пожимая мне руку. — Вот, разрешите вам представить, — он повернулся к встречающим.

— Генерального штаба генерал-лейтенант Потапов Николай Михайлович, — генерал в пенсне подчеркнуто вежливо приложил ладонь к своей фуражке...

— Полковник Бережной Вячеслав Николаевич, — козырнув, худощавый офицер пожал мне руку. — Ну и у него и ручка, — подумал я, — Так сразу и не подумаешь, что он такой

силач...

— Старший лейтенант Бесоев Николай Арсеньевич, — офицер-кавказец, отдав честь, сделал шаг в сторону. Было заметно, что он все время поглядывает по сторонам, словно пытаясь обнаружить возможную для нас опасность. Понятно, что он у них кто-то вроде охранника...

— Тамбовцев Александр Васильевич, журналист, — седобородый добродушно улыбнулся, и протянул мне руку. Но по его хитрым глазам я понял, что он не так уж прост, как старается казаться. Как, впрочем, и я. Но у него преимущество, поскольку он про меня знает все, а я про него ничего. Опасно.

— А теперь, товарищи, давайте отправимся в Смольный, где обсудим все вопросы, связанные с передачей власти Керенским и формирование нового правительства, — сказал Сталин. — Прошу вас.

Толпа встречавшая меня расступилась и я увидел три удивительных автомобиля, совершенно не похожих на те, которые мне раньше пришлось видеть. Два из них, относительно небольшого размера, были выкрашены в темно-зеленой краской, с большими желтыми и коричневыми разводами. Наверху у одного них стоял пулемет, другой был украшен какой-то штукой с очень толстым стволом и массивным круглым барабаном. Третий аппарат, с восемью большими колесами, был, скорее всего, броневиком. Во всяком случае, он был цельнометаллическим, без окон, а на самом верху его была небольшая круглая башенка, из которой торчало два ствола — один большой, второй — поменьше. Возле броневика стоял десяток солдат все в той же пятнистой форме и вооруженных короткими карабинами. Поневоле согласишься если не в переселение душ, то в пришельцев из других времен.

Тут мне вспомнилась встреча меня в апреле этого года у Финляндского вокзала. Я попросил солдат, стоявших у восьмиколесного броневика посадить меня. Встав на крыше этой боевой машины, я посмотрел на людей, обступивших ее вокруг, на развевающиеся красные флаги, на окна Зимнего дворца, и произнес,

— Товарищи! Рабочая и крестьянская социалистическая революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

Толпа дружно закричала — Ура! Оркестр снова заиграл, на этот раз, «Марсельезу». Я спустился с броневика, и на прощание, помахав кепкой, сел в одну из машин, разукрашенных замысловатыми узорами. Туда же сели Сталин, Дзержинский, Потапов, Бережной, Бесоев, Тамбовцев и унтер-офицер Игорь Кукушкин, которого Сталин при всех похвалил за образцовое выполнение задания партии. Было немного тесновато, но вполне терпимо. Еще несколько человек, включая подполковника Ильина и одну миловидную чернявую даму, сели во второе авто.

— Ну, поехали? — спросил Бережной, сев за руль нашей машины. Люди из будущего почему-то заулыбались. Заурчал мотор, и автомобиль плавно тронулся с места... Я оглянулся. Вслед за нами двигался второй автомобиль, а за ним следовал и броневик. Подумав, что нападение на нас было бы сейчас самым настоящим самоубийством, я впервые за несколько последних месяцев почувствовал себя в полной безопасности...

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич

После триумфальной встречи Ильича на набережной у Зимнего дворца, мы дружно погрузились в «Тигры» и с вывернув на Невский, не спеша поехали в сторону Николаевского вокзала. Ленин с удивлением крутил головой, разглядывая оборудование нашего автомобиля.

— Да, товарищи, — сказал он, — вижу, что за это время техника поучила значительное развитие. И пользоваться этой техникой могут лишь грамотные люди. Похоже, что в ваше время значительная часть сознательных пролетариев и крестьян получили неплохое образование.

— В общем, вы правы, Владимир Ильич, — ответил я, — всеобщее среднее образование обязательно и бесплатно. Молодого человека, не имеющего среднего образования, к примеру, не допустят до отбытия воинского долга.

— Это же замечательно, товарищ Тамбовцев! — воскликнул Ленин, — ну, а каких еще успехов вы добились в вашем будущем?

— Товарищ Ленин, — вмешался в разговор Сталин, — давайте, поговорим не о будущем, а о настоящем. Без него будущее просто не наступит. Нам сейчас предстоит очень ответственное дело, необходимо сформировать правительство большевиков, которое возьмет власть, выпавшую из немощных рук Временного правительства господина Керенского.

— А где, кстати, сейчас сам Керенский? — встрепнулся Ленин, — наверное сбежал, подлец...

— Нет, товарищ Ленин, — ответил Сталин, — он в надежном месте и под охраной. Мы решили приберечь его до 2-го съезда Советов. Как вы знаете, он должен состояться недели через две. И на нем Керенский самолично подтвердит, что власть добровольно была передана им большевикам, которые единственные из всех партий способны сделать для России хоть что-то полезное. Ну, а потом, мы подыщем гражданину Керенскому работу по плечу.

— Неплохо придумано, — заметил Ленин, — так мы заткнем рты разным там Черновым, Данам, Чхеидзе и Мартовым, а также всяким местным и зарубежным писакам которые станут упрекать нас в узурпации власти.

Мне вдруг в голову пришла одна мысль, — Товарищи, — сказал я, — в нашем времени была такая государственная должность по-английски звучащая, как «омбутсмен», или «защитник прав человека». Александр Федорович персонаж не злой, только безволен и глуп чрезвычайно. Назначить его таким вот «омбутсменом», дать кабинет, правильного человека в секретари, и пусть к нему идут жалобщики со всей Руси Великой, Малой, Белой и прочая, прочая, прочая. Большая часть жалоб будет, конечно, обычными кляузами, но таким образом можно очень быстро узнавать, в том числе, и о больших безобразиях. Естественно, за Керенским будут присматривать соответствующие люди, чтобы его снова не потянуло в политику...

— Пусть жалуются, товарищу Сталину, или мне, — проворчал Ленин.

— Товарищ Ленин, не каждый вообще решится жаловаться вам, или товарищу Сталину.

Вот такие люди и составят клиентуру господина-товарища Керенского, — ответил я, — И, с теми слоями общества, у которых Керенский еще имеет хоть какой-то авторитет, было бы неплохо, как говорится, держать руку на пульсе.

— Владимир Ильич, — сказал Сталин примиряющее, — вреда от предложения товарища Тамбовцева нет, а вот польза выйти может.

— Ладно, — отмахнулся Ленин, — попробовать, действительно, можно, но если он и здесь все завалит, то придется гнать его со службы поганой метлой.

Мы с товарищем Сталиным синхронно вздохнули, будто говоря — И чего это в таком деле можно завалить? Знай себе сиди, и подставляй жилетку слезливым дамам, жалующимся на несправедливость жизни.

Тем временем наш караван, свернув с Невского на Суворовский, помчался в сторону Смольного.

— Товарищ Ленин, вопрос о власти — наиважнейший, я бы даже сказал, — архиважнейший — употребил я любимое слово Ильича, — поэтому, правительство надо сформировать как можно быстрее, дабы не дать опомниться нашим противникам. Это как руль в руках водителя — выпусти его хоть на несколько секунд во время движения автомобиля, и случится несчастье — машина, потеряв управление, врежется в столб или упадет в пропасть.

Сталин, внимательно слушавший наш разговор с Лениным, в очередной раз одобрительно кивнул головой.

За разговорами мы уже подъехали к дому на Суворовском, в котором находилась наша временная штаб-квартира. Из подъезда выглянул один из «мышек», который, увидев «Тигры» и бэтэр, приветливо помахал нам рукой. Мы выгрузились и вошли в подъезд. До двери квартиры мы поднимались тихо, каждый думал о своем.

В квартире, в самой большой комнате, мы расселись вокруг большого стола, и занялись тем, что начали думати думу. Предварительный разговор со Сталиным у нас уже был, и он, достав из кармана свой рабочий блокнот, начал.

— Товарищи, мое первое предложение — вместо всеми дискредитированного и ненавидимого всеми слова министр, глав министерств, назвать народными комиссарами. Ну и сами, министерства, естественно, народными комиссариатами, или наркоматами. А Совет министров — Советом народных комиссаров, или Совнаркомом. — Возражений нет?

Никто не возразил, все кивнули, и Сталин продолжил.

— Теперь по персональному составу. Одна из самых ключевых и важнейших должностей сейчас — это должность наркома внутренних дел. Все наши недруги с первых же минут начнут против нас бешеную борьбу. Кроме того, необходимо в кратчайшие сроки укротить разгул уголовщины. Ни в коем случае нельзя считать уголовника классово близким трудящемуся, ибо трудящийся зарабатывает свой кусок хлеба, а уголовник его отнимает. На этом посту нужен твердый, верный коммунистическим идеям член нашей партии, пользующийся всеобщим доверием и уважением. Предлагаю утвердить на пост наркома внутренних дел Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Кандидатура «Железного Феликса» была принята единогласно.

— Второй, не менее важный пост, — продолжал Сталин, — наркома по военным и морским делам. По совету наших потомков, которые хорошо знают то, что в их прошлом произошло после нашей революции, военным наркомом предлагаю Фрунзе Михаила Васильевича. Он не профессиональный военный, но определенно талант, во время

Гражданской войны он побеждал своих противников, у которых за плечами была Академия Генерального штаба. Михаил Васильевич сейчас в Шуе, но мы уже вызвали его в Питер телеграммой, и он прибудет сюда завтра утром. Конечно, товарищу Фрунзе поначалу будет трудно, но ему помогут заместители из действующих высших офицеров Русской армии. О персоналиях можно поговорить позднее. Не правда ли, Николай Михайлович?

Генерал Потапов утвердительно кивнул. Ленин, немного подумав, тоже согласился.

— Следующая должность — продолжил Сталин, — это пост наркома иностранных дел. Сейчас, когда нам в самое ближайшее время предстоят переговоры с Германией о заключении перемирия и последующего мирного договора, требуется человек, имеющий опыт дипломата. У нас в партии есть человек, имеющий опыт такой работы. Это Георгий Васильевич Чичерин. Правда, он мягковат, и, если можно так сказать, излишне интеллигентен. Но к нему можно направить строгого и требовательного заместителя, который поможет Георгию Васильевичу управлять таким сложным хозяйством, как Наркоминдел.

Против Чичерина Ленин тоже не возражал.

Наркомом земледелия и продовольствия Сталин предложил назначить Александра Дмитриевича Цюрупу. У него есть опыт работы агрономом, а позднее он двенадцать лет был управляющим имением.

На пост наркома по делам торговли и промышленности Сталин предложил назначить Леонида Борисовича Красина. Как-никак, он был управляющим порохового завода Барановского, и управляющим российских филиалов фирмы Сименс.

Наркомом труда Сталин предложил назначить Григория Ивановича Петровского, наркомом здравоохранения — Николая Александровича Семашко, наркомом просвещения — старый знакомый Ленина и сотрудничавший с газетой «Рабочий путь» Анатолий Васильевич Луначарский. Должности наркома финансов, юстиции, железнодорожного транспорта, почт и телеграфов остались пока вакантными. Сталин не исключил, что на эти должности можно будет пригласить кое-кого из министров Временного правительства. Например, Ливеровского, который в нашем будущем сделал много для развития советских железных дорог, за что был награжден двумя орденами.

И вот настал момент, который с нетерпением и даже с некоторым трепетом ожидали все. Кто возглавит новое правительство? Тут я прокашлялся, встал с места и сказал,

— Товарищи, во главе Совнаркома должен стать товарищ Сталин. В нашей истории именно он сумел справиться с огромными трудностями и сделать Советскую страну великой державой. А товарищ Ленин, как признанный лидер партии большевиков, должен официально возглавить эту партию, которая станет правящей. Руководить одновременно и партией и правительством для одного человека просто невозможно. В нашем прошлом товарищ Ленин попытался совместить эти два поста и буквально сгорел на работе примерно за четыре года. К тому же, для руководства Советами на местах, будет создан ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет — высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти. Как потом вы скажете, Владимир Ильич, «этот орган дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, то есть соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов».

Особо прошу обратить внимание на законодательную функцию ВЦИК. Старых законов уже нет, новые — пока еще не приняты. Это очень сложная работа, которая должна быть

сделана в кратчайшие сроки. А ведь вы, Владимир Ильич, по образованию юрист. Как говорится, вам и карты в руки. Так что, пусть товарищ Сталин занимается повседневной, кропотливой практической работой, а вы, товарищ Ленин, будете нашим главным теоретиком и законодателем.

Ленин, который поначалу с настороженностью и явным неудовольствием слушал мое выступление, к концу его успокоился. На лице у него появилась даже довольная улыбка. Дело в том, что как нам было известно из истории, большинство лидеров большевиков, как и других партий, чурались практической, «черной» работы. Их стихией были митинги, парламентская и публичная деятельность. Именно то, что позднее Сталин назовет «парламентским идиотизмом». Только он, трудоголик и практик, знал, что подлинная власть находится в руках тех, кто «исполняет» законы. Ведь, как бы эти законы и благие намерения не были бы хороши, исполнить их можно по-разному.

Ленин, согласился с моими доводами, и Сталин засобиравшись в Смольный, чтобы довести до упомянутых в списке будущих наркомов о том, чем им начиная с сегодняшнего вечера предстоит заняться. С собой он взял Ирину, которая буквально упростила Иосифа Виссарионовича позволить ей посмотреть на Смольный «образца 1917 года». Историческое место. Туда же отправился и Дзержинский, так же необходимо подобрать место для размещения Совнаркома. Смольный — это штаб партии большевиков, и должен таковым оставаться. Не стоит позволять чисто партийным функционерам «путать партийную шерсть с государственной», меньше будет лишней спеси, и того, что сам Ленин называл комчванством.

А мы с Владимиром Ильичем пока остались на Суворовском. Нам обоим было необходимо срочно побеседовать с глазу на глаз.

Ой! У меня от всего происходящего просто дух захватывает! Я только что своими глазами видела живого Ленина, — Здравствуйте Владимир Ильич. Я разговаривала с самим Дзержинским, сегодня мы даже пообедали вместе. Могла ли я мечтать, что за мной будет ухаживать такой человек, как Сталин? Причем серьезно ухаживает, без дураков. По его глазам видно, что пылкой Наденьке ничего не светит. С досады она было сунулась к нашему морпеху, сержанту Игорьку Кукушкину, но и там получила кукиш с ружейным маслом.

И самое главное, я своими собственными руками, вместе с Александром Васильевичем, Лениным, Дзержинским и Сталиным, совершаю Великую Октябрьскую революцию! О-балдеть!

Правда Александр Васильевич Тамбовцев говорит, что такого шума, как в тот раз, не будет. Никакой пальбы с «Авроры» и Петропавловки холостыми, никакого штурма винных подвалов Зимнего дворца революционными матросами и местной гопоты не произойдет.

Но, сказать честно, все происходящее мне нравится. О подобном любой из моих коллег-журналистов мог только мечтать. И я уверена, что почти каждый из них, не задумываясь, отдал бы душу дьяволу и полжизни в придачу, лишь бы иметь возможность быть свидетелем того, что довелось увидеть мне!

Я не присутствовала во время переговоров наших главных вождей, которые, как я поняла, занимались тем, что делили портфели в будущем правительстве. Но, как мне показалось, тот самый интимный вопрос «о власти» был решен полюбовно, и товарищ Сталин весьма довольный вышел из комнаты, где происходили переговоры, чтобы выкурить папироску в нашей «резервации для бытовых наркоманов». Там я его и отловила.

Тут знаете ли, в связи с возможным пылким романом между нами полным самой настоящей мексиканской страсти, встал еще один вопрос. Как мне называть моего бойфренда в частной, так сказать обстановке? Товарищ Сталин — слишком чур официально, представите, обнимаемся, и я ему нежно шепчу на ухо — «Товарищ Сталин, обнимите меня покрепче». Смеху да и только... Или называть его Кобой. Но так его зовут старые товарищи, которые знали его еще в начале века, а я для этой компании чужая, неудобно как-то. И тут я вспомнила про одного сладкоголосого, как патока грузинского певца, и заодно тезку советского Вождя. Пойдет! Приняв, наконец, решение, я храбро вошла на кухню.

— Сосо, — сказала я, проведя кончиками пальцев по небритой, заросшей черной колючей щетиной щеке, — миленький, голубчик, скажите, вы ведь сейчас в Смольный едете? Умильно заглядывая ему в глаза, я жалобно взмолилась, — Возьмите меня с собой!.. Я буду хорошей девочкой, послушной и вежливой. Я обещаю вам, что буду себя хорошо вести, слушаться вас, и ни в какие истории не влезать.

В этот момент глаза у Сосо сделались совершенно шальными. Он накрыл мои пальцы своей ладонью прижав их к своему лицу. Сложив губки бантиком, я сделала вид, что сейчас заплачу. Как и все женщины, я знала, что даже самое твердое мужское сердце не выдержит такого напора. И не ошиблась. К тому же, как я уже догадывалась, Иосиф Виссарионович уже испытывал ко мне нежные чувства. Не знаю, насколько эти чувства были тогда у него

серьезные, но смотрел он на меня так, что, казалось, сейчас схватит в охапку и понесет на руках напрямик в спальню...

В общем, своей цели я добилась. Сталин поцеловал кончики моих пальцев, что-то пробормотал по грузински, и велел мне собираться.

Александр Васильевич Тамбовцев, услышав о моем предстоящем визите в штаб революции, сперва, нахмурился, но потом махнул на меня рукой, видимо решив, что кому-то, в конце — концов, требуется разузнать, о том, что сейчас творится в Смольном, и что его обитатели и гости думают о смене власти. А персонажи там водились разные — забавные и не очень. Александр Васильевич лишь потребовал, чтобы я захватила с собой оружие — маленький пистолетик ПСМ и радиостанцию. И дал нам с Сосо сопровождающих: старшего лейтенанта Бесоева и еще одного бойца с характерным прозвищем «Шварц», в миру Илью Алексеева. Николаю Арсеньевичу тоже поднадоело сидеть сиднем в нашей штаб-квартире, и он с удовольствием отправился вместе с нами на поиски приключений. Ну а рядовой Шварц получил свое прозвище как за выдающиеся габариты, так и за то, что считал зазорным появляться на людях меньше чем с пулеметом «Печенег». Все остальное оружие выглядело в его руках детскими игрушками.

Надо сказать, что в натуре все выглядело немного иначе, чем показывали в фильмах о революции. Никаких тебе тут лихих комиссаров в кожанках, ни матросов с пулеметными лентами крест накрест. Обычное здание, в котором, кстати, еще до сих пор находится Смольный институт благородных девиц. В садике горят костры, у которых греются озябшие солдатики, несколько смешных бронемашин стоят у входа. Здесь же стоят около десятка обычных местных легковушек, и небольших грузовичков. На ступени главного подъезда кто-то додумался вкатить несколько орудий. Выглядело эффектно, но стрелять эти пушки вряд ли бы смогли.

У входа в здание стоял красногвардеец с винтовкой, который спрашивал у всех входящих документы. Если таковых не было, посетителя пропускали и без них. Бесоев, увидев такой оригинальный вариант несения караульной службы, лишь вздохнул и покачал головой, а Шварц презрительно сплюнул. Да, как говорил один персонаж отечественной истории, — Тут еще начать и кончить. В общем, сплошной «день открытых дверей».

Мы поднялись наверх по большой мраморной лестнице. На втором этаже Сталин нос к носу столкнулся с человеком лет сорока, характерной внешности. У него была большая шапка кучерявых волос с легкой проседью, усики, маленькая борода клинышком, и пенсне. Я сразу же узнала в этом историческом персонаже Льва Давыдовича Троцкого, то есть Лейбу Давидовича Бронштейна. Лев Давидович поздоровался со Сталиным, и с любопытством посмотрел на меня и на Бесоева, по остановившемуся позади нас Шварцу с его пулеметом взгляд Троцкого скользнул, как по предмету обстановки.

Впрочем, смотрел «демон Революции» больше на меня, чем на Бесоева. Товарища старшего лейтенанта Троцкий, по всей видимости, принял за одного из земляков или даже родственников Сталина. Он даже не обратил внимания на его вооружение и снаряжение, мол мало что носят у себя в горах эти абреки-головорезы.

Зато меня он обвел взглядом, похожим на тот, которым сексуально озабоченные граждане с толстыми кошельками рассматривают «ночных бабочек», дефилирующих по Старо-Невскому. Иосиф Виссарионович, заметив это, нахмурился. Но Троцкий, не заметив недовольства Сталина, и стал рассыпаться передо мною в пошлых комплиментах. Узнав, что я журналист, он с ходу стал предлагать мне должность редактора в газете Петросовета. Ну, и

«свою всемерную поддержку и дружеское участие»... Угу... Много таких «благодетелей» ко мне уже подкатывало. Могу повторить адрес — куда я их отправляла пешком...

Сталину, человеку и без того горячему, быстро надоели эти донжуанские расшаркивания Льва Давидовича. Он, довольно бесцеремонно перебив его очередную влюбленную трель, и прямо так, в лоб, сообщил, что глава Временного правительства Керенский добровольно сложил свои полномочия в пользу партии большевиков. Потом, полюбовавшись на переливы эмоций на лице ставшего вдруг серьезным и озабоченным Льва Давидовича, добавил, что Ленин уже несколько часов как прибыл в Петроград на военном корабле, и что уже фактически сформировано первое большевистское правительство, которое с нуля часов первого октября, возьмет власть в России в свои руки. Вот тут-то Троцкий и взорвался!

— Да вы в своем ли уме?! — заорал он, — Как вы посмели решать за всю партию, и без обсуждения персоналий? Ведь наверняка по вашей воле в правительство не попали многие заслуженные и уважаемые деятели социалистического движения, которые доказали свою преданность марксизму многолетней борьбой с самодержавием!

— Кем уважаемые? — ехидно поинтересовался Сталин, — И за что? Уж не себя ли вы имеете в виду, товарищ Троцкий? Только, если помнится, вас Владимир Ильич как-то называл «Балалайкиным» и «Иудушкой», еще в те времена, когда вы интриговали вместе с Парвусом, агитируя за «перманентную мировую революцию». Ну, а в нашей партии, вы, любезный, официально состоите лишь с мая этого года, куда вы переметнулись из «межрайонцев», почуяв, откуда ветер дует.

Троцкий, покраснел от бешенства, и чуть было не задохнулся от ярости, став неожиданно похожим на Сеньора Помидора из детского мультика «Чиполлино». Я даже хихикнула, представив себе Троцкого в этой роли...

— Вы... Вы... Вы грубый и неотесанный дикарь, который ничего не смыслит в марксизме и в теории революционной борьбы! Вы настоящий диктатор, восточный сатрап, который оседлал партию, и превратил ее в послушного вам ишака! Я... Я подниму на ноги марксистов всего мира, которые быстро загонят вас в хлев — место, единственное для вас достойное... Да я...

Я была удивлена тому, что Сталин не вспылил, услышав из уст Троцкого эти оскорбления. Видимо, горское терпение и выдержка не позволили ему опуститься на уровень беснующегося гешефтмахера от революции. Сталин презрительно улыбнулся, и склонив голову наблюдал за истерикой Троцкого. Наконец, когда Лев Давидович прекратил свои завывания. Тогда Сталин сказал,

— Товарищ Троцкий, вы занимаете достаточно ответственный и важный пост. Вы избраны десять дней назад председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. У миллионного города очень много проблем. В частности, хлеба по карточкам выдается уже меньше фунта на человека, сахар, который положено выдавать по два фунта в месяц, люди не получают вообще. Половина детей Петрограда не имеет возможности получить молоко, фрукты, которых по идее сейчас должны продавать на каждом углу, продаются редко, и по цене чуть ли не по рублю за штуку. За хлебом, сахаром и табаком жители Петрограда, в основном жены и дети пролетариев, стоят часами в очередях, часто под пронизывающим осенним дождем.

А электричество? На электростанциях кончается уголь, и город скоро останется без света. Есть вопросы с водопроводом и канализацией... Вот где для вас прорва работы!

Покажите, что вы можете успешно с ней справляться, тогда можно будет и подумать о достойной для вас должности в советском правительстве...

Во время этой, довольно длинной речи Сталина, Троцкий стоял неподвижно, с кривой ухмылкой на лице. Лишь когда Иосиф Виссарионович упомянул проблемы с водопроводом и канализацией, лицо его дернулось в нервном тике. Троцкий не мог никак понять — говорит ли Сталин всерьез, или над ним издевается. И лишь последняя фраза поставила все точки над «и». «Лев Революции» опять взорвался.

— Вы предлагаете мне кормить всю эту прорву бездельников? Да, пусть они поголодают! Только это еще не голод... Вот когда матери начнут есть своих детей, тогда можно будет сказать: «Мы голодаем».

Услышав это, я вздрогнула. Я вспомнила, что примерно такие же слова сказал Троцкий и в нашей истории. Только там речь шла о голодающих москвичах...

Сталин, услышав откровения Троцкого, потемнел лицом. Глаза сощурились, а руки сжались в кулаки. За спиной я услышала двойной щелчок взводимого затвора. Мне стало ясно, что компанеро Рамон Меркадер может и не получить звание Героя Советского Союза. Потому, что старший лейтенант Бесоев пристрелит Троцкого сейчас, прямо на лестнице Смольного. Или это сделает рядовой Шварц из своего «Печенег». Да и моя рука непроизвольно потянула ПСМ из кармана кожанки.

Похоже, увидев наши взгляды, Троцкий догадался о том, что сболтнул лишнего, и что сейчас с ним может произойти. Забыв про болтающуюся на поясе желтую кожаную кобуру с браунингом, он вздрогнул, отпрянул, и, пробормотав себе под нос какое-то ругательство на немецком или идише — я толком не расслышала — резво сорвался с места и, сломя голову, зигзагами, помчался вверх по лестнице.

— Жаловаться побежал, — ухмыльнулся Сталин. — только вряд ли кто ему сейчас поможет. Найдутся, конечно, сочувствующие, но так уж у этой братии устроено, что спасать от неприятностей своих они бросаются лишь тогда, когда они ничем не рискуют. А вот если надо за «други своя» шкурой рискнуть, то все эти «большевики-скороспелки» тут же разбегаются, как тараканы.

— Товарищ Сталин, — спокойно произнес старший лейтенант Бесоев, убирая АПС в кобуру, — а ведь нам, хошь не хошь, а все равно придется избавляться от этих... Ну, для которых Россия — лишь охапка хвороста, брошенная в костер мировой революции. И чем раньше, тем лучше.

— Вы о Троцких или Бронштейнах? — спросил Сталин. Если о Троцких, то с подобными мы цацкаться не будем. А если о Бронштейнах... Не скрою, что в нашей партии немало выходцев из «черты оседлости». В еврейском народе есть многие неплохие качества: работоспособность, спаянность, политическую активность. У них активность выше средней, безусловно. Поэтому, есть среди них очень горячие в одну сторону, и очень горячие в другую. Немало среди них и настоящих товарищей, — вздохнул Сталин, — И в основном это выходцы из еврейской бедноты. А папенька Лейбы Бронштейна, к примеру, зерном спекулировал, миллионами ворочал.

Пойдемте, товарищи, нам еще надо найти тех, кого мы внесли в список будущих наркомов. У нас впереди слишком мало времени, и слишком много работы...

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич

Сталин со своими спутниками направился в Смольный, а мы с Лениным остались в квартире на Суворовском, уже ставшей нам пусть и временным, но родным домом. На войне всегда так, случайный дом, землянка, палатка, на какое-то время становятся для бойца родным домом. А у нас сейчас как раз идет война, война за будущее страны.

Я прислушался, за стеной работает радиостанция, и радист вызывает какого-то «Седьмого», в комнате напротив — столовой, наши бойцы бойко звенят посудой. По распорядку дня сейчас ужин. Неожиданно я почувствовал, как у меня в животе заурчало. Почему-то, вспомнилось, коронное из Василия Алибабаевича: «А в тюрьме сейчас ужин — макароны!». Ведь за весь сегодняшний день я так и не успел поесть по-человечески, если не считать перехваченный на лету стакан чая и пару галет из сухпая. Похоже, что Ильич чувствовал себя примерно так же. Он стал принимать с запахам, доносившимся из столовой, а потом сглотнул слюну.

— Владимир Ильич, — сказал я, — а не откусать ли нам того, что Бог послал?

— Не возражаю, Александр Васильевич, — улыбнулся Ленин, — я со вчерашнего дня ничего не ел. Ваши люди вытащили меня из дома, когда как раз я собирался позавтракать.

Я вздохнул, — Знаете, Владимир Ильич, а ведь гастрит и язва желудка, это одна из двух пар профессиональных болезней политиков и журналистов, происходящая из двух причин, неправильного и нерегулярного питания и нервозности.

— И какая же вторая пара таких болезней? — спросил Ильич, вставая.

— Инфаркт и инсульт, — ответил я, — Но к сегодняшнему ужину, товарищ Ленин, это отношения не имеет.

Ильич нетерпеливо кивнул, признавая мою правоту, и мы дружно отправились в столовую.

Появление живого Ленина, пусть и немного в неклассическом имидже, вызвало там шок и трепет. Куда там Бушу-младшему. «Жору Кустова» наши морпехи и спецназовцы, люди, понюхавшие порошу, побывавшие там, где нормальному человеку лучше бы и не бывать, послали бы так далеко, что он сразу же перестал бы путать Австрию с Австралией. Зато в присутствии Владимира Ильича они притихли, как нашкодившие пацаны при виде грозной воспитательницы. Еще бы — к ним в комнату запросто заходит человек, которому в каждом городе стояли, да и сейчас много где еще стоят, памятники, чье имя носят улицы и города. Ленин! Сам!! Можно руками потрогать!!!

Дабы немедленно прекратить смущение умов, и дать возможность нам поужинать, я громко поинтересовался у дежурного по кухне Германа Курбатова — будут ли нас сегодня кормить. Буквально через несколько секунд перед нами на столе очутились две глиняные миски, полные макаронами с армейской тушенкой, ложки и по куску хлеба. Мы с Владимиром Ильичом принялись трапезничать.

Умая макароны, я налил себе из большого медного чайника крепкого чая, и не спеша стал отхлебывать его мелкими глотками из фаянсовой кружки с улыбающимися

ангелочками, нарисованными на ее боку.

Ленин, несмотря на голод, ел не спеша, аккуратно и тщательно пережевывая пищу. Время от времени он внимательно поглядывал на сидевших в столовой бойцов.

— Товарищи, — сказал он, — а вы что не едите? Или вы уже сыты?

— Мы уже поели, Владимир Ильич, — вразнобой ответили они, — Вот сейчас немногo посидим, и займемся нашими повседневными делами, — а Герман Курбатов добавил, — ибо даже в Уставе сказано, что полчаса после приема пищи, боец должен находиться в неге и бездельи. Вот товарищ капитан сказал, что завтра будет много работы...

— Да, кстати, Александр Васильевич, а какие у вас планы на завтра? — обратился ко мне Ленин, — чем вы намерены заняться?

Я пожал плечами, — Товарищ Ленин, сегодня мы вместе с вами взяли власть, а завтра ее уже надо будет защищать. И ведь вот что странно, Владимир Ильич — брать власть, а с ней и ответственность за судьбу России вообще никто не хотел, и правительство Керенского разлагалось заживо. А как только мы с вами решились на этот безумный, с точки зрения наших оппонентов поступок, так сразу появится куча желающих эту власть у нас отобрать...

Ленин задумчиво сказал, — А я ведь помню, как на I-м Всероссийском съезде Советов господин Церетели на трибуне витийствовал, дескать, в России нет сейчас политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Я не выдержал, и сказал: «Есть такая партия!». Как над нами тогда смеялись... А вот теперь не знаю, будут ли они снова смеяться, или начнут ставить нам подножки, и устраивать нам разные пакости. Эти люди разрушители, созидать они не могут...

— Да, этот Церетели уже успел наломать дров, — ответил я, — Это именно в составе руководства делегации Временного правительства признал автономию Украинской Центральной рады. При этом без согласования с правительством руководимая им делегация согласилась с предложениями Центральной рады и включила в состав автономии все юго-западные губернии России. Ох, как дорого нам потом это обошлось!

А потом, после того, как большевики взяли власть и распустили Учредительное собрание, он уехал к себе в Грузию, где как дешевая проститутка, последовательно ложился под турок, немцев и англичан... «Независимая Грузия» ухитрилась перессориться со всеми своими соседями, устроить резню абхазов и осетин. Кончилось все тем, что в феврале 1921 года Красная Армия вошла в Грузию, и разогнала бардак, именуемый «грузинским правительством». Господин Церетели сбежал во Францию, а потом в США. Там он и умер, до конца своих дней продолжая лить ушатами грязь на Россию и большевиков.

— Вот, значит как... — задумчиво произнес Ленин, — а ведь мы с ним когда-то вместе делали одно дело. Боролись с самодержавием, занимались агитацией. Правда, он как-то сразу примкнул к меньшевикам...

— Владимир Ильич, — сказал я, — тогда было сложно определить — с чем борется господин Церетели, с самодержавием, или с самой Россией. Вон, Юзеф Пилсудский тоже в социалистах ходил. А потом пошел войной на «москалей»... Если бы вы знали, сколько ваших бывших соратников по РСДРП в самое ближайшее время станут вашими злейшими врагами. Такова судьба любой революции — вспомните Великую Французскую... Те, кто вместе штурмовали Бастилию, потом не дрогнув, подписывали смертные приговоры друг другу. Эбер, Дантон, Демулен, потом Робеспьер и Сен-Жюст. А кончилось все Бонапартом...

— Так вы считаете, что и у нас будет свой Бонапарт? — полувопросительно —

полуутвердительно спросил Ленин, — и звать его...

— Да, Владимир Ильич, именно он, — ответил я. — Товарищ Сталин создаст государство, которое в кратчайший срок пройдет путь от сохи до вершин науки, до современной промышленности, сумеет победить самого страшного завоевателя в истории мировых войн, и сделать Россию величайшей державой мира.

— Гм, надеюсь, что меня в вашей истории не постигла судьба Дантона или Робеспьера? — с иронией спросил Ленин, — или меня, как Марата, убили враги революции?

— Нет, Владимир Ильич, — ответил я, — на гильотину вас никто не отправил, а вот убить вас пытались. Кстати, как и на Марата, покушалась на вас женщина — эсерка Каплан. Но вы выжили. А умерли все равно рано... Но, давайте, мы не будем сейчас говорить на эту тему... Лучше сначала получить квалифицированное мнение врачей о текущем состоянии вашего здоровья. — заметив в глазах Ленина недоумение, я добавил, — наших врачей. Как только закончится принуждение Германии к миру, в Питер придет наш плавгоспиталь «Енисей». Так что, товарищ Ленин, этот разговор лучше продолжить после вашего полного медицинского обследования. Уверю вас, что это совсем не больно.

— Хорошо, — недовольно буркнул Ленин, — Тогда, дорогой Александр Васильевич, скажите, произошла ли в вашей истории Мировая Революция?

Я вздохнул, — Нет, Владимир Ильич, мировой революции мы так и не дождались. Правда, после разгрома германских нацистов в освобожденных нашей армией государствах к власти пришли правительства, объявившие себя социалистическими. Но, как показала жизнь, социалистические идеи в этих странах не пустили глубокие корни. Мелкобуржуазный характер этих народов, в самом худшем его понимании, все время провоцировал антисоциалистические мятежи и беспорядки. Венгрия в 1956 году, Чехословакия в 1968 году, Польша в 80-х, Румыния в 1988 году, распад Социалистической Федеративной Республики Югославия в 1992 году и кровавая гражданская война последовавшая вслед за этим. После развала Советского Союза к власти в странах «социалистического лагеря», как и собственно в бывших республиках СССР, включая и Россию, пришли к власти нормальные капиталисты, которые быстро доказали большинству жителей этих стран преимущество социалистического строя. Только было уже поздно — поезд ушел...

Но хочу вас все же порадовать — социализм, как государственный строй, правда в весьма специфической форме, существует в такой огромной и могучей стране, как Китайская Народная Республика. И в маленькой латиноамериканской стране — Кубе, где люди не поддались на шантаж и давление, и до сих пор строят социалистическое общество для себя и своих детей.

— Да, старик Маркс во многом был прав, и во многом заблуждался, — задумчиво сказал Ленин, — но критерий истины — опыт. И никуда от этого не денешься, даже если этот опыт показывает, что изначально ставилась неразрешимая на данный момент задача...

— Ну, почему же неразрешимая? — пожал плечами я, — Теперь, с самого начала, Советская Россия станет передовым отрядом социализма, а не «охапкой хвороста»... СССР будет заниматься не дурацкими экспериментами, а постоянно наращивать свою промышленность и поднимать уровень жизни населения, чтобы у трудящихся со всего мира была возможность сравнивать. И особое внимание надо уделять мощи Красной Армии. Вот тогда, во время грядущего кризиса капиталистической системы, мы с ними и поборемся...

— Понятно-о, — протянул Ленин, — А когда, в вашем прошлом был этот самый

кризис?

— В конце октября 1929 года, — ответил я, — ровно через двенадцать лет. И начнется он в самой могущественной и богатой стране капитализма — в США. Если все пойдет как нами задумано, без гражданской войны в России, у нас будет достаточно времени подготовиться.

— Я подумаю над этим, — серьезно сказал Ленин, — Вместо концепции «перманентной революции», безудержным апологетом которой является товарищ Троцкий и некоторые его единомышленники, как я понял, вы предлагаете начать не штурм здания мирового капитала, а его планомерную осаду... — потом Ильич вдруг резко поменял тему, и спросил меня, — Скажите, Александр Васильевич, — а вы член коммунистической партии?

— Нет, Владимир Ильич. — покачал я головой, — На данный момент я беспартийный коммунист, — и, увидев удивление на лице Ленина, пояснил, — Сие означает, что я согласен с идеями социальной справедливости и всемирного человеческого братства. Но я не вижу партии, которая готова взяться на практике за осуществления этих идей. В моем времени тамошняя компартия занималась борьбой за свои мелкие шкурные интересы, и держалась на плаву лишь из-за своего названия. Это ухудшенный вариант здешних меньшевиков. Вы не поверите, у нас со временем даже свои эсеры завелись, тоже, кстати, бледная копия здешних.

Настроение Ильича совсем испортилось. И это понятно, ведь недаром говорится в Святом Писании: «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»... То что ему виделось простым и легким: «Вот победим, и будет всем счастье!» — на самом деле оказывалось только первым шагом к нечеловечески тяжкому труду.

Дабы немного развеяться, я начал рассказывать Ильичу о том, как благодаря нашему послезнанию правительству большевиков удастся бескровно разрешить многие конфликты, вовремя предотвратить ошибки, разобраться в хитросплетениях мировой политики, словом, шагать по краю пропасти не с завязанными глазами, а ярким фонарем, который будет освещать нам путь.

Тут у меня начали слипаться веки, и сон навалился на меня, словно огромный мягкий матрас. Но, перед тем, как отправиться в комнату, превращенную нами в спальное помещение, я сходил в кладовку, порылся в своем вещмешке, и нашел одну очень умную книгу. Ее я и дал почитать Ленину, в надежде на то, что она окончательно поможет разобраться в нашем прошлом а его будущем.

Ильич, жадно схватив, ее с изумлением прочитал на серой затертой обложке: «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Госполитиздат. 1946 год».

Ленин раскрыл книгу и стал внимательно ее читать, делая карандашом пометки на полях страниц.

Это было последнее, что я увидел перед тем, как уйти к себе и провалиться в глубокий сон...

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич

...Проснулся я уже под утро. Все, кому положено было, спали, кому положено — бодрствовали. А в кабинете, где оставался один Ильич, горел свет. Я осторожно заглянул в приоткрытую дверь.

Ленин, по всей видимости, только что закончил штудировать «Краткий курс», и находился сейчас в полном смятении чувств. Точнее даже, в полной прострации. Глаза у него были красными, как у кролика, а остатки волос на голове всклокочены. Увидев меня, он вскочил из-за стола, и схватил за руку.

— Александр Васильевич, голубчик, — как-то по-детски запричитал он, — ведь что же это происходит?.. Неужели все, что написано в этой книге, это правда?!

— Истинная правда, Владимир Ильич, — ответил я. — Конечно, в «Кратком курсе» все изложено конспективно, но, тем не менее, здесь верно отображено все происходившее в нашей стране после революции.

— В какое страшное и великое время пришлось жить людям... — воскликнул Ленин, и всплеснул руками, — Ах, если бы я предполагал, что так все обернется... У Маркса было все так просто и красиво. А в жизни оказалось совсем не так, как в теории... — он начал возбужденно бегать по маленькой комнатке взад и вперед,

— А, знаете, Александр Васильевич, ведь все-таки правильно, что не я, а товарищ Сталин будет главой советского правительства. Я понял что просто не справлюсь с такой работой... И умру я не через семь лет, а гораздо раньше. Я просто не выдержу такого напряжения. — Потом он остановился и посмотрел мне прямо в глаза, — Видите ли, дорогой Александр Васильевич, если сказать по-честному, я — барин... Нет-нет, батенька, — замахал руками Ленин, увидев мой изумленный взгляд, — это непреложный факт, и от него никуда не денешься. Барин и интеллигент! Происхождение и воспитание — это архиважная вещь, и от них во многом зависит поведение человека. Я больше кабинетный работник, привык трудиться за письменным столом, в библиотеках, вести публичные дискуссии и выступать на митингах. Ну, нет у меня мужицкой привычки надрываться, но делать свое дело, не смотря ни на что! Это хлебопашец знает, что один день может кормить год, и будет тянуть свою лямку, надрывая жилы. А так не смогу — сломаюсь.

А сейчас для управления страной нужен совсем другой человек — не боящийся черной работы, со стальной волей и хорошо знающий народ. Все это есть у товарища Кобы, у Сталина. Он — мужик по происхождению... Хотя и грузинский, но мужик. Иосиф Виссарионович вдоволь хлебнул лишений, вырос в нищете, познал измену товарищей, прошел ссылку в Туруханском крае, вдоволь насиделся по тюрьмам, был бит не один раз.

Он привык заниматься именно черной, практической работой. Я прочел, как в вашей истории он справился с управлением государством, причем, в самые трудные моменты его истории. Ведь помимо Гражданской войны у вас были: Индустриализация, Коллективизация, Ликвидация неграмотности. А эта страшная война с германцами! Нет, наверное вы вчера были правы, когда говорили, что Мировую революцию можно сделать

только шаг за шагом. Так ходят в горах. Я знаете ли не скалолаз, но жить в Швейцарии и хотя бы раз не сходить в горы... Каждый неверный шаг, это путь в пропасть.

Да, да, все правильно — каждый сверчок должен знать свой шесток! Когда вчера здесь обсуждался состав будущего советского правительства, я еще колебался, считал, что товарищ Коба рвется к власти, не имея на то ни таланта, ни заслуг. Теперь же я буду на заседании ЦК нашей партии отчаянно поддерживать его, и только его кандидатуру. Да-с!

А мне тоже найдется работа, архиважная и архисрочная! Надо заняться теорией коммунистического движения. Исходя из тех данных, которые я получил от вас, необходимо будет разработать новую тактику коммунистов в борьбе за власть трудящихся. Надо будет учесть и наши и ваши ошибки. Работы здесь — непочатый край. И работа с Советами. Это тоже важнейшее направление нашей деятельности. Так что, уважаемый Александр Васильевич, считайте меня вашим союзником, и рассчитывайте на мою помощь...

— Ну, что ж, — сказал я, — тогда вы с товарищем Сталиным составите «тандем». Вам приходилось, наверное, кататься на подобном велосипеде?

В глазах у Ильича заплескали чертики. Конечно, на таком тандеме он катался не только со своей Наденькой, но, и с «товарищем по партии» Инессой Арманд. Ленин почесал непривычно бритый подбородок и сказал, — Я понял вашу аналогию, крутят педали двое, а руль только у одного...

— Зато обязанность второго смотреть вдаль, — парировал я, — сидящий за рулем смотрит на дорогу, а сидящий за ним указывает направление и предупреждает о грядущей опасности. Да и цель у велосипедистов общая...

— Хорошо, — кивнул Ленин, — Только у меня будет к вам одна личная просьба, — он посмотрел мне в глаза, и добавил, — ведь я могу попросить у вас что-то, что вы могли бы сделать для меня, как человека, а не политического деятеля?

— Если эта просьба выполнима, Владимир Ильич, — ответил я, — то мы непременно сделаем то, о чем вы у нас попросите...

— Выполнима, — вздохнул Ленин, — Просьба заключается вот в чем... Когда я умру — не знаю, правда, когда это случится в этой истории, похороните меня рядом с мамой на Волковском кладбище. Не хочу я, чтобы, как в ваше время, быть выставленным на всеобщее обозрение — как какой-то фараон египетский! Хочется быть рядом с родным человеком. Помните, как у Пушкина:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

— Пусть будет так, Владимир Ильич, — сказал я. — Мы выполним вашу просьбу. Только не спешите умирать, дел нам всем предстоит еще много...

Часть 4. Самый лучший день

14. (01.)10.1917 6.00. Петроград. Таврический дворец

Журналистка Андреева Ирина Владимировна.

«Главное начать, и прибыл Я пойдут» — так кажется, говаривал один отрицательный персонаж той нашей недавней истории. Тот самый, что с пятном на лысине. Но, к черту Меченого, сегодня более актуальной будет строчка из песни времен молодости моих родителей: «Сегодня самый лучший день, пусть реют флаги над полками...» Действительно настроение приподнятое, и к тому же налетевший южный ветер разогнал обложившие небо тучи, через которые даже проглянуло бледное осеннее солнце.

В такой день самое-то начинать строительство нового государства, новой политики, и новой жизни. Но это новое, уже подзабытое нами старое. Нам довелось заново строить страну, которую мы уже однажды потеряли. Я знаю, что этот праздник перейдет в тяжкий нечеловеческий труд спасения России. Новому правительству в наследство от предшественников достались авгиевы конюшни, заполненные навозом до самого верха. Для того чтобы заняться этим геракловым трудом, сегодня с утра пораньше в Таврическом дворце, собираются особые люди, и имя им большевики. Самое главное, что в отличие от того правительства, которое мы оставили в ХХI веке, среди них нет ни одного вора, дурака или предателя.

Но, давайте по порядку. Вчера вечером в Смольном, после той сцены с Троцким на лестнице, мы все прошли в комнату, которая была чем-то вроде гостиной. Стоял диван, стол, несколько стульев. При желании, можно было здесь и поспать, правда, без особого комфорта. Сосос оставил меня в этой комнате, вместе с сопровождающими, то ли всерьез, то ли в шутку сказав при этом, — Нечего людей пугать, а то тут некоторые слабонервные, хуже барышень, так что посидите покуда, а я сейчас...

И исчез часа на полтора. Ничего себе «сейчас». Потом он все-таки появился, вполне довольный, с горячим чайником в одной руке, и краюхой круглого хлеба в другой. Поставив чайник на стол, Сталин выудил из кармана своей куртки завернутый в чистую тряпицу кусок сала, и бумажный фунтик с колотым сахаром. Как я поняла, по нынешним временам это была просто царская еда и невиданная роскошь.

Илюша Алексеев, хотя какой он Илюша, фигура в дверь не помещается, в свою очередь, пошарив в вещмешке, поставил на стол банку тушенки, пластиковую коробочку с пакетиками заварки и пачку печенья из сухпая.

— Да вы просто буржуи! — пошутил Сталин, — надеюсь, товарищи из будущего поделятся с бедным голодным председателем Совнаркома?

— Обижаете, Иосиф Виссарионович, — укоризненно пробасил Илья, — у нас как раз все по товарищески, — подумал и добавил, — и по завету отцов — «все что есть в печи — на стол мечи». Если мы с вами объединим наши капиталы, то у нас получится вполне калорийный и вполне полезный ужин на четверых, так что в связи с этим, товарищ председатель совнаркома, как там насчет сала? Вы нам тоже, надеюсь, не откажите?

Во время ужина Сталин сообщил нам, что сумел проинформировать практически всех

своих будущих коллег по правительству. Отсутствовал лишь Фрунзе, но и он должен сегодня к вечеру или завтра к утру приехать из Шуи.

— Люди готовы трудиться, — со вздохом говорил Сталин, накладывая на кусок хлеба ломоть сала, — боязно им, конечно, но ведь никуда не деться, все делается в первый раз. Вон, взять Александра Дмитриевича Цюрупу — он прекрасно справлялся работой управляющего имением князя Кугушева, а тут — огромная Россия. Он долго отказывался, но я его, в конце концов, уломал. Примерно так же пришлось разговаривать почти с каждым. Но, это и хорошо. Если бы кто-то из них сразу же согласился бы, то я не стал бы доверять такому вот торопыге — наверняка не справится с порученным делом. Но, как народ говорит — глаза боятся, а руки делают.

В общем, товарищи, — закончил Сталин, — сбор народных комиссаров назначен на завтрашнее утро. Ровно в 6.00 все члены советского правительства собираются у входа в Смольный и идут пешком к Таврическому дворцу. Мы решили, что Совнарком лучше всего расположить именно там. Здание большое, правда, во время пребывания там «Временных», его немножко подзагадили. Но уже с месяц, как Таврический дворец стали приводить в порядок, чтобы разместить в нем Учредительное собрание. Еще днем я послал туда одного товарища, чтобы он осмотрел здание. Мне сообщили, что хоть ремонтные работы еще ведутся, но помещения для работы Совнаркома есть.

Старший лейтенант Бесоев, допивая чай, спросил, — Товарищ Сталин, а что вы собираетесь делать с Учредительным собранием? Как мне кажется, сейчас это крайне ненужная и бессмысленная структура.

— Товарищ Бесоев, — кивнул Сталин, — вы, в общем, правы. Мы, большевики, постараемся свести на нет эту совершенно неуместную инициативу «Временных». А то как-то несправедливо получается — кому-то разгребать дерьмо, а кому-то ораторствовать с трибуны Учредилки, и ставить нам палки в колеса. — Не выйдет!

Вот, товарищ Тамбовцев советует пока укреплять советские структуры, а всеобщие выборы провести позже, весной или летом следующего года. В любом случае нам будет нужен некий отстойник, куда мы могли бы сплавить собственных болтунов от политики. Товарищ Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков, Рыков и иже с ними все равно не способны сделать ничего хорошего, а вот навредить могут предостаточно. Сейчас нам нужно будет думать, о том, куда их девать до тех пор.

Старший лейтенант Бесоев кивнул, и разговоры о политике на этом завершились. После ужина, мы еще немного поговорили на разные темы, о том о сем, и легли спать. Мне Сосо галантно уступил диван, а сам улегся вместе с остальными мужчинами на полу. Немного поворочавшись, они быстро захрапели. Вскоре уснула и я.

Проснулась я рано утром от того, что Сталин свистящим шепотом ругал кого-то, проснувшего голову в комнату. — Ти что арош, нэ видишь, дэвушка спыт, устала, бэдная, — от волнения Сосо заговорил с акцентом, — ти мнэ скажы толком, что случилось?

— Товарищ Сталин, — отвечал незнакомый голос, — тут у ворот авто приехали, вас спрашивают. Говорят, что транспорт для товарищей народных комиссаров подан.

— Эге, — подумала я, — это Васильич, похоже, подсуетился. Посмотрим, что за «членовозы» он нам подогнал. Проснувшись окончательно, я с неохотой выползла из-под теплой шинели, которой укрыл меня Сталин. Заботливый. Мои коллеги мужского пола, оказывается, уже давно совсем не спали, и успели сбегать в туалет, где умылись, побрились и сделали все свои дела. Я тоже быстренько привела себя в порядок, сходила куда надо — б-

р-р-р... — и это называется Институт благородных девиц!

Потом мы все пошли к выходу. По дороге нам попался человек, которому Сосо был так же рад, как перебежавшей дорогу черной кошке. Весь в коже, начиная от черных хромовых сапог до черной кожаной кепки, сам чернявый, с вывернутыми губами, в пенсне... Одним словом — черт! На нас он смотрел... В общем, очень нехорошо смотрел. Образно говоря, шерсть у меня на загривке тут же встала дыбом. Рука опять, как в случае с Троцким, потянулась к пистолету. Хотя этот тип поздоровался с нами почти вежливо. Не знаю. Товарищ Сталин тоже был крайне не рад этой, может быть, и совсем неслучайной встрече. Что-то, а тот момент, когда в кустах начинают появляться рояли, я чувствую очень хорошо. Этот дядя явно тут неслучайно появился. Сосо с ним поздоровался, а минутой позже пробормотал под нос какое-то грузинское ругательство. Я напрягла извилины и, наконец, вспомнила — мы встретили Свердлова. Ох, и попьет он нашей кровушки!

Очевидно то же самое пришло в голову старшему лейтенанту Бесоеву, и тот что-то шепнул Сталину на ухо, кстати, кажется тоже по-грузински. Сталин пожал плечами, и так же тихо ответил.

У больших чугунных ворот стояли с десяток новоиспеченных наркомов. В лицо я узнала лишь Дзержинского и Семашко. У мамы на работе — она была у меня медиком — висел его портрет. Вообще-то, накануне Октября он должен был быть в Москве, но, оказывается, его вызвали в Питер по делам Моссовета два дня назад. Так что, скорее всего, он уже в Москву не вернется. Будет заниматься своими делами здесь, в Питере.

Тут же стояли и сами «членовозы». Увидев их, я негромко хихикнула. Сталин удивленно посмотрел на меня, а я продолжала посмеиваться. Ляксандр Васильич, ничего лучше не придумал, как прислать за нами два БТРа. В общем, он был по-своему прав — надежно и, относительно местного транспорта, вполне комфортно. Поездила я на здешних «костотрясах», скажу вам прямо — езда на них — это сплошной экстрим. Конечно, нормальная подвеска и шины пневматики еще не получили большого распространения.

У одного из БТРов нетерпеливо переминался с ноги на ногу не знакомый мне старлей. Он козырнул Сталину, и предложил товарищам наркомам занимать места. Из второго БТРа вылез сам Тамбовцев. Он подмигнул мне, поздоровался со старшим лейтенантом Бесоевым и рядовым Алексеевым, потом пожал руку товарищам Сталину и Дзержинскому, после чего был представлен всем наркомам.

Мы забрались в теплое нутро БТРра, бронированные двери за нами захлопнулись, и машина, урча двигателем, плавно тронулась, набирая ход...

Дорога до Таврического дворца обошлась без приключений. Должно быть, ранние прохожие смотрели на наши транспортные средства, выпучив глаза. Да и не удивительно, шурша шинами, мчится по мостовой такая невиданная диковина, больше похожая на огромный гроб о восьми колесах, ревет дизелем и плюется сизым соляровым угаром.

Вскоре после нас к Таврическому на «Тигре» подъехал с Суворовского Ленин. С всклоченными, кое-как причесанными, волосами, и красными, как у кролика-альбиноса глазами, Ильич выглядел неважно — похоже, он всю ночь не спал, и имел большой и содержательный разговор с Васильичем. Да и Дед тоже выглядел, как огурчик — весь зеленый и в пупырышках. Время от времени он прикладывал ладонь к левой стороне груди, и тайком от всех глотал какие-то таблетки. Да, достается ему, бедному. Но, как говорил отец, солдат сначала идет, сколько может, а потом — сколько нужно. А все мы здесь сейчас солдаты...

Для заседания Совнаркома товарищи выбрали длинную комнату, в которой имелось все необходимое. То есть длинный стол для совещаний, и набор разномастных стульев. По крайней мере, никому стоять не придется. Открыл заседание, как и полагается сам Сталин. Ленин сидел рядом с ним по правую руку и олицетворял единство теории и практики. Я как представитель прессы, скромно устроилась в сторонке с ноутбуком на коленях и быстро набрасывала эскиз статьи об этом знаменательном событии в завтрашний номер «Рабочего пути». Работа есть работа, и ничего тут не поделаешь.

— Товарищи! — сказал Сталин, — социалистическая революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, совершилась. Но я не обещаю вам легкой жизни. Будет не просто трудно, будет очень трудно. Теперь нам предстоит длительная и тяжелая работа по наведению в России элементарного порядка и построению в ней самого прогрессивного и справедливого социалистического государства...

Начнем, товарищи, с насущных проблем, — продолжил Сталин. — И прежде всего, с наведения элементарного порядка в городе и в стране. Это задача для вас, товарищ Дзержинский. Повсюду царит разгул бандитизма. Режут, грабят, насилуют, убивают, зачастую прикрываясь при этом революционными лозунгами. Это совершенно недопустимо.

Особое внимание вы должны обратить на хранящиеся в Петрограде запасы спиртного. В ближайшее время можно ожидать пьяных погромов. Толпы люмпенов, направляемые врагами революции, с вожделием уже поглядывают на подвалы Зимнего дворца. Там хранятся ценные вина и более крепкие напитки. Правда, Зимний дворец сейчас находится под охраной наших особых большевистских подразделений, а с этими ребятами особо не забалуешь.

Этой ночью они уже отбили первую попытку погрома, открыв пулеметный огонь поверх голов. Но, обращаю ваше внимание, что Зимний Дворец очень большой, и его охрану необходимо усилить отрядами красногвардейцев. К тому же неприкрытыми остаются винные склады, частные винные погреба и прочие места, где есть алкоголь. Примите все возможные меры.

На улицах творится самый настоящий разгул уголовщины и бандитизма. Старая полиция распущена, а милиция, созданная Керенским, со своими обязанностями не справляется. Да, и как она может с ними справляться, если составляли ее большей частью из безусых пацанов-гимназистов, и из тех же уголовных элементов, которых к милицейским делам нельзя допускать категорически. От вас требуется реорганизовать ее в рабоче-крестьянскую советскую милицию, пополнить ее ряды политически грамотными товарищами и опытными профессионалами старой школы.

Тут встал Александр Васильевич, — Товарищ Дзержинский, я предлагаю разыскать бывшего начальника российской сыскной полиции Аркадия Францевича Кошко, и поручить ему сформировать новую службу — уголовный розыск. Кошко сейчас находился где-то на Юге России. Он скрывается от своих бывших «клиентов», которые вышли на свободу по амнистии, устроенной Керенским, и они теперь ищут лучшего сыщика России, чтобы расправиться с ним. Еще, должен сказать, что необходимо жестоко карать злодеев, пойманных прямо за руку. Если нет никаких сомнений в совершенных ими преступных деяниях, то убийц, грабителей, насильников и громил следует расстреливать на месте.

Товарищ Чичерин по извечной интеллигентской привычке попробовал заикнуться о жестокости таких мер, но тут Дед не выдержал, — Кого жалеть-то?! — воскликнул он, — убийц, у которых руки по локоть в крови?

Сталин дослушал Деда, и молча обвел взглядом присутствующих. Больше вслух о гуманности в отношении душегубов никто не заикнулся. Ленин, как председатель ВЦИК, заявил, что уже сегодня будет принят декрет «О беспощадной борьбе с преступностью», где в отношении убийц, грабителей, насильников и громил, пойманных на месте преступления, будет предусмотрен расстрел на месте.

Дальше товарищ Сталин поставил задачу наркому продовольствия Цюрупе — организовать снабжение города продуктами питания. Он сказал, что есть договоренность с советами хлеботорговых губерний о посылке в Петроград эшелонов с зерном и мукой.

— Да и вы, Александр Дмитриевич, посоветуйтесь с Феликсом Эдмундовичем, и как тщательно проверьте оптовые склады — наверняка их хозяева припрятали продукты, ждут, когда цены на них поднимутся еще выше. Найдите таких спекулянтов, и изымите у них продовольствие. Дайте расписку, в том, что после того, как будет восстановлена финансовая система и напечатаны новые деньги, мы с ними рассчитаемся. Не по спекулятивной, разумеется, цене.

Наркома иностранных дел Красина Сталин попросил провести зондаж с немцами о возможности заключения перемирия. — Леонид Борисович, ведь у вас остались связи с вашими партнерами из Сименса? — спросил Сталин.

Красин утвердительно кивнул, и сказал, что он попробует довести до некоторых влиятельных германских промышленников предложение Сталина.

Потом выступил Ленин, и сообщил, что уже готовы к опубликованию декреты новой власти. Правда, декрет «о земле» пришлось создать на основе эсеровской программы, но, как сказал Ильич: «Неважно, кто что придумал, важно, что мы его примем и воплотим в жизнь. А там пусть социал-революционеры возмущаются, как говорится, поезд то ушел». Декрет «о мире» мы опубликуем чуть позднее, когда станут известны результаты зондажа Красина.

— Прошу прощения, Владимир Ильич, — опять встал со своего места Дед, — как представитель той силы, которая отвечает за желание Германии провести мирные переговоры, должен вам сказать, что «Декрет о Мире» должен быть принят ВЦИК незамедлительно. Надо заявить о намерениях советского правительства выйти из этой бессмысленной для нас войны, не только уставшим от трех лет бойни жителям России, но и на весь мир. Ну, а уж мы организуем товарищу Красину на переговоры немецкую делегацию вполне легитимную и договороспособную.

Сталин кивнул и, подводя итоги первого заседания, сообщил, что наркомов в их министерствах, еще не ставших наркоматами, возможно ждет саботаж чиновников. С ним надо бороться, но так, чтобы не развалить окончательно само министерство. В успешной работе по преодолению саботажа могут помочь бывшие руководители этих министерств. Сталин сказал, что некоторые министры ушедшего в отставку правительства Керенского готовы сотрудничать с новой властью. Часть из них приглашена в Таврический дворец, и после завершения первого заседания Совнаркома товарищи могут встретиться с ними и оговорить условия совместной работы.

На этом повестка дня была исчерпана. Все стали расходиться. Сталин попросил остаться Дзержинского, чтобы переговорить с ним относительно некоторых вопросов, которые должны знать лишь только те, кому это необходимо.

Как я поняла, речь должна была пойти о борьбе с саботажем чиновников и разоружении военных училищ и школ прапорщиков. Я тихонько спросила у Васильича, где находится полковник Бережной, который как я знала, тоже должен был быть на Совнаркоме. На что

Дед мне тихонько ответил, что он этой ночью при полуроте «летучих мышек» и трех БТРах выехал по железной дороге в Могилев за особо ценными экземплярами томящимися в Быховской тюрьме. Так что в ближайшее время мы будем иметь честь любоваться на особо редкий экземпляр льва с головою барана. Но писать об этом пока не надо...

Я вздохнула, — Ну, это уже чисто мужская работа...

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

С вновь назначенными наркомами я вышел в коридор, где в окружении нескольких наших бойцов стояли бывшие министры правительства Керенского. Из присутствующих я узнал лишь Ливеровского — видел его фотографию в музее «Дороги Жизни» на Ладожском озере, и адмирала Вердеревского — его фото было в книге об эсминце «Новик», Вердеревский, тогда еще капитан 2-го ранга, стал его первым командиром. Остальные господа были мне незнакомы.

Вежливо поздоровавшись с ними, я заявил, что уполномочен новым главой большевистского правительства Иосифом Сталиным провести с ними переговоры, на предмет участия бывших господ министров в работе нынешнего правительства.

Господа бывшие министры слегка помялись, но никто из них не сделал попытку покинуть помещение, что было воспринято мною, как знак согласия. Я предложил им на выбор — или они будут присутствовать во время переговоров с каждым из них, или данные переговоры провести приватно, с глазу на глаз. Попросив у меня пару минут на раздумье, они посоветовались, и устами бывшего министра юстиции Павла Николаевича Малянтовича заявили мне, что хотели бы поприсутствовать на переговорах с их коллегами, чтобы была ясна «диспозиция» новой власти, и отношение их к тем моментам, которые касаются не только их ведомств.

Что ж, позиция здравая. Я пригласил бывших министров в пустующее пока помещение, где был большой стол для совещаний и стулья. Занавеси и люстры отсутствовали, делая комнату неуютной. Но сие, по моему мнению, не должно помешать нашей содержательной беседе.

Когда все расселись, я прокашлялся, и начал свою речь.

— Не знаю, как к вам и обращаться, — начал я, — большинство из вас привыкли к обращению «господа», некоторые — «товарищи». В новом правительстве обращение будет, естественно, «товарищи», так что желающие работать в Совнаркоме, пусть привыкают к этому обращению.

Итак, товарищи, скажу вам сразу — на портфели министров, или, как сейчас будут называться их должности — народных комиссаров, вы можете пока не рассчитывать. Такое доверие еще надо заслужить. — Кое-кто из приглашенных при этих словах слегка поморщился, но вслух никто и ничего не возразил, и я продолжил свою речь, — Начну с того, что новые министры, или народные комиссары, будут нуждаться в советах людей, пусть и не разделяющих их политические взгляды, но искренне желающих исправить почти катастрофическую ситуацию, в которой оказалась Россия. Если говорить честно, то во многом и вашими стараниями, товарищи бывшие министры...

Но не будем искать виновных. Надо думать о том, как выбраться из того болота, куда нас всех занесло. Работы будет много. Сразу же предупреждаю вас, что придется не просто высиживать время в своих кабинетах, а пахать, как пахут мужики в страдную пору.

Первым я обратился к бывшему министру земледелия Маслову, — Вот вы, Семен

Леонтьевич, должны это хорошо себе представлять. Я понимаю, что вам, старому социалисту-революционеру, будет нелегко работать в большевистском правительстве. Но тут уж ничего не поделаешь. К тому же, не такой уж большой секрет и то, что не сегодня-завтра одним из первых Совнаркомом будет принят и опубликован Декрет «О Земле». В этом документе нашли отражения те идеи, которые вы высказывали в течение длительного времени, и которые вошли в программу партии Социалистов-Революционеров.

Так что, теперь, Семен Леонтьевич, вы получите шанс попытаться на деле осуществить все то, о чем вы когда-то мечтали. Должность наркома земледелия сейчас совмещается с должностью наркома продовольствия, обязанности которого исполняет Александр Дмитриевич Цюрупа. Ведь наверняка, вы с ним, знакомы? — спросил я у Маслова. Бывший министр кивнул мне головой, и я продолжил. — Так вот, Семен Леонтьевич, работать вы будете вместе с ним. Поскольку вы теперь все «товарищи», то должность ваша будет называться заместителем наркома по земледелию. Надеюсь, что у вас с Александром Дмитриевичем сложатся подлинно товарищеские отношения.

— Хорошо, госпо..., то есть товарищ Тамбовцев, — ответил мне Маслов, — Где и когда я смогу встретиться и переговорить с товарищем Цюрупой?

— Нет ничего проще, — ответил я, — с сегодняшнего дня в этом здании и будет находиться Совнарком. Александр Дмитриевич уже обживает один из кабинетов, предназначенных для его наркомата. Так что сразу же после нашей беседы вы можете его найти и более подробно поговорить о предстоящей совместной работе.

Маслов сел, а я посмотрел на Александра Васильевича Ливеровского, бывшего министра Путей Сообщения, — Теперь о другом, не менее важном вопросе. Мы с вами, Александр Васильевич, оказывается, двойные тезки. Так вот, товарищ Ливеровский, нам надо срочно налаживать работу транспорта. Россия — страна огромная, и без связи всех ее частей в единое целое она существовать не может. Я знаю, что вы опытный специалист, у которого за плечами большой опыт строительства железных дорог. Огромна ваша роль в строительстве Кругобайкальской железной дороги, Средне-Сибирской и Восточно-Амурской железных дорог. Я хочу вам сказать, что ваш опыт бесценен, и будет нам очень нужен во время строительства новых железнодорожных магистралей. Поверьте мне, что планы строительства железных дорог нового правительства большевиков, приятно вас удивит. Железные дороги будут проложены туда, куда еще можно добраться лишь на санях, да и то по зимнику.

Но пока вам необходимо наладить работу с Викжелем. Вашим наркомом будет Марк Тимофеевич Елизаров, который был кооптирован туда от РСДРП(б). Но он, скорее, будет лишь политическим руководителем, который будет разруливать ту сложную ситуацию, которая на настоящий момент сложилась в этом самом Викжеле. А вся техническая работа по обеспечению движения ляжет на ваши плечи. Ну как, товарищ Ливеровский, вы согласны взяться за эту работу?

— Да, товарищ Тамбовцев, согласен, — кивнул мне бывший министр, — сразу как кончится это совещание, то я немедленно отправлюсь в свое министерство, где перед прибытием Марка Тимофеевича, буду успокаивать нервных дамочек и не менее нервных чиновником мужского пола. А то можете себе представить, сколько охов и ахов насчет ужасных большевиков я наслушался за весь вчерашний день. Либеральная публика перед вами просто вибрирует.

— Я догадываюсь, — вздохнул я, и обратился я к бывшему министру юстиции

Малянтовичу, — Павел Николаевич, теперь поговорим о наших законах, которые естественным образом должны сменить законы царские, и те юридические благоглупости, которые издавал в свое время ваш предшественник, министр юстиции Александр Федорович Керенский.

Разгрести эти авгиевы конюшни придется вам, Павел Николаевич. Я знаю, какую огромную помощь вы оказывали большевикам, защищая их на судебных процессах. Но сейчас вам предстоит большее — надо почти с нуля создавать новую, справедливую социалистическую юстицию, с новыми законами и судами.

Правда, вам будет, наверное, полегче, чем вашим коллегам. Работать над новым законодательством вы будете вместе с лидером партии большевиков Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным. Он по образованию юрист и с сегодняшнего дня является председателем ВЦИК, в обязанности которого и входит принятие новых законов. Я думаю, что вы с Владимиром Ильичом легко найдете общий язык. Еще я бы посоветовал вам привлечь к работе над новыми законами вашего бывшего помощника Андрея Януарьевича Вышинского.

Если вы согласны на все эти условия, то для после окончания этого совещания мы с вами отправимся в Смольный, где вы встретите немало ваших бывших подзащитных. Там можно будет обсудить с Владимиром Ильичем самые срочные декреты и подзаконные акты, которые необходимо будет принять уже сегодня.

— Хорошо, — кивнул Малянтович, — я согласен. Никогда не думал, что вот так, сразу, можно сказать, с чистого листа, придется писать законы, не оглядываясь при этом ни на Петра Алексеевича, ни на Анну Иоанновну, ни на Екатерину Великую или Николая Павловича. Даже как то немного страшно.

— Ничего не боятся только дураки, но мы им завидовать не будем — кивнул я, — Мне тоже страшно, но глаз боятся, а руки делают, — я повернулся в сторону бывшего министра народного просвещения Салазкина, — Сергей Сергеевич, вам нужно будет встретиться с Анатолием Васильевичем Луначарским, который в новом правительстве назначен на должность наркома просвещения. Я знаю, что вы давно уже готовили проект реформы высшей школы. Это, конечно, замечательно, но сейчас главное — это просто школа. Ваш народный комиссариат сразу же должен будет заняться поголовной ликвидацией безграмотности. В России миллионы людей, которые вообще не умеют читать и писать. В начале XX века — это настоящий позор.

Нам надо ликвидировать неграмотность и малограмотность, и тем самым провести еще одну революцию, на этот раз — Культурную. Конечная цель большевиков в сфере образования — это дать возможность приобщиться к культуре не узкому слою образованных людей, а всему народу. Вот сие и будет вашей основной задачей, Сергей Сергеевич. Работа предстоит неимоверная. Но нас, большевиков, это не пугает. Мы надеемся на вашу помощь, товарищ Салазкин.

Дослушав мои речи, Сергей Сергеевич только кивнул, и спрятал в карман маленький блокнот, в котором по ходу разговора делал какие-то пометки. Будем надеяться, что этот кивок означает знак согласия.

Теперь мне предстояло переговорить с военной частью Временного правительства. Адмирал Вердеревский и генерал Верховский терпеливо выслушали мою беседу, почти монолог, со своими бывшими «штатскими» коллегами. Они, естественно, сделали определенные выводы из всего сказанного, но пока помалкивали до поры до времени.

Теперь, наконец, настала и их очередь.

— Александр Иванович, Дмитрий Николаевич, — обратился я к ним, — вам я скажу вот что. Независимо от общественного строя, Россия была и будет вожаемой добычей для ее алчных соседей. Такого уж Господь создал нашу Отчизну. Поэтому всегда нашей стране нужны те, кто будет ее защищать. Я знаю, что вы всегда были патриотами Отечества, поэтому не буду тратить слов попусту, и ставлю перед вами один единственный вопрос — согласны ли вы служить так же честно и добросовестно новой России, как служили Российской империи?

И генерал Верховский и адмирал Вердеревский не сговариваясь кивнули. Я продолжил, — Тогда товарищи, я прошу вас помочь нашему новому народному комиссару по военным и морским делам побыстрее войти в курс дела. Имя Михаила Васильевича Фрунзе вам ничего не говорит. Он большевик, был в свое время приговорен к смертной казни, замененной позднее пожизненной каторгой. Военного образования он также не имеет. Но, поверьте мне, у нас есть достоверные сведения, что Фрунзе как раз из тех самородков, из которых в свое время Наполеон Бонапарт делал маршалов. Вспомните, сына бочара Нея, и сына трактирщика Мюрата.

Есть еще и другие причины, по которым наркомвоенмором назначен именно Фрунзе. Но пока о них рассказывать не стану. Все мое время. Скажу только, что Россия вовсе не погибла, как считают некоторые. Наоборот, Россия, как птица Феникс, будет жить вечно.

В Евангелии от Луки говорится: «И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое».

Сейчас происходит нечто подобное. Россия обновляется. И если вы не воспользуетесь возможностью приложить свои силы, ум и опыт на благо новой России, то вы никогда потом себе этого не простите. Как и штатским товарищам, я не могу пообещать вам легкой жизни. Но, поверьте мне, еще при вашей жизни вы увидите обновленную Красную Русскую империю, которая займет достойное место в мире. И тогда вы сможете сказать своим детям и внукам, — Я был одним из тех, кто начинал строить эту машину.

— Да, уж, Александр Васильевич, — покачал головой адмирал Вердеевский, — заманчивую картинку вы тут нам всем нарисовали... Но, почему-то я вам верю. Скажите, а где мы, с Александром Ивановичем, сможем встретиться с господином, извините, товарищем Фрунзе, для передачи дел по министерствам?

Я посмотрел на часы и ответил, — Его поезд прибывает на Николаевский вокзал около одиннадцати часов дня. Если хотите, подходите сюда к десяти тридцати. Тогда мы отправимся встречать Михаила Васильевича все вместе: вы, я, и товарищ Дзержинский.

Потом наступила томительная тишина, и, наконец, Александр Иванович Верховский спросил, глядя мне прямо в глаза, — Александр Васильевич, скажите нам, кто вы и откуда? Откуда вы пришли к нам со своими фантастическими кораблями, аэропланами, этими, как у вас их называют, вертолетами, и тяжелыми бронемашинами? Если вы за Россию, то и мы с Дмитрием Николаевичем тоже будем с вами, как и другие честные офицеры, пусть даже вас послал сам сатана. Хоть с чертом, господин Тамбовцев, но за Россию.

— Господа, — вздохнул я, — Уверяю вас, что к нечистой силе ни я ни мои товарищи отношения не имеем. Слуги дьявола не цитируют Святое Писание, — пошутил я, а потом сказал уже серьезно, — хотя в любой момент мы способны устроить для наших недругов самый настоящий ад крошечный.

Но, все эти разговоры давайте отложим на потом. А пока смотрите на нас внимательно и думайте. Тогда истина откроется вам сама...

14 (01) октября 1917 года, 09.00. Петроград. Министерство иностранных дел бывшей Российской империи у Певческого моста

Старший лейтенант ГРУ Бесоев Николай Арсеньевич.

Пост сдал — пост принял. Это только у часовых все легко и просто. А в гражданской жизни передача полномочий от старого начальство новому сопровождается такими ритуалами, что нам, военным до них далеко, как до Пекина раком. Особенно если пост передают друг другу злейшие политические враги.

В МИД мы выехали представительной делегацией. Естественно, возглавлял ее новый нарком, товарищ Чичерин. В помощь ему генерал Потапов выделил своего порученца, штабс-капитана Якшича. Был и представитель Центробалта Николай Григорьевич Маркин. Я вспомнил, что и в той, реальной истории, этот человек вместе с назначенным на пост наркома иностранных дел Троцким ставил на уши МИД, разыскивая тайные договоры Российской империи со странами Антанты. Думаю, что в этот раз наезжать на бывшего министра Керенского миллионера Терещенко не понадобится. Мы теперь не какие-то там самозванцы и узурпаторы, а вполне легитимные чиновники нового правительства, пришедшие принимать дела. Впрочем, господин Терещенко, и его правая рука, управляющий министерством господин Нератов, те еще фрукты. От них можно в любой момент можно ждать какую-нибудь пакость.

Но, как ни странно, в здании у Певческого моста встретили нас довольно спокойно. Никто не корчил нам рожи, и не плевался вслед. Смотрели на нас, господа дипломаты, естественно, без особой радости, но нам и не нужны были их восторженные лица и вопли восторга.

Бывший министр, Михаил Иванович Терещенко, принял нашу делегацию в своем кабинете. Он с усмешкой посмотрел на матроса Маркина, который в чопорном и строгом кабинете министра действительно выглядел инородным телом в своей лихо заломленной бескозырке. Терещенко кивнул Чичерину, скользнул взглядом по штабс-капитану, и его внимательный взгляд остановился на мне. Я, разумеется, был не во фраке, а в своей повседневной полевой камуфляжной форме. Правда, автомат, бронежилет и разгрузку с прочими орудиями смертоубийства, я оставил под охраной своих ребят в «Тигре», на котором мы приехали в МИД. Единственно, что я оставил при себе из оружия и снаряжения, это были пистолет АПС в плечевой кобуре и ручная рация в чехле на поясе.

Видимо до господина Терещенко уже успели дойти кое-какие сведения о разгроме немецкого десанта под Моозундом, а также так называемой «большевистской эскадре» и ее возможностях. И поэтому взгляды, которые он бросал в мою сторону время от времени, были настороженными и опасливыми. А я, в свою очередь, с интересом смотрел на здешнего олигарха. А как же иначе назвать этого человека? И миллионер (личное состояние 70 миллионов золотых рублей — огромные деньги по довоенным временам), и любитель бриллиантов (обладатель второго в мире по величине алмаза, носящего его имя), и яхта у него была одна из самых больших в мире. Словом, нечто вроде нынешнего Абрамовича.

Выдержав паузу, Терещенко прокашлялся, и, стараясь выглядеть невозмутимо,

предложил нам присесть и при желании курить. После чего, наконец, поинтересовался целью нашего прихода. Выслушав ответ товарища Чичерина, он ненадолго задумался, глядя на равнодушно машущие маятником часы в углу кабинета.

Потом, перервав паузу, Терещенко, наконец, начал было говорить, — Господа... — успел сказать он, но матрос Маркин довольно бесцеремонно перебил экс-министра и миллионера, — Господа остались в прошлом, гражданин Терещенко, отныне все служащие будут обращаться друг к другу «товарищи»...

Терещенко поморщился, словно от зубной боли, но пререкаться с Маркиным не стал, и продолжил, — Хорошо, пусть будут здесь «товарищи». Но я уже не служащий министерства, поэтому считаю, что, во-первых — вы мне не «товарищи», а во-вторых — ваши распоряжения меня не касаются. — Терещенко вздохнул и облизал губы, — Итак, господа-товарищи, насколько я понял, вы пришли принять у меня дела. Не соблаговолите ли вы предъявить соответствующие документы, которые подтверждали бы ваши полномочия.

Георгий Васильевич Чичерин протянул бывшему министру несколько бумажек. Одна из них была ксерокопией заявления Керенского об отставке и передаче власти партии большевиков. Вторая — выпиской из решения ЦК партии большевиков о назначении товарища Чичерина Г. В. народным комиссаром, сиречь министром, иностранных дел.

— Гм, значит вы теперь народный комиссар, Георгий Васильевич, — с иронией сказал Терещенко, — все как во времена Французской революции. Только, Георгий Васильевич, вы наверное помните, чем закончилась та революция?

— Помню, Михаил Иванович, — спокойно сказал Чичерин, — только мы постараемся не повторить ошибок якобинцев. Мы сделаем все, чтобы нам не пришлось отбивать нашествие интервентов и вести кровопролитную гражданскую войну с Вандеей.

— Ну, у вас, наверное, уже и Наполеон приготовлен, — ехидно сказал миллионер, — кто только, не пойму — Ленин или Сталин. А может быть некий Троцкий?

Я непроизвольно хихикнул, это надо же, балабола Троцкого обозвать Наполеоном, или, к примеру, Ленина. Наверное господин Терещенко так шутит, или же он просто не понимает того, о чем говорит.

А товарищ Чичерин невозмутимо поднял бровь и с достойной иронией ответил господину бывшему министру, — Михаил Иванович, дорогой, давайте не будем щеголять друг перед другом остроумием. В свою очередь, скажу только, что Тайлераном ни мне, ни вам не быть. А пока, прошу передать нам все текущие дела, и ключи от архивов министерства. А так же шифры для дипломатической переписки.

— А если я откажусь все это вам передавать?! — неожиданно огрызнулся Терещенко.

— В этом случае вы совершите поступок, о котором впоследствии будете жалеть, — спокойно ответил Чичерин.

— Очень сильно, и очень недолго, — добавил я, демонстративно разминая пальцы в спецназовских перчатках, — ровно до конца вашей брэнной жизни. У нас есть способы получить от вас нужную информацию, только они сопряжены с некоторыми крайне неприятными процедурами.

Терещенко развел руками, словно показывая, что он сдается под угрозой грубого физического насилия. Ему хотелось до конца доиграть свою роль униженного и оскорбленного интеллигента, которого принуждают оставить штурвал руководителя внешней политики Российской республики какие-то там большевики.

Примерно в таком же духе состоялся разговор с управляющим Министерством

иностранных дел действительным тайным советником Анатолием Анатольевичем Нератовым. Тот сразу и без затей обозвал всех нас узурпаторами и хамами, заявив, что признает лишь ту власть, которая будет назначена Учредительным собранием. А власть большевиков он не признает, и дел с нами иметь не желает.

Пришлось господина Нератова взять под стражу и отправить в Таврический дворец, где в подвале уже были приготовлены особые помещения — КПЗ для особо несговорчивых чиновников. Пусть посидят там, подумают. Глядишь, через день-два станут более покладистыми. А если и не станут, так это только их проблема. Мы не толстовцы, и не собираемся отпускать на свободу людей, которые из ненависти к «хамам» будут до конца своей жизни гадить России.

Вместе с Чичериным и штабс-капитаном Якшичем, у которого, оказывается, здесь было множество знакомых, мы прошли по лабиринтам Министерства. С нами было двое моих ребят и десяток красногвардейцев. При обходе мы выставляли посты у помещений, в которых хранились дипломатические документы, шифры и личные дела дипломатов. Я знаю, что многие разведки мира были бы чрезвычайно рады порыться в этих документах.

Служащие министерства поглядывали на нас настороженно, а кое-кто и откровенно враждебно. Я с сочувствием посмотрел на Георгия Васильевича. Ох, и труднехонько ему здесь придется! Но товарищ Чичерин спокойно шагал по коридорам министерства, в котором проработал не один год, здоровался со знакомыми, включая сторожей и архивариусов, и на ходу делал пометки в своем блокноте.

Закончив обход, мы снова поднялись в кабинет министра. Терещенко собрал свои личные вещи, и уже одетый в пальто и котелок сидел на диване, задумчиво глядя в окно.

— Господа-товарищи, — задумчиво сказал миллионер, — на что вы надеетесь? Ведь ваше правительство не признает ни одно государство в мире. Как только страны Антанты добьются победы над Германией и Австро-Венгрией, они сразу же с помощью оружия свергнут вашу власть. И я уверен, что в этом они найдут поддержку в самой России. Вы понимаете, что вы халифы на час?

— Ошибаетесь, господин Терещенко, — покачал я головой, жестко улыбаясь, — мы взяли власть надолго и всерьез. Вы ошибаетесь буквально во всем, начиная со стратегического положения на фронтах, и кончая вашей оценкой настроений русского народа. Я не выдам вам тайны, когда скажу, что правительство большевиков намерено в самое ближайшее время выйти из совершенно ненужной и бесцельной войны. У нас есть надежные средства для того, чтобы объяснить германскому командованию всю пагубность продолжения боевых действий на Восточном фронте. И будьте уверены, они нас послушают, ибо невозможно не прислушаться к силе способной за один раз доставить 5000 пудов бомб в любую точку Германии, или Австро-Венгрии.

Ну, а потом, о какой победе Антанты вы будете говорить, когда германцы стоят в сорока верстах от Парижа. И это при том что половину их сил сковывала русская армия. Скоро на Западном фронте будут все немецкие солдаты, и все увидят новый Седан и осаду Меца. А мы еще поможем изнывающим от блокады немцам продовольствием и сыром.

Ничего личного, господа, только бизнес. Вы ведь делец, господин Терещенко, и знаете, что в коммерции отсутствует такое понятие, как мораль. Я не возьмусь пророчествовать, но года на два мясорубка на западном фронте еще затянется точно. И в конце ее будет не победа одной из сторон, а совершенно бессмысленнейшее перемирие случившиеся от того что стороны исчерпали все возможности для борьбы. Поверьте, лет десять — пятнадцать,

Европе точно будет не до нас.

Я не поручусь за то, что в Австро-Венгрии, Германии, Франции не случатся какие-то свои революции, вызванные разочарованием итогами войны. Пока там будет продолжаться европейская смута, мы будем укреплять Россию, врачевать ее раны, нанесенные войной и бездарным царским и вашим правлением. Пройдет совсем немного времени, и Советская Россия станет одной из величайших держав на планете. Мы позаботимся о том, чтобы она могла сокрушить любого врага, а уровню жизни ее народа будут завидовать рабочие и крестьяне во всем мире. Все будет так, как я говорю, будьте в этом уверены!

По мере того, как Терещенко слушал мою речь, он поочередно, то краснел, то бледнел, потом, когда я закончил, криво нахлобучил на голову котелок и, не прощаясь, выскочил за дверь.

— Эка вы с ним немилосердно, Николай Арсеньевич, — покачал головой товарищ Чичерин, — Человек был так уверен в своей значимости и незаменимости, а вы его носом в грязь. И кстати, что вы там говорили о мире с Германией?

— Об этом, Георгий Васильевич, вы скоро узнаете, — ответил я, — Придет день, и перед вами будут сидеть германские дипломаты, готовые к подписанию мирного договора на условиях сохранения довоенного статус-кво, — я подумал и добавил, — возможно, за исключением Польши. Как конкретно это будет сделано, я вам сейчас сказать не могу. У нас, военных, тоже есть свои секреты.

14 (01) октября 1917 года, 11.00. Петроград. Николаевское инженерное училище (Инженерный замок)

Старший лейтенант ГРУ Бесоев Николай Арсеньевич.

Только-только успели мы разобраться с фрондирующими дипломатами, как мне порации сообщили еще одну «приятную» весть. Агенты генерала Потапова сообщили ему о том, что началась непонятная возня в юнкерских училищах. Услышав об этом, наш Дед насторожился. Возможность попытки мятежа они заранее обговорили с полковником Бережным перед его отъездом в Могилев. В нашем прошлом на четвертый день после прихода большевиков к власти взбунтовались и попытались совершить контрпереворот юнкера нескольких военных училищ, подстрекаемые неким Комитетом спасения родины и революции. Им удалось захватить телефонную станцию и отключить Смольный, арестовать часть членов Военно-революционного комитета и даже начать разоружение красногвардейцев. Мятеж удалось подавить лишь с помощью броневиков и артиллерии.

И вообще, все это совершенно не вовремя и, как бы беспричинно. Революции в классическом смысле не было, власть была передана полюбовно, а вот контрреволюция, причем в самом ее классическом виде, имеется. Загадка? А отгадка, как учат нас товарищи Шарп и Сорос, непременно находится либо в британском, либо во французском посольстве. Либо в обоих сразу.

Я понял, почему Дед так забеспокоился. В наше время в определенных кругах было принято лить слезы по «невинно убиенным злыми красными комиссарами мальчишкам-юнкерам». На самом же деле этим «мальчишкам» было уже далеко за двадцать, а иногда и за тридцать, и убить их было не так уж просто. Они сами могли кого хочешь прихлопнуть. В военное время, когда большая часть кадровых офицеров была выбита на фронте, для подготовки пополнения командных кадров военные училища были преобразованы в школы прапорщиков. Были среди юнкеров этих школ и юноши бледные со взорами горящими. Но в большинстве своем обучались в бывших военных училищах фронтовые унтер-офицеры, которые после окончания учебы рассчитывали получить офицерские погоны.

Для бывших крестьян, рабочих и мастеровых одинокая звездочка на погонах могла стать путеводной звездой. Ведь табель о рангах никто не пока не отменял, да и чины на войне шли быстро. Поэтому юнкера так болезненно встретили известие о переходе власти к большевикам, поначалу обещавшим распустить армию. Все надежды на карьеру, на возможность вылезти из грязи в князи могли пойти прахом. Потому-то и взбунтовались юнкера в Москве и в Питере в октябре 1917 года в нашей реальности. То же самое могло произойти и сейчас. Если, конечно, не принять решительные меры, и придушить недовольство на корню. Была лишь одна маленькая разница — правительство под председательством Сталина не собиралось делать ничего подобного.

В нашем прошлом штабом мятежа стал Михайловский замок, в котором находилось Николаевское инженерное училище. Похоже, что и в этом времени недовольные новой властью стали собираться в нем и готовиться к вооруженному выступлению. Перво-наперво Дед отдал команду блокировать все петроградские военные училища сводными оперативными группами. Каждая такая группа состояла из одного-двух отделений наших

морских пехотинцев и приданного им отряда красногвардейцев. Для оказания особого впечатления на недовольных, всем этим группам придавалась бронетехника.

Следующим этапом работы были переговоры с командованием этих училищ, с требованием на всякий случай разоружить юнкеров. Ну, а потом, на третьем этапе, было необходимо провести с каждым индивидуальную беседу, предложив на выбор — остаться и дальше продолжать учебу, получить офицерские погоны и отправиться в войска, или снять военную форму и катиться на все четыре стороны. А перед этим сообщить всем, что русская армия никуда не денется, грамотные и опытные офицеры ей нужны, и все, кто свяжет свою судьбу со службой в этой армии, никогда не пожалеет об этом.

Моей группе было поручено заняться штабом готовящегося мятежа, Михайловским, или как его сейчас здесь называют, Инженерным замком. В помощь мне были приданы до взвода морской пехоты при полном боевом, два БМП-3, БТР-80 и «Тигр» с пулеметом. Кроме того, несколько пулеметчиков с «печенегам» и снайпера с СВД будут держать на прицеле окна замка во время переговоров. Роль «массовки» выполнял отряд красной гвардии с Путиловского завода, один из самых преданных Сталину и дисциплинированных.

Решение было твердым, если кто-то из юнкеров захочет проявить ненужный героизм и пострелять, то тут же получит пулю в лоб или любое другое место, обеспечивающее летальное поражение организма. Дед сказал, что надо действовать решительно, и не подвергать наших людей риску.

И вот мы у замка. Похоже, что агенты-информаторы генерала Потапова не ошиблись. Вокруг здания, в котором в свое время придушили императора Павла I, отирались какие-то подозрительные личности с винтовками. Некоторые из них были в военной форме, некоторые — в гражданском. Увидев наш кортеж, который вывернул со стороны Марсова поля, они засуетились, и, пригибаясь, словно под обстрелом, помчались к воротам.

Пока мы приближались, в замке успели закрыть наглухо толстые входные ворота, и выставить в открытые окна пулеметы. Похоже, что ребята собрались отсидеться за толстыми стенами царевой крепости, и не сдаваться каким-то там большевикам.

Я сел в «Тигр», велел водителю подъехать поближе к воротам, и через мегафон начал пытаться вести переговоры с засевшими в Михайловском замке обормотами.

— Господа юнкера и господа офицеры! Предлагаю открыть ворота и впустить парламентаров для переговоров. Новая власть обещает вам, что все желающие продолжить службу в качестве офицеров в обновленной русской армии, продолжат учебу и к ним не применят никаких репрессивных мер. В этом я даю вам слово офицера!

— А в каком полку вы служите, господин офицер? — крикнул мне в ответ из окна человек в офицерской форме с погонами полковника, — Почему мы должны вам доверять?

— Старший лейтенант ГРУ Бесоев, честь имею, — ответил я слишком любознательному полковнику. — А вы кто, господин полковник? Пока, боюсь, это у меня нет оснований доверять вам. Надеюсь, что вы не побоитесь сообщить мне свое имя?

— Полковник Полковников Георгий Павлович, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, — ответил мой собеседник, — а что это за часть такая — ГРУ? Я никогда не слышал о ней.

— Это подразделение Главного разведывательного управления Главного штаба Русской армии, а то, что вы о ней не слышали — неудивительно. Германцы вот тоже никогда не слышали о нас, до разгрома их десанта на острове Эзель. Но теперь, те что выжили и попали в плен, знают о нас уже достаточно. Но эта история, господин полковник, вам наверное уже

известна? Сейчас наше командование приняло решение, что нельзя позволить господину Керенскому и ему подобным, окончательно развалить Россию и заключило союз с большевиками.

— Так это ваших рук дело... — полковник замолчал, а потом, после небольшой паузы продолжил, — если это так, то я готов поверить вам. Но, сдержат ли слово и не расправятся с юнкерами и офицерами ваши союзники-большевики? Ведь мы хорошо помним, что происходило в Кронштадте и Гельсингфорсе в феврале этого года. Тогда с офицерами не церемонились.

— Георгий Павлович, — сказал я, наблюдая за тем, как в окнах показались лица юнкеров и офицеров, с интересом прислушивающихся к нашей беседе, — Наши союзники, это правильные большевики. Они понимают, что Россия страна большая и богатая, и именно поэтому она вызывает вожаемый интерес у других стран. И чтобы умереть аппетиты у желающих нас пограбить, нашему государству, какой бы общественный строй в нем не существовал, необходима сильная армия и флот. Помните, еще император Александр III говорил, что у нас, кроме этих союзников нет больше никого. А армия не может существовать без офицерского корпуса. Так что желающие посвятить свою жизнь служению Отечеству могут нас не опасаться. А вот те, кто хочет повернуть оружие против своего же народа, будут уничтожены безо всякой пощады. Ибо нет страшней войны на свете, чем война Гражданская.

Несколько минут господа офицеры у окна совещались, потом полковник Полковников ответил, — Хорошо, господин старший лейтенант ГРУ, мы верим вашему слову, мы откроем ворота, и не будем оказывать вам сопротивления. Скажите, что нас ждет?

— Разговор по душам. Все желающие остаться в армии — останутся, дав честное слово служить народу и России. Своего рода новая присяга. Ведь старая, с момента отречения Николая II уже недействительна. Ну, а те, кто не захочет этого делать будут уволены из армии. Вас устраивает мой ответ?

— Вполне, — ответил Полковников. Ворота замка со скрипом распахнулись и из них с опаской начали выходить юнкера. Они были без оружия.

Но, как я позднее узнал, не везде переговоры прошли так же гладко и без кровопролития. Кое-где пришлось пострелять, например, Владимирское пехотное училище на Петроградской. Были жертвы с обеих сторон. Погибло несколько красногвардейцев и все оказавшие сопротивление. Наши снайпера и пушечно пулеметный огонь с бронетехники быстро охладили горячие головы.

В общем, денек выдался жаркий, но, слава Богу, мы успели, отдельные горячие очаги были быстро и решительно подавлены, а большинство решило не доводить до греха. Итак, для советского правительства это первое испытание закончилось благополучно. Но впереди еще было много дел, много нерешенных проблем, много пота, крови и слез... Кстати душевные беседы с полковником Полковниковым и другими офицерами, подтвердили, что в этом деле наличествует британский и французский след. Можно сказать, что господа дипломаты выли себя с истинно слоновьей грацией, и не стеснясь в методах. Пора ловить их на горячем и устраивать скандал. Уже приедет полковник Бережной, со своим цирком, он ими займется...

Уже после этой операции, вернувшись в Смольный, я встретился там с капитаном Рагуленко, известному всему честному народу под позывными «Слон». Он мне и рассказал о том, как они тормознули броневики, которые юнкера пытались угнать из Манежа.

— Проезжали мы тут по Невскому на машине с генералом Бонч-Бруевичем, — рассказывал капитан Рагуленко, — Слышим, по радиации сообщают, что какие-то типы с оружием ломаются в Манеж и хотят угнать броневики. Просят помощи, в общем... Ну, педаль на газ, бронетранспортер вперед. Завернули мы, что называется, на огонек. Оказывается, с десяток юнкеров и офицеров решили угнать несколько броневинов. Пришлось с ними разобраться и разъяснить противоправность их поведения.

Поначалу попробовали воздействовать на сознательность. Но они не захотели слушать даже генерала, и полезли в драку. Правда, стрельбы не было. Но тут мои ребята показали им мастер-класс рукомашества и ногодрыжества... Дерьмо они, а не фронтовики. Скажу только — слабаки они против нас. Не удивительно, что у них фрицы до Риги доперли безо всякого блицкрига.

В общем, отметили мы их — любо дорого смотреть. Каждому пару визитов к дантисту точно не светит. А к травматологу — через одного. Тут и Красная гвардия подросла. Мы господ юнкеров и офицеров разоружили, и передали этим, которые с красными повязками на руках. И пошли они солнцем палимы на губу — она все там же, на Садовой, как в мои времена. Как-то раз по молодости довелось там побывать.

А генерал еще долго удивлялся тому, как это мы лихо руками и ногами машем. Потом оставили мы хозяйство на Красную гвардию, и вернулись с генералом в Смольный. Только стартеры я с броневинов поскручивал, и спрятал понадежней, ибо нефиг баловаться.

Да, — подумал я, — что говорится, наш пострел везде поспел. Не он ищет приключения, а наоборот — они его.

Покачав головой, я пошел отчитываться Деду о проделанной работе.

Контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Операция по «принуждению Германии к миру» шла своим чередом. Садились и взлетали на палубу «Кузнецова» самолеты и вертолеты, наносящие удары, как по ближним тылам 8-й армии, так и по территории Восточной Пруссии, Польши, Саксонии и Бранденбурга. Не имея бесконечного запаса боеприпасов и ресурса техники, в качестве целей были избраны узловые железнодорожные станции и мосты через крупные реки.

С одним не совсем полноценным авианосцем и полутора десятками самолетов я совершенно точно не смогу разгромить всю германскую армию, но вот разнести вдребезги всю их логистическую структуру нам по силам. И теперь на Восточном фронте вместо орднунга наступает хаос. Еще не поднялся в атаку ни один русский солдат, а немецкие генералы начали испытывать беспокойство. Сегодня, на второй день операции, удар перенесен на немецкую союзницу Австро-Венгрию, целью в которой должны стать крупнейшие железнодорожные узлы и мосты через Дунай. Не стоит забывать и о том, чье ослиное упрямство дало старт этой мировой бойне, открывшей дорогу всем ужасам XX века. И если заказчиком войны была Великобритания, она же должна была стать и ее главным бенефициаром, то первый выстрел точно сделали австрийцы, точно зная, каков будет ответ из Петербурга на бомбардировки Белграда. По итогам Первой Мировой не было своего Нюрнбергского трибунала, людей допустивших зверства против мирного населения не судили, как военных преступников. Что же, придется нам выступить в одном лице и судьями и палачами.

С минуты на минуту должны начать возвращаться самолеты, совершившие сегодня туда уже свой второй боевой вылет на Вену. После первого были полностью уничтожены все мосты в окрестностях австрийской столицы, а после второго, целью которого был железнодорожный узел, командир авиагруппы полковник Хмелев кратко доложил с места событий, — Гнездо, я Буран, цель полностью уничтожена, не осталось и камня на камне. Мы возвращаемся.

Следующей целью нашей авиации станут мосты через Дунай в районе Будапешта и железнодорожные узлы обеих половинок второй столицы Австро-Венгерской Империи. Не успел я передать в оперативный отдел указание о подтверждении цели для следующего удара, как сначала с «Ярослава Мудрого», потом со «Сметливого» мне сообщили, что к нам приближаются незваные гости. Две подводные лодки, под электромоторами, на перископной глубине. Теоретически это могли быть и немецкие, и британские, и германские лодки, но нам все это как-то было без особой разницы. Андреевские флаги на наших флагштоках различимы издали, и любая лодка, выходящая на нас в атаку, априори считается вражеской. Просто сейчас расстояние до них на порядок превосходит дистанцию хода местных торпед. Значит, поиграем с «гостями» в кошки-мышки.

Было бы желательно вынудить хотя бы одну лодку всплыть из-за полученных повреждений. Что называется, — «Гюльчатай, покажи личико». Но, к сожалению, для подводных лодок этого времени такой исход является ненаучной фантастикой. Но мы

попытаемся.

Тогда же и почти там же, британская подлодка Е-19, под командованием капитан-лейтенанта Кроми.

Приказ, полученный из посольства в Петербурге, был недвусмысленным, — найти, и по возможности потопить связанные с большевиками боевые корабли под русским флагом, крейсирующие в центре Балтики, а также принадлежащие этой же эскадре несколько вспомогательных крейсеров и транспортов, ошвартованных в Торговой гавани Петрограда.

Приказ вероломно атаковать союзника был бы чудовищным для военного флота любой державы, кроме Великобритании. Эта страна отродясь не ставила ни в грош ни одного союзника, считая их, или временными попутчиками, или простыми вассалами. Зато различных интересов у Британии было хоть отбавляй.

Капитан-лейтенант Кроми был не только моряком-подводником. Точнее, не столько моряком. Основной своей работой он считал Секретную Службу Его Величества. Он знал что сейчас у его страны только один интерес — русские должны продолжать приковывать к себе более половины всех наличных сухопутных сил Германской Империи. После победы им можно кинуть кусочек вражеской территории(а может и нет), но сейчас они должны продолжать умирать во имя священных британских интересов. Правительство большевиков и их таинственные союзники придерживались прямо противоположной точки зрения. Капитан-лейтенант Кроми знал, что они собирались в ближайшее время выйти из совершенно ненужной России войны, направив всю ярость тевтонов в западном направлении. Этого ни в коем случае нельзя было допустить, тем более, что и среди большевиков были сторонники так называемой «революционной» войны с Германией. Но в правительство большевиков не попал ни один из этих людей, давно и прочно связанных с одной или несколькими разведками Антанты.

То, что, премьером стал ни Ульянов, ни Троцкий, ни Свердлов, а мало кому известный Сталин, еще больше обостряло ситуацию. Когда к финишу первой приходит «темная лошадка», значит дело нечисто, и кому-то это надо. Внезапный разгром германского флота у Моозунда показал, что кому-кому, а немцам большевики точно не служили. Десантный корпус, линейный крейсер и несколько легких крейсеров — слишком большая цена за операцию прикрытия. Всю картину ужасающей бойни, устроенной немцам неизвестной эскадрой под русским флагом сподобилась наблюдать команда лодки С-26 лейтенанта Дауни.

В общем, получив приказ посла Бьюкенена, капитан-лейтенант Кроми колебался недолго. Три малых лодки типа «С»: С-26, С-27 и С-35 он направил к Петрограду, приказав уничтожить транспортные суда и вспомогательные крейсера. Сам же командующий британской бригадой подводных лодок возглавил отряд средних субмарин типа «Е»: Е-1, Е-8, Е-9, Е-19, который направился на поиски таинственной эскадры в центре Балтики. Первой, по причине неполадок в дизельном двигателе, вернулась на базу в Гельсингфорс лодка Е-1 капитан-лейтенанта Лоренса. Потом, принужденный взбунтовавшейся командой, повернул назад капитан-лейтенант Гудхард на Е-8. Узнав, о том, кто должен будет стать их целью простые британские моряки встали на дыбы.

Роял Нэви во все времена славился не только своим мужеством, но и буйными

матросскими бунтами. Недаром же его матросы никогда не расстаются с ножами, а офицеры с револьверами. Только вот револьвер в кобуре на поясе — это слабое утешение, если нож уже приставлен к горлу. Да и с поломкой дизеля на Е-1 тоже не все чисто, иногда не обязательно бунтовать, вместо этого можно всего лишь подсыпать песочка в смазку. Вот вам и поломка дизеля.

Таким образом, в деле остались лодки капитан-лейтенанта Хортон Е-9 и Е-19 самого Кромби. Осталось найти цель и уничтожить ее. У Кромби было несколько «зацепок» на район поисков. Во-первых, в докладе лейтенанта Дауни указывался курс, по которому к Моозунду прилетали и улетали эти странные летательные аппараты с винтами сверху. Капитан-лейтенанту Кромби оставалось лишь обогнуть остров Даго, выйти в тот район, в котором двенадцатого числа находилась лодка Дауни и лечь на указанный им курс.

Четко и педантично британские штурманы проделали все необходимые вычисления. И вот, в перископ на горизонте стали видны неизвестные корабли. Капитан-лейтенант сразу понял, что союзная большевикам эскадра лежит в дрейфе. Корабли неподвижны, а над трубами не видно ни дымка. Один же из кораблей был настолько огромным, и имел столь непривычные формы, что Кромби сразу же решил, что он атакует именно этот корабль.

Вид взлетающих с необычной плоской палубы аэропланов только укрепил его решимость. Ущерб, нанесенный только одной атакой, должен был стать для этих странных людей невосполнимым. Приняв решение, командир Е-19 повел свой корабль на сближение с целью. Е-9 кралась за ним по пятам. Английские подводники не знали, что давно обнаружены, взвешены, измерены, и взяты на мушку. А их медленное приближение делаем их похожими на двух слонов ползущих по-пластунски по посудной лавке. Ибо стоит только сесть на рабочее место акустика, как сразу становится понятным все несовершенство и убожество этих первых подводных лодок. Когда британским лодкам осталось до авиаматки около двух миль, все вокруг пришло в движение.

Как я уже говорил, у нас не было никакой уверенности, ни в том какова национальная принадлежность этих лодок, ни в их намерениях. Но всему есть предел. Их скрытое приближение в подводном положении к «Адмиралу Кузнецову» нельзя было объяснить ничем кроме подготовки торпедной атаки. А «Кузнецов» это такая дура, что в проекцию его борта даже не надо особенно целиться — торпеда сама найдет свою цель. Когда расстояние между нами и неизвестными лодками сократилось до двадцати кабельтовых, я отдал приказ на их уничтожения. Все очень просто, неизвестные подлодки сами того не ведая вошли в зону поражения противолодочных комплексов РБУ-6000 одновременно «Адмирала Ушакова», «Москвы» и «Ярослава Мудрого». Вой косо летящих по небу реактивных бомб, исполинские взрывы, выбрасывающие высоко в небо тонны воды и обломков. Не успела отбушевать ярость огня, как с палубы «Адмирала Кузнецова» в воздух поднялся Ка-27ПС на поиски обломков крушения и возможных выживших. Нам все-таки было интересно, кто это таким оригинальным способом попытался нанести нам визит. Если немцы, то это одна история, а вот если кто-то еще, так совершенно другая.

Как писал Александр Сергеевич Пушкин: «Тятя, тятя наши сети притащили мертвеца». Одна лодка, как мы позже выяснили, британская Е-9, смятая взрывами РГБ-10, ушла на дно почти сразу. Воздушный пузырь, вырвавшийся через трещины в обшивке, не выбросил на поверхность ничего кроме мелкого мусора. Е-19 же, капитан-лейтенанта Кромби, от очень близкого разрыва разломилась пополам. Когда к месту ее гибели подлетел вертолет, то на поверхности воды кроме мусора плавали несколько человеческих тел в форме британских военных моряков в окружении сотен рыбьих тушек. Похоже, что одна из бомб угодила в стайку салаки. Уйти на дно телам моряков не давали одетые поверх их одежды пробковые жилеты. Большая часть британцев, находившихся в центральном посту лодки Е-19, утонули, и теперь были так же мертвы, как салака, оглушенная подводными взрывами. Но два офицера, будучи вытащенными из воды, начали подавать признаки жизни, и были направлены сначала к врачу, а потом в разведывательный отдел на допрос.

И если вахтенный офицер лейтенант Шарп и не представлял для контрразведчиков особого интереса, то имя капитан-лейтенанта Кромби нашим «смершевцам» было хорошо известно. У нас больше не было сомнений в том, кто именно пытается на нас предательски напасть.

Я приказал передав сообщение о случившемся на «Североморск». Некоторое время спустя был получен ответ. Сообщалось, что в Финском заливе у Кронштадта были уничтожены две малые лодки англичан типа С, а еще одна такая лодка всплыла и выкинула белый флаг. На допросе, находясь под воздействием неких особых препаратов, капитан-лейтенант Кромби сильно разоткровенничался. Информацию Кромби, на этот раз абсолютно добровольно, подтвердила и команда сдавшейся под Петроградом С-26. Теперь у нас появились твердые основания интернировать остатки британского отряда подводных лодок и взять на мягкое место мистера Бьюкенена. Уж больно далекой оказалась его деятельность от статуса дипломата...

14 (01) октября 1917 года, 13.35. Николаевская железная дорога, поезд Москва-Петроград,

Член партии большевиков с 1904 года Михаил Васильевич Фрунзе (Товарищ Арсений)

Поезд мерно стучал колесами на стыках и стрелках. До Петрограда оставалось уже всего ничего. Из вагонного окна уже была видна угрюмая серая туча дыма, нависшая над миллионным городом. Конечно, это не Лондон, но все-таки. Всего неделю назад Михаил Васильевич выехал отсюда в Шую, после участия в так называемом Демократическом Собрании. Бессмысленная восьмидневная говорильня, инициированная меньшевиками и правыми эсерами, с одной лишь целью — продлить агонию Временного Правительства. Результат, как можно было предсказать заранее, оказался нулевым. Господа делегаты поговорили и разъехались, не учредив за действиями Временного правительства никакого внешнего контроля, что планировалось изначально. Был лишь создан некий орган, получивший название Предпарламент, окрещенный тут же острословами «Предбанником». И тогда уже было видно что ситуация зашла в тупик. И вдруг, телеграмма, пришедшая в Шую вчера утром на его имя: «Арсений, срочно выезжай в Петроград. Дело особой важности. Коба».

К концу сентября Сталин-Коба стал фактически вторым человеком в партии. А с учетом добровольной самоэмиграции Ленина в Финляндию, то и первым. Именно на нем лежала вся черновая кропотливая работа по подготовке к взятию власти большевиками. Фрунзе предполагал, что случиться это может не раньше чем через месяц и не позже Рождества. Правительство так называемых революционных партий стремительно разлагалось, и если большевики не возьмут власть, то может случиться очередная корниловщина. Или еще что похуже.

Но вот срочный вызов всего через неделю после последней встречи со Сталиным, навел Арсения на определенные мысли. Подчиняясь партийной дисциплине, Фрунзе немедленно сел на первый же поезд, идущий в Петроград. По старой революционной привычке, в дороге Михаил Васильевич обходился минимумом вещей, легко умещавшихся в маленьком фанерном чемоданчике.

Сейчас он стоял в тамбуре, задумчиво курил, и смотрел на пролетающие мимо окон деревья, роняющие наземь желтеющую листву. До Петрограда было рукой подать, и по обе стороны пути уже мелькали пригородные деревеньки и дачные поселки. Еще немного, и добравшись до Смольного, он наконец найдет Сталина, и прояснит причины столь срочного вызова.

Михаил Васильевич еще не знал, что пришельцы из будущего, с целью застать врасплох разных неприятных личностей, вроде генералов Каледина, Духонина и быховских сидельцев, начисто отрезали столицу бывшей российской империи от остальной страны. На почте и телеграфе подчиненные генералу Потапову офицеры Главного штаба ввели тотальную цензуру, задерживая все сообщения об отставке правительства Керенского и назначении премьером Сталина. Операция «Красный Октябрь» развивалась согласно всем правилам военного искусства.

Вот поезд, уже замедляя ход перед поворотом, пронесся мимо песчаного карьера, с

другой стороны оставив позади Фарфоровский пост. За карьером Михаил Васильевич увидел проводящих воинские учения солдат, и людей в штатском, скорее всего красногвардейцев. Особое удивление Фрунзе вызывали участвующие в этих учениях броневики на гусеничном ходу. Им удавалось не ломая строя двигаться по заросшему кустами пустырю, и одну за другой пересекать несколько линий окопов. То есть, проделывать то, на что ни один обычный броневик не был способен.

Красногвардейцы и солдаты при этом не шли цепью, как это было принято, а собирались небольшими кучками позади боевых машин, прикрываясь их корпусами от воображаемого ружейного и пулеметного огня. На двух машинах в центре строя развевались флаги, на одной белый, с косым синим крестом — андреевский, а на другой революционный — красный.

Но вот и эта, сюрреалистическая, оставившая много вопросов картина в свою очередь осталась позади. Поезд миновал Сортировку и приближался к Обводному каналу. Это уже был Петроград.

Тогда же. Петроград. Николаевский вокзал.

Компания, собравшаяся на перроне Николаевского вокзала, выглядела весьма пестро. Невысокий, рябой грузин Сталин с пышными усами; рядом с таким же невысоким господином с аккуратно подстриженной седоватой бородкой. Вместе с ними генерал Потапов в классической генеральской шинели с красной подкладкой, поминутно протирающий пенсне, и молодой офицер кавказской внешности, с погонами поручика в пятнистой полевой форме неизвестного образца. Полдесятка солдат, одетых в такую же, как и у молодого поручика форму, рассыпалось по перрону, окружив Сталина и компанию. Настороженные взгляды, оружие наготове, «разгрузки» топорщатся от боекомплекта.

Фланирующие неподалеку казачки, обходят «энтих» стороной. Всему городу уже известно, что они сначала метко стреляют, а потом уже смотрят в кого. Насчет подраться, бойцы в пятнистом тоже не промах, и среди городских задира и гопников уже были искалеченные, и даже убитые. Смешно наблюдать, как ожидающая прибытия поезда «чистая» публика обтекала эту компанию по краю перрона. «Офисный планктон», он и в семнадцатом году был таким же, как в XXI веке.

— Вы, Николай Михайлович, не сомневайтесь, — говорил Тамбовцев генералу Потапову, поглядывая при этом, на показавшийся вдали дым приближающегося паровоза, — Михаил Васильевич Фрунзе — это просто прирожденный военный гений, примерно как Наполеон и его маршалы. Тем более, что на первых порах ему и делать особо ничего не надо будет, немцев мы ломать уже начали. Лишь бы дипломаты нас не подвели. Никаких перемирий, прекращения огня и прочей ерунды. Только мирный договор.

— Вы Александр Васильевич я смотрю оптимист, — грустно улыбнулся генерал, в который раз протирая свое пенсне, — германцы еще очень сильны и выбить их из войны будет крайне тяжело.

— Посмотрим, Николай Михайлович, посмотрим, — кивнул Тамбовцев, — вот увидите, все будет наилучшим образом. Самое главное...

— Все, товарищи, — прервал их беседу Сталин, — потом поговорите, поезд уже на подходе, — потом сам не удержался, и добавил с легкой ехидцей, — товарищ генерал, вы же

убедились, что наши товарищи всегда держат слово. Нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики!

Генерал Потапов только пожал плечами, как бы признавая правоту своего собеседника. В это время мимо них на неспешно прокатился пышущий паром паровоз, тащащий за собой изрядно обшарпанные плацкартные вагоны.

Лязгнули буфера, и состав замер как вкопанный. Среди стоящих на перроне Фрунзе сразу узнал Сталина. Но что это за люди рядом с ним? Странная компания. Во-первых, царский генерал, во всем своем великолепии. Во-вторых, незнакомый ТОВАРИЩ, а интуиция подсказывала Михаилу Васильевичу, что этот невысокий человек в полувоенной одежде, является именно товарищем, а не господином. И, в-третьих, весь этот натюрморт дополнялся молодым офицером в полевой форме незнакомого образца, и несколькими одинаково с ним одетыми и экипированными солдатами.

Фрунзе заколебался было, стоит ли ему подходить к этим людям, или лучше самостоятельно добраться до Смольного и там все выяснить, как вдруг его заметили. Один из солдат махнул рукой, и головы этой странной компании повернулись в его сторону. У Фрунзе не осталось сомнений в том, что встречают именно его скромную персону.

— Товарищ Арсений, — окликнул его Сталин, и снующие вокруг обыватели втянули головы в плечи, словно солдаты, слышавшие свист пролетевшей мимо пули, — идите сюда, мы вас ждем, а вы от нас прячитесь.

Фрунзе еще раз внимательно посмотрел на Сталина. Того откровенно потешал комизм ситуации. Не было не малейшего намека на то, что это ловушка или провокация. Ну, и потом, будет смешно, если он бросится бежать от товарищей по партии. Да и к тому же удрать от ЭТИХ, он бросил взгляд на насторожившихся бойцов, вряд ли удастся — догонят вмиг.

— Здравствуйте, товарищ Фрунзе, — снова поприветствовал его Сталин, — с приездом вас. Знакомьтесь, это товарищ Тамбовцев. Вы его еще не знаете, но когда вы его узнаете, то будете уважать так же, как и я. Он в нашем правительстве занимается вопросами пропаганды и информации.

В ответ на недоумевающий вид Фрунзе, Сталин шлепнул себя рукой по лбу, — Ах, вы еще ничего не знаете? Так вот, вчера правительство Керенского в полном составе подало в отставку, и передало всю полноту власти большевикам. — Не верите? Так я и сам бы не поверил, но с сегодняшнего утра сформированный нами Совнарком и есть законное правительство Российской Советской Республики, а я его председатель. А вам в этом правительстве, предназначен пост народного комиссара по военным и морским делам. Вот начальник Разведки Главного штаба генерал Потапов, он будет вашей правой рукой и наставником в военной науке.

Бывшие министры Временного правительства по военным и морским делам генерал Верховский и адмирал Вердеевский высказали желание стать вашими заместителями. Вам будет подчинена особая большевистская эскадра под командованием контр-адмирала Ларионова, которая уже всыпала как следует немцам под Моонзундом, и особая бригада Красной гвардии под командованием полковника Бережного. Давайте, товарищ Фрунзе, думайте скорее, времени на раскачку совершенно нет.

— А как же товарищ Ленин? — осторожно спросил Михаил Васильевич, пытаясь собраться с мыслями после таких новостей.

— Товарищ Ленин у нас взял на себя руководство ВЦИКом, — быстро ответил Сталин,

увлекая Фрунзе за собой к выходу с вокзала, — Ведь надо кому-то руководить Советами всех уровней. Да и с законами полная неразбериха. Шутка ли, у Советской Республики нет ни одного писаного закона, одна лишь революционная целесообразность. Как выразился сам Владимир Ильич, — Адово море работы, все надо сделать архисрочно. — И так обстоят дела у всех, никому не будет легко. Да, кстати, все кандидатуры наркомов, конечно же, утверждены через ЦК...

Пока товарищ Сталин говорил, вся честная компания, прикрываемая грамотно распределившими сектора ответственности бойцами, миновала здание вокзала, и вышла на привокзальную площадь со стоящим в центре ее памятником императору Александру III Миротворцу.

Тут товарищ Фрунзе опять удивился. Он думал, что их будут ждать пролетки или бензиновые тарахтелки, вроде Рено или Форда. Но то, что стояло на площади, ничем не напоминало известные ему модели авто. Фрунзе подвели к огромному крытому авто, длинному и просторному, как американский дилижанс. Еще один солдат за рулем сделал какое-то движение на приборной панели, и прямо перед ними дверцы вдруг сами щелкнули и открылись. Сопровождавшие их солдаты споро грузились в стоящий рядом длинный восьмиколесный броневик, вооруженный большим пулеметом в небольшой приплюснутой башенке.

— Куда я попал? — немного растерянно и тоскливо подумал Фрунзе. Но, тут же эту мысль вытеснила другая. Товарищ Фрунзе подумал, что если ему партией доверен один из наиболее ответственных постов, то он ни в коей мере не должен обмануть доверие партии. И самой главной его задачей будет разобраться в том, что происходит и учиться военному делу настоящим образом...

Глава Секретариата ЦИК РСДРП(б) Яков Михайлович Свердлов.

Все произошло совсем не так, как планировалось изначально. Шагающий по Шпалерной Яков Свердлов ломал голову над проклятым вопросом — почему переход власти от Керенского к партии большевиков случился так неожиданно для него? И почему эта власть перешла не к Ленину, а к Сталину, которого до сего момента в партии мало кто брал в расчет? В чем его ошибка, что помешало свершиться тому, что было задумано им и его друзьями за пределами России?

Для того, чтобы попытаться разобраться во всем этом, Свердлов и шел на конспиративную квартиру на Захарьевской, где его ждал старший брат Залман, сменивший имя и фамилию, и ныне известный, как Зиновий Пешков. Фамилию он взял у своего крестного отца, знаменитого писателя Максима Горького. Но в душе он остался все тем же Свердловым, сыном гравера Мойши Израилевича Свердлова. Сейчас Зиновий находился в Петрограде. Капитан французской армии, потерявший правую руку в сражении под Верденом, и награжденный Военным крестом с пальмовой ветвью, Зиновий Пешков был направлен правительством Пуанкаре летом 1917 года на свою бывшую родину в качестве представителя Французской республики при правительстве Керенского. Правда, теперь этого правительства уже нет, и захочет ли Сталин общаться с Зиновием? — на этот вопрос Яков не мог сейчас ответить.

Сзади него шагал охранник — его родственник Енох Иегуда, правда, называвший теперь себя Генрихом Ягодой. Шустрый молодой человек, далеко пойдет. Яков Свердлов знал, что вскоре в Петроград должен прибыть связной от его младшего брата Бенъямина, который жил в САСШ и был там банкиром. Бенъямин был знаком и поддерживал деловые отношения с банком «Кун, Лейб и Ко» и его фактическим владельцем банкиром Яковом Шиффом. Яков вспомнил имя посланника от Бенъямина — Сидней Рейли, или как его звали когда-то в Одессе, Соломон Розенблюм. Он давно уже работал на английскую разведку. Но еще в большей степени он работал на Якова Шиффа.

Зиновий ждал своего младшего брата в доме, построенном в египетском стиле. «Не может никак избавиться от своих масонских замашек», — усмехнулся Яков, подходя к дому. Поднявшись по лестнице на третий этаж, Свердлов позвонил в бронзовый звонок. За дверью раздался шорох, щелчок, а потом знакомый голос брата спросил, — Яша, это ты?

— Это я, Зяма, — ответил Свердлов, — свои...

Дверь приоткрылась. В темноте маячил силуэт человека в военной форме с револьвером в левой руке.

— Смотри, Зяма, не застрели родного брата, — с усмешкой сказал Яков.

— А кто это с тобой там, — подозрительно спросил Зиновий Пешков.

— Зяма, это наш родственник, Энох, муж Иды Авербах, дочери нашей сестры Софы, — ответил Свердлов.

— Это тот самый, который дважды обокрал нашего отца, будучи его учеником? — насмешливо спросил Зиновий Пешков.

— Было такое, — спокойно ответил Яков Свердлов, — только молодой человек взялся за ум, и больше ничего такого не позволяет. Но, надеюсь, мы с тобой не будем на лестнице обсуждать наши семейные дела. Да и не за этим я к тебе пришел.

— Проходите, — Зиновий шагнул вглубь прихожей. Яков Свердлов и его спутник вошли. Пешков еще раз настороженно оглянулся и, сунув револьвер в кобуру, закрыл входную дверь.

Войдя в дверь, Яков сразу же перешел к делу, — Зяма, что происходит в Петрограде?! Я ничего не понимаю! Откуда появилась эта проклятая эскадра, которая смешала все наши карты? Что об этом знает ваша разведка? Что это за неизвестные аппараты, прилетающие неизвестно откуда, и приземляющиеся прямо в центре города? Как Ленин сумел незаметно попасть в Петроград, когда мы еще не успели подготовить всех членов ЦИК к решению вопроса о вооруженном восстании, и с чего это вдруг этот фигляр Керенский передал власть этому грузинскому недоумку Сталину?

— Яша, ты задаешь слишком много вопросов, — меланхолично проворчал Зиновий Пешков, — ни на один из них я и сам не знаю ответа. Скажу только, что появившаяся ниоткуда, эта эскадра адмирала Ларионова и разгром ею германского десанта у Эзеля нам и самым изрядно спутало все карты. Кроме того, до нас дошла достоверная информация о том, что группа Сталина в вашей РДРС(б) и их неизвестно откуда появившиеся помощники намерены силой принудить Германию к заключению полноценного мирного договора с кайзером Вильгельмом. Этого допустить никак нельзя. Если это случится, то будет настоящей катастрофой. Россия должна сражаться с Германией до последней капли крови русских солдат. Только так, и никак иначе!

— Гм, Зяма, — задумчиво сказал Яков, — насчет продолжения войны не все так просто. Русскому народу война уже осточертела и многие в ЦИК тоже считают, что надо с ней кончать. Но надо закончить ее так, чтобы не было ни мира, ни войны. Чтобы германцы не могли снять с русского фронта ни одного солдата, и в то же время чтобы народ убедился, что войны уже нет. Я предполагал направить для переговоров одного нашего человека, Лейбу Троцкого. Он умеет хорошо владеть языком, и сумеет уболтать немецких дипломатов на грядущих мирных переговорах.

Но Сталин назначил на должность наркома иностранных дел этого интеллигента Чичерина и тем сломал мои планы. А Троцкого сделали питерским градоначальником. Из-за этого он тут же повздорил со Сталиным, за что сталинские держиморды чуть было не пристрелили на месте бедного Лейбу.

— Ну, Яша, это уже твои проблемы, — ответил Зиновий Пешков, покачав головой, — Я, конечно, помогу тебе всем, чем смогу, но главную работу ты должен будешь сделать сам. Если тебе нужны деньги?.. — Зиновий вопросительно посмотрел на брата.

— Зяма, ты же знаешь, что деньги никогда не бывают лишними, — ответил Свердлов, — Сейчас, в первую очередь, нужно срочно сместить с поста Сталина и поставить на его место одного из нас.

— Что ты конкретно намерен сделать? — с интересом спросил Зиновий Пешков, — Как именно ты хочешь избавиться от Сталина?

— Прежде всего, наши люди организуют в Петрограде погромы... — начал Яков Свердлов.

— Надеюсь, не еврейские? — настороженно спросил Зиновий Пешков.

— Нет, толпа начнет громить винные склады, аптеки, словом, места, где хранятся

спиртное, — ответил Свердлов. — Кроме того, нападению подвергнутся дипломатические представительства, естественно, не стран Антанты. Это осложнит впоследствии дипломатическое признание нового правительства.

А насчет Сталина... Есть у меня одна мысль. С юнкерами у меньшевиков и эсеров ничего не вышло. Сталин и его люди, надо отдать им должное, справились с этим быстро и почти без стрельбы. Теперь нам надо попробовать взбунтовать гарнизон. Особое внимание следует обратить на казаков.

Надо распустить слух о том, что правительство Сталина намерено продолжить войну с германцами, и отправить казачьи полки на фронт. А чтобы этому слуху поверили, надо, чтобы его подтвердил авторитетный член нашей партии. И умеющий убеждать людей. Я думаю, направить в казармы казаков на Обводном Лейбу Троцкого. И, скорее всего, вместе с ним поеду туда сам.

Я прочитаю приказ, якобы подписанный Сталиным, в котором будет говориться о том, что казачьи части должны быть срочно направлены на фронт под Ригу, чтобы освободить ее. А потом выступит Троцкий, который заведет казачков, и натравит их на Смольный. Одновременно в городе начнутся погромы и грабежи. Все лояльные Сталину части отправят на подавление беспорядков. Так что Смольный будет захвачен, что называется, голыми руками. Ну, и на всякий случай, несколько верных людей будет направлено на 10-ю Рождественскую, в гости к Аллилуевым...

— Хороший план, — немного подумав, сказал Зиновий Пешков, — Яша, скажи, что тебе нужно для его осуществления?

— Люди и деньги, — сразу же ответил Яков Свердлов, — и то, и другое, в больших количествах.

— Я доложу послу Нулансу, — пообещал Пешков, — и думаю, что ты получишь все, что просишь...

Когда Яков Свердлов покинул конспиративную квартиру, и направился в сторону Смольного, в чердачном помещении дома напротив человек в неприметном костюме мастерового отключил, аппаратуру, которой еще не существовало в этом мире. Весь разговор между братьями был снят с оконного стекла лазерным микрофоном, и записан на соответствующую аппаратуру, чтобы быть в дальнейшем представленным заинтересованным лицам. Николай Ильин, подполковник еще не существующей спецслужбы, предтечу которой еще предстояло создать, стащил с головы наушники и посмотрел на своего напарника — сержанта ГРУ, — Ну что, брат-храбрец, полный трындец?!

Тот молча кивнул, разбирая и упаковывая прослушивающую аппаратуру. Еще вчера утром, когда в Петроград были переброшен взвод спецназначения и офицеры ГРУ и СВР, под самый плотный контроль попали все негативные фигуранты той истории. И Яков Свердлов был одним из первых. В слежке помогали и сотрудники военной разведки, руководимые генералом Потаповым. За эти два дня это был уже второй визит Якова на Захарьевскую, так что ничего удивительного не было в том, что «кровавой гебне» захотелось прослушать то, о чем будут беседовать два брата.

14(01) октября 1917 года. 16:05, Петроград. Думская улица д. 1, здание Петроградской городской думы.

Среди гласных Петербургской городской думы настроения царили самые упаднические. Все шло совсем не так как это виделось господам гласным еще полгода назад. Представители революционных и не очень демократических партий предполагали, что после падения самодержавия Россия немедленно воспрянет и воспарит, безо всяких дополнительных усилий. А вышло-то все наоборот. Кругом тлен и запах плесени. Вот и правительство Керенского ушло в небытие.

Собравшиеся к трем часам пополудни унылые депутаты уныло читали унылые речи, призывающие «сплотиться как один перед лицом большевистской угрозы». Время от времени по Невскому, рыча моторами и шурша шинами по брусчатке, проносились огромные трехосные грузовые авто и восьмиколесные броневики. В эти моменты все господа гласные, не сговариваясь, испуганно вжимали головы в плечи, ожидая визга тормозов, лающих армейских команд и топота десятков ног. Сначала «народные избранники» боялись арестов, но Силе, которая сейчас хозяйничала в городе, было глубоко наплевать на все их бестолковые речи и резолюции.

Господ интеллигентов особенно возмущал союз большевиков с самой махровой военщиной. Особенно распинаялся на эту тему Абрам Гоц, а Петроградский городской голова Григорий Ильич Шрейдер выразился еще хлеще — «Большевистская корниловщина». Но дальше разговоров дело не пошло, член ЦК партии кадетов Софья Панина даже предложила всей Петроградской думой пойти маршем на Смольный, но ее предложение было встречено довольно вяло.

Что особенно потрясло господ членов городской думы, так это известие о том, что часть министров правительства Керенского вступили в сговор с большевиками. Фамилии Маслова, Верховского, Вердеевского, Ливеровского, Малянтовича, Салазкина, Прокоповича, Гвоздева, передавались из уст в уста, то с оттенком осуждения, то с оттенком зависти.

Правительство Керенского, мало того, что безвременно умерло, своей смертью, оно показала породившей ее демократии большую фигу. Потом избранный от партии большевиков депутат Михаил Калинин принес в зал заседания настоящую информационную бомбу. Роль ее сыграл утренний выпуск газеты «Рабочий путь», с интервью-исповедью бывшего министра-председателя А.Ф. Керенского, данного им сразу после отставки большевистской журналистке И. Андреевой. Заслушав получасовую исповедь, полную извинений и раскаяния, причем, вполне искреннего, господа народные избранники на какое-то время впали в ступор. Отложив газету, все тот же депутат вытащил из внутреннего кармана пиджака еще несколько листов бумаги, и Петербургская городская дума выслушала первые декреты нового правительства. «Декрет о Мире» заставил господ депутатов завистливо крикнуть. Отношение к этой войне в народе было таковым, что этот декрет сделает большинство солдатиков горячими сторонниками новой власти. «Декрет о Земле» вызвал у господ эсеров горячий утробный вой — обокрали! Как это так, земельный вопрос решить обещали эсеры, а декрет издают большевики. А эсеры как были с самого начала в составе Временного Правительства, так и ничегошеньки из своей программы в жизнь не воплотили. Безобразие и непорядок.

Особую же злобу господ интеллигентов вызвал «Декрет о наведении революционного порядка». Вот он этот Декрет.

1. Для поддержания в стране революционного порядка и прекращения всемерной анархии и беспредела организовать Народный Комиссариат Внутренних Дел. На должность народного комиссара Внутренних Дел назначить члена партии большевиков Феликса

Эдмундовича Дзержинского.

2. В состав Народного Комиссариата Внутренних Дел входят:

а) Рабоче-крестьянская народная милиция, имеющая своей задачей поддержание общественного порядка;

б) Главное Управление уголовного розыска, имеющее своей задачей раскрытие тяжких и особо тяжких уголовных преступлений, а так же борьбу с бандитизмом и прочей организованной преступностью;

в) Главное Управление Государственной Безопасности, имеющее своей целью борьбу с преступлениями контрреволюционной и антигосударственной направленности, этническим сепаратизмом, религиозным экстремизмом;

г) Главное Управление по борьбе с экономическими преступлениями, имеющее своей целью расследования случаев хищения государственной и общественной собственности, злостной спекуляции и преступлений в сфере экономики;

д) Главное Управление исполнения наказаний, обеспечивающее исполнение приговоров вынесенных преступникам Народными судами.

3. Для формирования штатов НКВД в дополнение к проверенным товарищам рабоче-крестьянского происхождения, широко привлекать ничем не запятнавших себя преступлениями против трудового народа сотрудников старого МВД, сыскного агентства и жандармерии.

4. В исключительных случаях привлекать к выполнению задач по охране общественного порядка подразделение Красной Гвардии.

5. В связи с разгулом бандитизма и насилия, вызванных бездействием предыдущего правительства, объявить на всей территории Российской Советской Республики Чрезвычайное Положение. Во время действия режима Чрезвычайного Положения органам НКВД и приданным им частям Красной гвардии делегируются особые полномочия.

Бандиты, воры, убийцы, грабители и насильники, пойманные с поличным, сотрудниками внутренних органов и бойцами Красной гвардии будут расстреливаться на месте. Следствие по остальным делам будет вестись по упрощенной схеме

Подписано 1-го октября 1917 года.

Председатель ЦК партии большевиков В.И Ленин

Председатель Совета Народных комиссаров И.В. Сталин

Абсолютно все в этом документе вызывало яростное сопротивление либерально настроенных депутатов. Тут же на трибуну полез господин Абрам Гоц.

— Что такое НКВД?! — вопил он с трибуны, потрясая рукой с зажатыми в них пенсне, — Да это же воссоздание МВД, господа! Скажите, будьте любезны, а как же завоевания революции, оплаченные кровью наших борцов с самодержавием? Эти большевики снова зовут себе на помощь душителю свободы из старого МВД, сыскного агентства и жандармерии.

Мало мы гремели кандалами в ссылках и на каторгах при проклятом царском режиме. Попомните мое слово, большевики окажутся стократ хуже царизма, — постепенно, слово за слово, Остапа, то есть простите, Абрама, начало нести. Он бедный не знал, что на галерее для гостей стоит человек из военной разведки с диктофоном в руках и терпеливо записывает всю ту чушь, которую извергает один из вождей правых эсеров, — А эти расстрелы без суда, — продолжал Гоц, — видите ли только на том основании, что бедного мальчика поймали с поличным. А как же суд, адвокат, присяжные, наконец. А эта борьба с

экономическими преступлениями, скажите, как нам теперь прожить в этом мире, если ничего нельзя?

Потом господин Гоц понял, что наговорил лишнего даже для столь либерального собрания, и бочком, бочком удалился с трибуны. Пока он там ораторствовал, все двенадцать депутатов — большевиков покинули зал заседания. Назревала развязка.

Следующим на трибуну вылез городской голова Шрейдер, и призвал в едином порыве идти в Смольный, и высказать свое возмущение действиями большевистского правительства.

Господа протестующие не учли одного — их выход на свежий воздух после вброса, осуществленного большевистским депутатом, был совершенно ожидаем. Думскую улицу с двух сторон перегораживали поставленные поперек броневики и цепи революционных матросов с эсминца «Забияка», перемешанных с морскими пехотинцами из XXI века в полном боевом облачении. Свои всегда опознают своих, и паролем при первой встрече послужила обычная тельняшка. После некоторого периода взаимного обнюхивания между новыми товарищами по оружию установились вполне товарищеские отношения.

Вот и сейчас, когда разгоряченные депутаты вывалились из здания, то с ходу наткнулись на матросско-морпеховские цепи. Завязалась отчаянная перепалка, перешедшая затем в потасовку, квалифицированную в дальнейшем как «преднамеренное злостное нарушение общественного порядка в условиях Чрезвычайного Положения». После некоторой возни особо буйные депутаты со связанными за спиной руками были положены мордами на брусчатку, загружены в два больших грузовика и, «до выяснения», отвезены в «Кресты». Уже там, внутри, вождей отделили от массы, и охочие до истины товарищи начали их допрашивать, особо не заморачиваясь процессуальными тонкостями.

А Петроградская городская дума была закрыта, как не имеющая кворума, и вновь открылась уже через два месяца после перевыборов по новому закону, как Петроградский городской совет народных депутатов.

14 (1) октября 1917 года 16:15, Петроград. Таврический дворец, ныне Совнарком

Подполковник Ильин и товарищ Сталин.

В дверь Сталинского кабинета постучали. В дверь заглянул дежуривший снаружи морской пехотинец, — Разрешите, товарищ Сталин, к вам подполковник Ильин.

— Хорошо, пусть войдет, — вздохнул Сталин, отодвигая в сторону книгу, которую только что читал. Ильин — это было серьезно. Когда от товарищей из будущего товарищ Сталин узнал, что не все товарищи по партии имеют в революции те же цели, что и он, то не очень сильно удивился. Люди, они все разные, и между ними возможны расхождения во взглядах. Но спустя некоторое время он понял, что эти расхождения настолько велики, что победа людей, придерживающихся противоположных взглядов может привести Россию вместо процветания к катастрофе. Недавняя стычка с Троцким, и вырвавшиеся у того слова о желательной для петроградцев участи, еще больше укрепили Сталина в этом мнении. Когда вместе с Владимиром Ильичом в Петроград прибыл «жандарм из будущего» подполковник Ильин, товарищ Сталин недолго думая попросил его взять наиболее одиозных «товарищей» на контроль, поставив только одно условие — без разрешения ЦК «руками» никого не трогать. Сталин был жестким прагматиком и идеологические штампы не имели для него особого значения. Если есть подозрения в измене, то надо, их или развеять, или, убедившись в их справедливости, принять все необходимые меры, в том числе и радикальные. И вот этот самый подполковник Ильин приходит к нему с сообщением, по всей видимости, весьма важным.

— Добрый день, товарищ Сталин, — поздоровался вошедший подполковник, и подойдя к столу, положил на него маленькую плоскую коробочку, — нам удалась прослушать разговор Якова Свердлова с его старшим братом Залманом, ныне капитаном французской службы Зиновием Пешковым. Ничего не буду вам говорить, послушайте разговор и сами сделайте вывод, — с этими словами, подполковник нажал на кнопку аппарата и отошел в сторону.

Сталин слушал получасовую запись в гробовой тишине, только в самом конце, когда Сверлов упомянул о квартире Алиллуевых, председатель Совнаркома негромко выругался по-грузински. Когда разговор закончился, Сталин поднял голову и своими желтыми тигриными глазами посмотрел на подполковника, — Значит, это все таки заговор, товарищ Ильин?

— Относительно партии большевиков — да, это заговор, — немного подумав, ответил подполковник, — а относительно России, это совершенно точно измена в форме шпионажа в пользу иностранной разведки, и подготовка государственного переворота.

— Да уж, — хмыкнул Сталин, — друзей среди иностранных правителей у нас нет, — потом его буквально прорвало, — бозишвили, — эту гадину нужно давить сразу. Вы, товарищ Ильин, побудьте здесь, а пока... — Сталин повысил голос, — Товарищ Сергеев!

В дверях появился морской пехотинец, — Слушаю вас, товарищ Сталин?

— Товарищ Сергеев, будьте добры, сообщите по своей рации товарищам Ленину и Дзержинскому, что нам необходимо срочно встретиться, лучше всего, в моем кабинете.

Передайте им, что дело очень важное и срочное.

Морпех вышел, и в кабинете снова повисла гнетущая тишина. Слова были уже не нужны, осталось убедить Ленина в серьезности ситуации и можно начинать...

Полчаса спустя, там же. Подполковник Ильин, Ленин, Сталин и Дзержинский.

Первым в кабинет Сталина зашел Дзержинский, снял пальто и шляпу, повесил их обшарпанную вешалку, и, аккуратно пригладив волосы, сел рядом с подполковником Ильиным, прикрыв глаза. Вид у Феликса Эдмундовича был откровенно замученный. Буквально на коленке приходилось создавать НКВД. И если бы не помощь товарища Антоновой... Некоторые жандармские полковники после разговора с ней уходили на полусогнутых ногах. Да и «старым подпольщикам» тоже доставалось немало. Кадры в НКВД подбирались медленно, но зато была твердая надежда, что работать они будут на Россию, а не на другого хозяина, который лучше платит.

Ильич буквально влетел в кабинет Сталина, размахивая иностранными газетами. По его возбужденному виду было понятно, что он нашел в них нечто весьма интересное, и только срочный вызов к Сталину оторвал его от смакования нюансов, — Товагищ Сталин! Это пгосто погазительно! — выкрикнул он, едва переступив порог, — Ваш матегиал по Моонзунду пегепечатали все газеты Европы! Удивительный успех! — Ленин оглянулся, увидел сидящих Дзержинского и Ильина, запнулся, и настороженно спросил, — В чем дело, товарищи, что-то случилось?

Сталин угрюмо ответил, — Случилось, товарищ Ленин, очень даже случилось... Вы, это, лучше присядьте. — потом будущий «лучший друг советских физкультурников» посмотрел на подполковника Ильина, — включите ваш аппарат, товарищ Ильин. И разбудите, пожалуйста, товарища Дзержинского, а то он совсем умаялся, спит на ходу...

Подполковник подошел к столу и щелкну кнопкой диктофона. Из динамика донесся известный всем присутствующим голос Якова Свердлова, — Смотри, Зяма, не застрели родного брата...

При первых же звуках этого голоса Дзержинский открыл глаза и огляделся вокруг, всем своим видом будто говоря — Где тут эта сволочь?

При прослушивании этого диалога Ленин с Дзержинским реагировали на него по-разному. Феликс Эдмундович тут же превратился в слух, пытаясь запомнить и проанализировать все нюансы, отстраняясь при этом от моральной стороны вопроса. Ленин же наоборот, воспринимал все достаточно экспрессивно, постоянно порывался вскочить со стула, и произнести речь. А ведь ему было от чего нервничать. С поступлением информации из будущего, в его неслабом, надо сказать мозгу, уже сложилась обновленная теория поэтапного построения социализма. Сначала взять власть в одной стране — России, потом провести ее социализацию и индустриализацию. Потом, раз мировая война под номером два все равно неизбежна, превратить ее в победный марш советских армий до Ла-Манша на Западе, и до Сайгона на Востоке. Снова социализация и новый рывок, теперь уже за океан.

Ильич понял, то что в свое время не дошло до Хрущева, Брежнева и их последователя Горбачева. Преимущества советской системы в развитии. Нельзя останавливаться и снижать планку. Планы правительства должны быть хоть и реалистичными, но до предела амбициозными, можно сказать на грани возможного. При таком раскладе, с учетом

недопущения Гражданской войны, ускорения развития и помощи медиков из будущего у Ильича появилась надежда самому дожить до этого самого социализма и, что называется, потрогать его своими руками.

И тут этот нехороший человек Яша впутывает в нашу революцию французскую разведку... Нет, это французская разведка впутала Яшу в нашу революцию. Впрочем, какое там — два родные брата пытаются сделать в России семейный гешефт.

Переворот в партии, осуществи его сейчас Свердлов, скорее всего означает, что товарищ Ленин не увидит никакого социализма. Ленин тогда вообще ничего не увидит, кроме безвременной и безымянной могилы, как и товарищ Сталин, вместе со всеми товарищами из будущего. А в России начнется такое, по сравнению с чем Гражданская война из мира прищельцев покажется детской игрушкой. Этим только дай дорваться.

Да, информация вышла совершенно убойная, и решение нужно было принимать быстро, — Не ударим мы, — решил Ильич, — ударят по нам. Как говорил в их прошлом, а в нашем будущем, Коля Бухарин: «В революции побеждает тот, кто первым проломит голову другому». — Сейчас, когда уже изменились баланс сил в Партии, и сложилась так называемая Большая Тройка из его — Ленина, Сталина и Дзержинского.

Он, Ленин, был и остается крупнейшим авторитетом в марксизме, а Сталин и Дзержинский резко набрали политический вес, получив от появившейся из будущего эскадры полную и неограниченную поддержку. Теперь, убрав Свердлова и его группу, можно будет отодвинуть на второй план некоторых товарищей, не понимающих тонкостей политического момента. А уж группировку «бундовцев» и «межрайонцев», с благоволения Якова Свердлова севших летом на большевистский поезд, снова высадить на пустой и холодный перрон.

Немного успокоившись, Ильич распорядился срочно созвать заседание ЦК для того, чтобы, — ...обсудить персональные вопгсы этих мегзавцев, — как всегда, волнуясь, Ильич картавил больше обычного.

Обсуждение персональных вопросов в этом контексте могло означать только вывод из состава ЦК и исключение из партии большевиков. Уж на это у блока Ленина-Сталина голосов в ЦК хватало вполне.

Сталин был одновременно и зол и доволен. Во-первых, его ярость вызывало то, с какой легкостью Свердлов и его группа перешли «на личности» во внутрипартийной борьбе. Особенно его взбесила идея отправить убийц в дом давшим ему приют Аллилуевым. В душе Сталин так и оставался буйным горцем Кобой, не забывающем ничего, ни добра, ни зла. Так что положение тех, кто затеял против него эту интригу, было хуже губернаторского.

Во-вторых, естественным путем в прошлое уходили два его главных противника. Разделаться после этого с Рыковыми, Бухаринными, Каменевыми и Зиновьевыми не представляло большого труда. Тем более, что у них с товарищем Дзержинским теперь появилось четкое представление о том, кто и чего стоит.

Но вот заседание ЦК... Сомнительно. Наверняка у Свердлова среди членов ЦК имеются союзники и просто сочувствующие. Пара неосторожных слов и мятеж, осложненный расколом в партии, неизбежен. Тут надо сработать в тихую... И сработать должны товарищи из будущего вместе с товарищем Дзержинским. Тайный Заговор должен быть и устранен тайно. Пусть все думают, что товарищи Свердлов и Троцкий героически отравились буржуйскими солеными грибами, или, чего еще там потомки придумают...

Выслушав Сталина, Ильич согласился, что да, после поспешного и необдуманного

расширения, партия вообще и ЦК в частности сейчас не инструмент для захвата и удержания власти, а какой-то бордель на колесах. Кого там только нет... Так что, пусть товарищи Ильин и Дзержинский ликвидируют угрозу, а товарища Свердлова мы и посмертно из партии исключить сможем, если это вообще понадобится. А так, его еще и героем революции можно будет сделать, и город Екатеринбург снова Свердловском назвать.

Вот после этих слов подполковник Ильин, как бы ненароком, и завел разговор о последних представителях династии Романовых. Партии большевиков было необходимо выработать по отношению к бывшей царской семье какое-то определенное решение. Нельзя же просто делать вид, что их нет на свете.

Бывший царь вместе со своими родственниками был головной болью для всех властей, начиная от Керенского, кончая Сталиным. Непонятно куда девать клан, который всего четыре года назад пышно отметил свое трехсотлетие у власти.

Второй Ганиной ямы, по зрелому размышлению, ни Ленин, ни Сталин, ни Дзержинский допускать не хотели. Понятно что ТОГДА семейство Романовых было уничтожено руками людей Свердлова исключительно по заказу стран Антанты, желавших чтобы этим актом большевики окончательно изолировали себя от внешнего мира. Изоляция вышла недолгой, но вот осадочек остался. Особенно скрежетал зубами Ильич, когда узнал, как его ТАМ провели «товарищи» Свердлов и Ко.

Подполковник Ильин высказался в том смысле, что думать о политике можно сколько угодно, но на месте товарищей Ленина и Сталина, он бы сначала доставил всех Романовых туда, где их можно будет легко контролировать. Например, в ту же Гатчину, под гласный надзор НКВД. А уж потом уже можно было решать — что с ними делать-с! Кого судить, кого перевоспитывать, а кого и за границу выслать. А то грохнут их опять в той же Перми или Екатеринбурге, или контрреволюция какая оседлает. Обсуждай потом этот вопрос, не обсуждай — все будет без толку.

Ленин немного поартачился, но потом под напором Сталина и Дзержинского согласился, что да — наименьший вред от этой семейки будет тогда, когда все Романовы окажутся под надежным крылом людей из НКВД. И никаких зверств ЧК и прочей художественной самодеятельности, все должно проходить строго в соответствии с решениями ЦК партии большевиков, и буквой еще не написанных советских законов. В конце концов, бывший император в свое время помиловал столько большевиков, приговоренных судами к смертной казни, что не помиловать сейчас его, и его семью было бы верхом неблагодарности.

Кроме того, сам Николай качественно позаботился о том, что в ближайшие сто лет ни о какой реставрации монархии, а уж тем более, династии Романовых, и речи быть не могло. Россия выработала к царям стойкий иммунитет и просто не захочет, да и не сможет еще раз войти в эту воду. Зато какой будет повод для международной пропаганды — бывший царь учит деревенских детишек, к примеру географии.

Немного подумав, Сталин позвонил генералу Потапову и распорядился, чтобы по линии военного ведомства все члены царской семьи были разысканы, по возможности быстро, доставлены в Петроград. При этом особое внимание необходимо обратить на доставку из Тобольска в целостности и сохранности самого Николя Александровича Романова с чадами и домочадцами, а также его матери Марии Федоровны и сестры Ольги Александровны, пребывающих в настоящее время в Крыму. В пути с семьей бывшего императора обращаться вежливо, не допуская грубости и самоуправства местных властей.

После этого товарищ Сталин поблагодарил подполковника Ильина за прекрасно сделанную работу, и попросил вечером доставить к нему из Гатчины гражданина Михаила Романова. Когда подполковник ушел, товарищ Сталин немного подумал, и написал короткую записку для Александра Васильевича Тамбовцева, с приглашением поучаствовать в этом разговоре. Записку адресату доставил один из морских пехотинцев, прикомандированного к товарищу Сталину отделения морской пехоты.

14 (1) октября 1917 года 20:45, Петроград. Таврический дворец, ныне Совнарком

Сталин и Тамбовцев, а также бывший Великий князь, бывший командир Дикой дивизии, бывший почти Император, Михаил Александрович Романов.

Когда Александр Васильевич Тамбовцев вошел в кабинет Сталина, оборудованный на скорую руку в одном из закутков Таврического дворца, тот с трудом оторвался от вороха бумаг над которыми работал, — Добрый вечер, товарищ Тамбовцев. Вы, как настоящий большевик, готовы работать и днем и ночью. Удивительное дело, умом я понимаю, что знаю вас меньше трех суток, а кажется что мы вместе работаем целую жизнь. Садитесь, пожалуйста. Сегодня у нас будет очень интересный гость, так сказать Михаил Романов-младший. С царя Михаила династия Романовых началась Михаилом она же им и закончилась. Но оставим символизм гадалкам и хиромантам, скажите, что вы думаете об этом человеке?

Тамбовцев пожал плечами, — Товарищ Сталин, нас о Михаиле писали очень мало, в основном все внимание уделялось его царствующему старшему брату. Могу сказать, что он отчаянно храбр в личном плане, даже убийцы отмечали, что он не испугался когда его стали убивать. И в тоже время, он как огня избегает ответственных должностей, самым большим его страхом было оказаться на отцовском троне. Страх этот не осознанный, а какой-то внутренний что ли. Именно по этой причине он так скандально женился на дважды разведенной особе. Известный нам предел его компетенции — это уровень командира отдельной дивизии, максимум, корпуса.

— Поясните товарищ Тамбовцев, — заинтересованно спросил товарищ Сталин, — что значит «предел компетенции»?

— Это такая максимальная должность, на которой данный работник еще может приносить пользу, — ответил Александр Васильевич, — Если поднять его еще выше, то из-за появившегося служебного несоответствия, данный человек вместо пользы начнет причинять вред.

— Мысль понятна, — кивнул Сталин, — И какой же предел компетенции был у бывшего императора?

— Не многим выше, чем у его младшего брата, — ответил Тамбовцев, — все беды Российской империи за последние двадцать лет, проистекают от полного служебного несоответствия первого лица государства...

Неизвестно, что на это хотел ответить Сталин, но как раз в это время в дверь кабинета постучали.

— Да?! — откликнулся Сталин и в приоткрывшейся двери показался дежуривший снаружи морской пехотинец, — Товарищ Сталин, прибыл гражданин Михаил Романов.

Тамбовцев и Сталин переглянулись, потом председатель Совнаркома разгладил пышные кавказские усы и сказал, — Пригласите, товарищ Сергеев.

В кабинет вошел заросший клочковатой рыжей бородой Михаил Романов, не понимающий еще — то ли он гость, то ли особо ценный пленник. Было видно, что этот человек свое уже отбоялся, и уже готов ко всему самому худшему.

— Присаживайтесь, гражданин Романов, — кивнул ему Сталин, — мы с Александром Васильевичем хотели с вами немного посоветоваться...

Михаил присел на самый краешек стула, не сводя со Сталина своих, чуть навывкате светлых глаз, и настороженно сказал, — Я вас слушаю, господин Сталин?

Сталин вздохнул, — Я понимаю, что для вас я никогда, наверное, не стану товарищем, но все же предпочел именно это обращение ко мне. Гражданин Романов, мы хотели бы знать, как вы видите ваше будущее в новой России? Я имею в виду, не только вас лично, но и всю вашу семью, включая вашу мать, старшего брата и сестру.

— Если это возможно, гос..., товарищ Сталин, мы хотели бы уехать за границу, — осторожно ответил Михаил.

— К сожалению, на данном этапе это маловероятно, — вздохнул Сталин, — объясните, почему, товарищ Тамбовцев.

— Во-первых, вас не примет ни одна страна, — подключился к разговору Александр Васильевич, — об этом уже позаботились ваши британские родственники. А если примут... Скажите, Михаил Александрович, вы любите Россию? Не торопитесь отвечать, подумайте. Россию, не как вотчину вашего отца, деда, прадеда и прапрадеда, а Россию, как страну, в которой вы родились и выросли, которая дала вам и вашей семье абсолютно все, что вы имели и имеете? Любите ли вы ее и сейчас, в роковой момент испытаний, на пороге братоубийственной гражданской войны?

— Да, Александр Васильевич, — кивнул Михаил, — я действительно люблю Россию, и мне очень горько, что я не сумел оправдать ее ожиданий.

— Так вот, Михаил Александрович, — продолжил Тамбовцев, — если какая-либо зарубежная держава и согласится принять вас и ваших родственников, то только потребовав взамен участие в активной борьбе с большевиками. Те же самые люди и организации, которые вчера финансировали революционеров, подрывавших власть вашего брата, завтра начнут поддерживать контрреволюционеров, воюющих с большевиками. Таковы правила Большой Игры сильных мира сего. К сожалению, сначала ваш отец забыл высказанную им же самим мысль о том, что у России нет других союзников, за исключением собственной армии и флота, и заключил союз с Францией. А потом и ваш брат оказался не на высоте, в результате чего Россия вляпалась в Антанту, как в кучу дерьма. Это я к тому, что революционеры, стрелявшие в царя, попадали при этом и в Россию. А их противники, стреляя в большевиков, тоже ведут огонь по России.

— Я вас понял, Александр Васильевич, — вскинулся Михаил, — но никогда и ни за что, я не буду ничего делать против России. Вы, господин пришелец из будущих времен, могли бы мне об этом и не напоминать! — потом немного успокоившись, он добавил, — Не могу ручаться за своих других родственников, но лично я и мой брат делом уже доказали свой нейтралитет в политике.

— Я обязан вам напомнить это, — жестко ответил Тамбовцев, — потому что ТАМ, после эмиграции, вы будете не Великим князем Михаилом Александровичем, пусть даже и бывшим, а безродным изгнанником, который, или делает то, что ему говорят власть имущие, или волен подыхать с голоду. Если вы действительно не хотите причинить вред своей Родине, то должны подумать о том, как помочь ей не покидая ее пределов. Теперь никто не заставит вас занять трон, но, черт возьми, хоть какую-то пользу вы принести России можете?

— Сейчас не время отсиживаться в стороне, — кивнул Сталин, — я не во всем согласен

с товарищем Тамбовцевым, но в главном он прав. Сейчас каждый должен думать только о том, что он может сделать для своей страны. Подумайте и вы, гражданин Романов. Мы будем рады использовать ваши способности и ваш личный опыт для общего блага. Со своей стороны, в случае сотрудничества, обещаю вам и вашей семье личную неприкосновенность.

— Я об этом подумаю, товарищ Сталин, — ответил Михаил Романов, — И, если у вас ко мне больше нет вопросов, то я хотел бы поскорее вернуться в Гатчину. А то мои домашние могут начать волноваться. Ваши люди так неожиданно увезли меня на встречу с вами, что это больше походило на внезапный арест, чем на приглашение для беседы.

— Да, возвращайтесь, — кивнул Сталин, — и передайте своим домашним, пусть приготовятся встречать гостей. В ближайшее время, во избежание самоуправства со стороны местных властей, в Гатчину будут доставлены ваш старший брат с семьей, сестра Ольга и мать Мария Федоровна. Скажу честно, им всем тоже придется решать ту же дилемму что и вам. — Сталин чуть повысил голос, — Товарищ Сергеев!

В дверь заглянул давешний морской пехотинец, — Слушаю, товарищ Сталин?

— Товарищ Сергеев, — Сталин быстро что-то написал карандашом на четвертушке бумажного листа, — вот записка, а на словах передайте товарищам, что гражданина Романова необходимо побыстрее доставить в Гатчину. Если нет другой возможности, то моя личная просьба — пусть его отвезут вертолетом. Все, товарищ Сергеев, выполняйте.

Когда дверь за бывшим Великим князем закрылась, Сталин провел руками по лицу, пытаясь снять усталость, и посмотрел на Тамбовцева, — Ну, что скажете?

— Сам Михаил прост, как дважды два, — ответил Тамбовцев, — а вот его супруга и секретарь для нас мутноваты. В первую очередь надо бы заняться связями его секретаря, некоего мистера Джонсона, к которому Михаил крайне привязан. Госпожа Вульферт-Брасова попроще, всего лишь искательница приключений. Но она может быть каналом для влияния на своего супруга. Причем, влияния извне, из-за границ России.

Сталин вздохнул, — Я понимаю, что ваши люди пытаются успеть везде и всюду, но их силы тоже ограничены. Но, если мы хотим хоть чего-то добиться, то ничего не поделаешь, придется просить товарища Ильина подключиться и к этой работе. Гатчину теперь придется контролировать не менее тщательно, чем Смольный. Когда туда прибудут остальные Романовы, она станет просто приманкой для заговорщиков всех мастей.

— Товарищ Сталин, — сказал Тамбовцев, — я бы посоветовал вам привлечь к работе молодежь. В частности, отозвать с Румынского фронта одного молодого инженера-гидролога. Его имя и фамилия Лаврентий Берия.

— Берия, — переспросил Сталин, — тот самый?

— Тот самый, товарищ Сталин, — ответил Тамбовцев.

— Хорошо, — Сталин сделал пометку в своей записной книжке...

Яков Свердлов и Лев Троцкий.

Они встретились в квартире, принадлежавшей питерскому коммерсанту, имеющему интересы в САСШ. Он периодически предоставлял свое жилище для секретных встреч Льва Троцкого с людьми, которые желали бы приватно переговорить с восходящей звездой русской революции.

Еще в САСШ Троцкому была сделана бешеная реклама. Нью-йоркская киностудия «Vitagraph Studios» сняла фильм под названием «Моя официальная жена» («My official wife»), с Троцким в главной роли. За это владельцы киностудии отвалили Троцкому такой гонорар, который, наверное, не платили ни одному актеру в Новом Свете. На эти деньги Лев Давидович безбедно жил в Нью-Йорке, а потом, наняв пароход, отправился в Россию. Провожаящие его местные евреи с уважением говорили: «Наш Лева едет отбирать работу у русского царя».

После прибытия в Петроград в мае 1917 года, Троцкого, избрали председателем Петросовета. Здесь подсуетился другой его знакомый Парвус-Гельфанд. Ну, а деньги из САСШ Троцкий получал прямо в Петрограде, из подконтрольного Якову Шиффу банк «Ниа Банк».

И вот все пошло прахом. Этот рябой грузин Сталин, с помощью каких-то шлимазлов с какой-то неизвестно откуда взявшейся эскадры, объехал на кривой козе их, сынов Израилевых. Сказать, что Троцкий был в ярости — это значит, ничего не сказать.

Троцкий скрежетал зубами, вспоминая свое унижение в Смольном, когда этот рябой коротышка Сталин так гнусно над ним насмеялся, а его верные псы-телохранители вообще чуть было не пристрелили Демона Революции. На всю оставшуюся жизнь, Лейба запомнит взгляды тех двух военных, и чернявой девки. Они смотрели на него так, как будто он был уже мертв, но попустительством Сатаны сумел выбраться из могилы. Подумав об этом, Лейба непроизвольно потер вдруг зачесавшееся темя.

Сейчас у Троцкого была назначена встреча с Яковом Свердловым. Льву Давидовичу было известно, что этот человек имеет контакты с французской и британской разведками. Больше все таки с французской. Рыбак рыбака, хе-хе, видит издалека. Те же самые люди обидели не только их, Льва Троцкого и Якова Свердлова, они до икоты напугали и послов великих держав. Настало время объединить силы и действовать. Вот только как?

Яков Свердлов пришел немного опоздав. Он был возбужден, и до крайности озабочен. И это еще мягко сказано, Свердлов откровенно паниковал.

— Лейба, — сказал Свердлов, нервно бегая по комнате, — наши дела совсем плохи. Сталин ведет войну против нас, истинных революционеров, у него повсюду глаза и уши. Он заигрывает с царскими генералами, и даже с братом царя. До меня дошли слухи о том, что его люди взяли в Гатчине под свою защиту бывшего Великого князя Михаила. И вообще, он как-то умудрился создать свою личную армию. Их люди отлично обучены, дисциплинированы и вооружены. Они смотрят Сталину в рот, как будто этот грузинский недоумок может сказать что-то умное! Это черт знает что!

Троцкий стал в картинную позу оратора, — Яков, это все, конечно, скверно, но нам

нельзя опускать руки. Подумай, что скажут наши друзья во Франции и Америке. Необходимо бороться. Я немедленно начну агитацию против предателя революции Сталина, который готовится сдать завоевания трудового народа бывшим царским сатрапам.

— Дурак! — подумал Свердлов, — хотя бы передо мной не кривлялся, — а вслух задумчиво сказал, — Лейба, это, конечно все замечательно, но надо агитировать не просто массы, а вооруженные массы. Надо поднимать военных. Их можно напугать тем, что, якобы, под влиянием царских генералов Сталин захочет продолжить войну с германцами. И направит гарнизон Петрограда на фронт под Ригу, чтобы отбить ее у противника. То-то они будут рады такому известию. Как ты считаешь?

— Интересная мысль, — сказал Троцкий, поглаживая свою бородку а-ля Мефистофель, — если умело ее подать этому быдлу в солдатских шинелях, то возможно и удастся натравить ее против Сталина и его прихлебателей.

— Моряков сагитировать, скорее всего, не удастся, — вслух размышлял Свердлов, — они смотрят Сталину в рот, и готовы за него порвать в клочки любого, кто скажет хоть что-то против него. То же самое Красная Гвардия. Путиловский — это самое настоящее сталинское гнездо и соваться тебе туда Лейба не с руки — могут сгоряча и пристрелить.

Остаются еще солдаты запасных полков. Они набраны зимой прошлого года из питерской шпаны, и дрожат, как зайцы, при слове фронт. Правда и под пули сталинских головорезов они тоже не пойдут — просто разбегутся. Значит, надо работать с казаками. Они, хотя и понюхали пороху, но воевать не желают. Кроме всего прочего, на них меньше чем на остальных действует сталинская пропаганда. Ведь «Декрет о Земле», который так ждали крестьяне в солдатских шинелях, для казаков, у которых с землей проблем нет, обычная бумажка. Вот их и надо попробовать поднять против Сталина.

— Понятно, — протяжно сказал Троцкий, — только с казаками с моей внешностью мне будет трудно разговаривать. Говорят, что они евреев не очень любят.

— Точнее, очень не любят, — подумал Свердлов, но вслух опять сказал нечто другое — Ерунда! Они как все! Побольше трескучих фраз, побольше комплиментов казачкам, вспомни их земляков — борцов с царизмом за вольность Дона и Урала — Разина и Пугачева. Они и растают. И больше эмоций. Скажи, что в подвалах Смольного люди Сталина прячут награбленные во дворцах царя и его родственников сокровища. И что по старому казачьему обычаю ты разрешишь забрать все в качестве трофеев. Запомни — зависть и алчность правят этим миром!

— Хорошо, — повеселел Троцкий, — так я, пожалуй, и сделаю. А пока надо потихоньку раскачивать ситуацию. Надо пустить слухи о скорой отправке на фронт среди солдат гарнизона и казаков. Пусть пока пообсуждают эту новость в казармах.

— И еще, Лейба, — с кривой усмешкой сказал Свердлов, — у тебя есть надежные люди? Ну, которые не боятся крови. Пусть они в день твоего выступления у казаков, начнут погромы в городе. Пусть громят винные склады, квартиры богатых людей. Побольше шума и крови. Пусть поднимают всех городских люмпенов и призывают их пустить кровь буржуям. Надежные части, на которых может полагаться Сталин и Дзержинский, будут брошены на подавление бунтов. А ты, Лейба, поведешь казачков на Смольный. Пусть твои люди будут готовы уничтожить Сталина и его людей. На всякий случай, надо будет заняться жильцами дома на 10-й Рождественской. Говорят, что дочка Аллилуева приглянулась этому грузину. Если что, пусть она будет заложницей.

— Ну и голова у тебя, Яков, — восхитился Троцкий, — ты, именно ты должен стать

вождем в этой дикой стране. Ну, и мне, конечно, найдешь подходящую должность.

Свердлов улыбнулся похвалам Лейбы. Толковый человек, только опасный. Такой не остановится и подсидит тебя, не успеешь и глазом моргнуть. Надо за ним приглядывать, а когда надобность в нем отпадет, тогда...

Что ж поделаешь, — подумал про себя Свердлов, — у настоящего вождя нет привязанностей. Он велик и одинок, словно горная вершина. Яков гордо вскинул подбородок, и, подражая Бонапарту, заложил руку за отворот своей кожаной куртки...

14 (1) октября 1917 года 21:35, Петроград. Путиловский завод. Один из пустых ангаров

Общее собрание рот морской пехоты и моряков с БДК «Новочеркасск» и «Саратов».

Стоя на корпусе БМП рядом с командирами рот десантных кораблей, Дзержинский, уже одетый в знакомую всем шинель, фуражку и маузер, обозревал сверху собравшихся. Их было более трех сотен. Именно от этих людей сейчас зависело, удастся ли провокация Свердлова и Троцкого, или нет. Большинство из них родом с юга России, а значит — среди них обязательно должны быть потомки казаков, у которых от фамилий Свердлов и Троцкий шерсть на загривке должна вставать дыбом. Первое — надо чтобы они согласились участвовать в этой операции, и второе, чтобы сумели найти общий язык со своими прадедами. Набрав в грудь воздуха, Феликс Эдмундович поднял руку и сказал, — Здравствуйте товарищи!

— Здравия желаем, товарищ Дзержинский! — слитно проревели в ответ морпехи-попаданцы.

Дзержинский, смеясь, потряс головой, — Спасибо, товарищи, — ответил он, — совсем оглушили. Потом Железный Феликс обвел взглядом собравшихся и продолжил, — Товарищи, мы собрали вас здесь для того чтобы попросить вашей помощи в одном очень важном и щекотливом деле.

Дело в том, что в настоящий момент в Петрограде расквартированы три донский казачьих полка — 1-й, 4-й и 14-й — всего около трех тысяч сабель. Нам стало известно, что иностранные разведки и затесавшиеся в ряды большевиков авантюристы Свердлов и Троцкий задумали втемную использовать казаков для свержения правительства товарища Сталина и установления своей диктатуры. Среди вас наверняка есть потомки людей, в свое время переживших задуманное Свердловым и Троцким разказачивание. Сейчас гешефтмахеры от революции решили обмануть казаков, сообщив им что на самом деле правительство Сталина за продолжение войны, а сами казаки будут направлены на фронт под германские пулеметы.

Нам нужны добровольцы, которые пошли бы к своим прадедам и разъяснили им, что это абсолютнейшая чушь. Во-первых, на заседании Совнаркома мы единогласно приняли Декрет о Мире, а, во-вторых, никого под пулеметы мы посылать не будем. Кончилось то время, когда солдат был кем-то вроде бессловесной скотины, а царские генералы знали только один прием — послать в атаку побольше народа — авось кто и добежит до германских окопов. Даже если немцы в ближайшее время не решатся пойти с нами на переговоры о мире, и нам придется поторопить их, освободив Ригу, то освободить мы ее будем по новому методу огнем и броней, а не как раньше — солдатскими жизнями. Ну, не мне вам это объяснять, вы все лучше меня знаете...

Товарищи бойцы и офицеры, для такой сложной и ответственной задачи, как разъяснительная работа среди казаков, нам нужны только добровольцы. И помните, если вам не удастся их убедить, то вам, возможно, придется убивать своих собственных прадедов при подавлении абсолютно бессмысленного и никому не нужного мятежа. Все, товарищи, решайтесь!

Дзержинский замолчал, а на его место поднялся Тамбовцев. Он не стал витийствовать, а просто показал морпехам стопку распечатанных на принтере листов с Циркулярной инструкцией Оргбюро ЦК от 24 декабря 1919 года за подписью Свердлова. В ней говорилось: «...признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью».

— Вот, товарищи, покажите этот документ сомневающимся. Именно такие планы искоренения казаков, как социальной группы. Да вы и сами можете рассказать многое, что слышали от своих родных и близких о тех страшных временах. Нельзя допустить их повторения.

Среди морских пехотинцев и моряков началось движение. К бэтэру, ставшему импровизированной трибуной, один за другим выходили люди. Это их предки столетиями защищали Россию на дальних кавказских и причерноморских рубежах. Сейчас им предстояло вернуть еще один долг своим прадедам, избавив многих от участи, которая возможно была для них хуже смерти.

Еще полчаса спустя, из ворот Путиловского, в сторону казачьих казарм на Обводном, выехали три БМП-3, облепленных бойцами в полном боевом снаряжении...

полковник СПН ГРУ Бережной и генерал-майор Бонч-Бруевич.

Стучат по стыкам колеса, плещется в большом медном чайнике кипяток. В теплушке, под потолком, тускло светит аккумуляторная лампочка, на нарах, застеленных невиданной здесь пенкой, сидят и лежат спецназовцы. Кто дремлет, кто не торопясь курит и разговаривает, а дежурная смена находится у дверей при оружии и в полной боевой готовности. Полковник Бережной и генерал Бонч-Бруевич сидят у приоткрытого багрового зева буржуйки, и ведут свой неспешный разговор. Обсуждается извечный на Руси вопрос — кто виноват, и что делать. Сейчас разговор крутился вокруг первой половины XX века, ставшей для России воистину дорогой на Голгофу. Генерала интересовало то, как увести страну с этого пути, и какова при этом должна быть роль армии.

— Поймите, Михаил Дмитриевич, — полковник Бережной задумчиво ворошил кочергой раскаленные угли в буржуйке, — Армия, она ведь не сама по себе, она тоже плоть от плоти, и кровь от крови народа во всех его проявлениях. И наш сегодняшний главный фигурант, генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, человек, между нами говоря, весьма недалекий, тоже оказался на белом коне лишь потому, что кроме своей несомненной храбрости больше ничего за душой не имеет. Ему в сражении не фронтом, не армией, а только полком на расстоянии прямой видимости возможно командовать, и никак иначе. А его главковерхом делают после Брусилова...

Как я уже говорил, он храбр. В нашей истории, уже в Гражданскую, он самолично в пехотной цепи ходил, пулям не кланяясь. А потому генерал Корнилов был уважаем и любим офицерами, которые сами также были храбры и беспомощны как дети в политических вопросах. Как объяснить этим офицерам, что произошедшая в октябре семнадцатого революция — это не гибель, а обновление России. Нам бы только суметь избавиться от таких личностей, как Троцкий и ему подобных, и ничего враждебного большинству представителей российского офицерского корпуса в большевиках не останется. Господа корниловцы жаждут восстановления порядка, но сами не ведают, что они имею в виду под этим словом.

В безвозвратное прошлое отошел тот мир, в котором господа генералы под угрозой жизни близких государя-императора заставили его подписать отречение. С этого самого времени тот порядок приказал долго жить, и начался период распада власти. «Одна из целей этой войны достигнута», — узнав об отречении русского императора, сказал в парламенте премьер-министр Британии Ллойд Джордж. Французские власти также испытывали по поводу февральской революции ничем не скрываемую радость.

И к эдаким-то союзникам и собирается обратиться за помощью генерал Корнилов. Весь их интерес к нему — это разжигание и затягивание Гражданской войны. Пусть русские как можно дольше, и как можно больше убивают друг друга. Пусть льется кровь, пусть нация расколется на два непримиримых лагеря, и еще много лет соотечественники будут стрелять друг в друга из-за угла.

Бонч-Бруевич зябко поежился под своей генеральской шинелью, — Страшные вы вещи говорите, Вячеслав Николаевич, — задумчиво сказал он, — Но, знаете, я вам верю. Государь

на этой войне совершил две главных ошибки, после которых русскую армию было уже невозможно спасти...

— Господин генерал, — сказал один из спецназовцев, слушавших разговор с верхнего яруса деревянных нар, — извините, что я вмешиваюсь в ваш разговор, но мне хотелось бы узнать — первая ошибка заключалась в том, что он в эту войну вообще ввязался?

— Совершенно верно, молодой человек, — кивнул Бонч-Бруевич, — мы, офицеры Главного штаба, совершенно ясно понимали, что эта война абсолютно не нужна России. Хотя австрийцы и турки давно были нашими потенциальными противниками, но нашим главным врагом были назначены немцы, делить с которыми нам было решительно нечего.

— Война была нужна англичанам, — сказал полковник Бережной, — и как только Россия присоединилась к Антанте, они сразу приступили ко второй части своего плана, предусматривающего смертельную схватку двух континентальных империй. И взбаломошный сербский гимназист Гаврила Принцип не стал не причиной этой войны. Были и до него поводы к началу боевых действий, но российская дипломатия до поры до времени ухитрялась не доводить дело до войны. Как я понимаю, вторая ошибка была сделана Николаем II уже в ходе начального этапа войны в августе-сентябре четырнадцатого года.

— Вы почти правы, — покачал головой Бонч-Бруевич, — за одним небольшим исключением. Я бы ограничил этот период не сентябрем, когда то требованию французского генштаба было прекращено успешное русское наступление на Будапешт, и были разгромлены в Восточной Пруссии армии Самсонова и Реннекампа, а ноябрем, когда наша армия мирного времени, неплохо обученная и вооруженная, разбилась о твердыни Силезского вала.

Полковник Бережной хмыкнул, — В нашей Второй мировой войне, Верховный Главнокомандующий, наш общий знакомый товарищ Сталин, посылал таких просителей подальше. Так что просьба премьер-министра англичан, попавших в Арденнах в весьма неприятную ситуацию, звучала примерно так: «Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...».

— И что дальше произошло? — заинтересованно спросил генерал, — началось это «крупное наступление на фронте Вислы»?

— Да началось, — кивнул полковник, — Это была Висло-Одерская операция. За две недели наши армии преодолели расстояние между этими двумя реками, при этом, еще в районе Вислы, окружив и уничтожив большую часть противостоящих им германских частей, которые просто не успели отступить на заранее подготовленный мощный оборонительный рубеж. Его, не занятого войсками противника, наши части пророскочили с ходу, и вторглись на территорию Германии.

Если Первая мировая война обогатила военную науку таким понятием как позиционный тупик, то Вторая мировая сделалась войной скоротечных глубоких операций. Сначала немцы путем молниеносных рывков механизированных частей дошли до Петрограда, Москвы, Царицына, Владикавказа и Новороссийска, то потом уже мы, тоже кое чему научившись, загнали немцев на линию Триест — Вена — Прага — Берлин.

Одной из задач, которую нам предстоит выполнить после того, как все закончится — это вылечить нашу армию от пораженческого синдрома. Ведь практически сто лет, с окончания Наполеоновских войн, наша армия не одерживала побед над регулярными противниками европейского класса. Войны на Кавказе и Туркестане не в счет. Они, конечно,

укрепили государство, но не добавили армии, ни славы, ни боевого опыта.

Напротив все крупные войны были или проиграны, или закончились, если так можно выразиться, вничью. Крымская, она же Восточная — проиграна. Русско-турецкая 1877–1878 годов, которую мы вели за освобождение Болгарии — была для России бесплодной с точки зрения военного искусства, если не считать победой взятия Карса и Батума, что весьма скромно, исходя из масштаба человеческих потерь и напряжения всех сил государства. Русско-Японская — проиграна, причем исключительно по внутренним причинам, заключавшимся в качестве офицерского и особенно генеральского корпуса. Первая мировая — в нашей истории была проиграна, мы же сейчас пытаемся перевести ее в разряд ничьи.

От войны к войне качество и моральное состояние офицерского корпуса все время падало, и сейчас находится ниже плинтуса. Зато Советская армия, одержав решительную победу во Второй Мировой войне, приобрела такой авторитет и высокий моральный дух, которого ее потомкам хватило на много десятков лет. А вот как привить этот дух победителей существующей русской армии, без ее полного демонтажа, это я пока не знаю. Хотя, наверное, ее надо сначала сохранить от грозящего ей полного распада.

Полковник Бережной замолчал, отхлебнув горячего чая, а генерал Бонч-Бруевич задумался, — Так вы считаете, что даже закончив воевать с германцами мы все равно не избавимся от угрозы оккупации и расчленения страны? — через некоторое время спросил он.

— Михаил Дмитриевич, даже если мы избежим Гражданской войны в общероссийском, так сказать смысле, то все равно останется сепаратизм национальных окраин, поддержанный нашими нынешними «друзьями» по Антанте. Нас будут пробовать на прочность самыми разными способами. Надеюсь, что нам все же удастся затянуть бойню на Западе, и что у французов и англичан после победы над Германией (если она в конце концов произойдет) просто не останется сил на серьезную войну с Советской Россией.

Правда, за это время почти наверняка на Дальний Восток сумеют влезть японцы. Не знаю, может возрождение армии начнется с реванша за 1905 год? Сейчас мы знаем, кто из командиров чего стоит. И ТЕХ красных, и ТЕХ белых. Не завидую я воинам микадо в таком случае. Но, это уже как выйдет. — полковник Бережной потянулся, — Ладно, Михаил Дмитриевич, давай те закончим этот разговор. Надо хоть немного отдохнуть, ведь завтра день может быть нелегким. Только запомните одно, чем меньше шума мы произведем в Могилеве, тем лучше.

— Да, я понимаю, Вячеслав Николаевич, — сказал Бонч-Бруевич, ложась на любезно предоставленную ему пенку, — Спокойной ночи.

— Спокойной и вам ночи, Михаил Дмитриевич, — ответил полковник Бережной, закрывая глаза.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net